

GRAMMAIRE
GENERALE
ET RAISONNE'E.
CONTENANT

Les fondemens de l'art de parler; expliquez d'une maniere claire & naturelle.

Les raisons de ce qui est commun à toutes les langues, & des principales differences qui s'y rencontrent.

Et plusieurs remarques nouvelles sur la Langue Française.

Seconde Edition revueë & augmentée de nouveau,

A PARIS.
Chez PIERRE LEVETIT, Imprimeur &
Libraire ordinaire du Roy, rue S. Jacques
à la Croix d'Or.

M, DC. LXIV.

Avec Privilege de sa Majesté.

ГРАММАТИКА
*общая и рациональная,
содержащая основы искусства речи,
изложенные ясным
и естественным образом,
толкование общего в языках
и главные различия между ними,
а также—многочисленные новые
замечания о французском языке*

*написанная Антуаном АРНО
и Клодом ЛАНСЛО*

С приложением заметок Ш. Дюкло

Перевод с французского,
комментарии и послесловие
докт. филол. наук Н. Ю. Бокадоровой
Общая редакция и вступительная статья
чл.-корр. АН СССР Ю. С. Степанова

Москва «Прогресс» 1990

Рецензенты — академик Ю. Б. Виннер,
член филологических наук С. А. Ромашко

Редактор В. Д. Мазао

Арно А., Лансло Кл.

А 84 Грамматика общ. и рацион. Пор-Рояля. Пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой; Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс, 1990. — 272 с.

Грамматика Пор-Рояля — один из наиболее значительных и знаменитых текстов мирового лингво-филологического наследия.

Эта небольшая по объему книга, вышедшая первым изданием в Париже в 1680 г., послужила поворотным пунктом в развитии европейской лингвистической мысли. Авторы грамматики — выдающийся логик и философ-ясенист А. Арно и замечательный грамматист Кл. Лансло — сумели в сжатой, почти афористической форме, изложить основы нового подхода к грамматике. Этот подход основан на анализе языка с позиций „разума“, его возможностей и основных „операций“ (отсюда — определение грамматики как „рациональной“). Рациональный аспект языка отражает, по мнению авторов Пор-Рояля, общее в строении всех языков (отсюда — определение грамматики как „общей“). Грамматика Пор-Рояля положила начало традиции „грамматической науки“ и по ее образцу в Европе XVIII — начала XIX в. были описаны многие европейские и неевропейские языки. Этот образец широко внедрялся в школьное преподавание. Как философский и логико-лингвистический труд „Грамматика“ не утратила своего значения и в наши дни. Она представляет интерес для языковедов всех профиней, философов, логиков, историков науки и культуры, преподавателей филологов.

Пор-Рояль „что в полях“ в конце 17 в.

ПОР-РОЯЛЬ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Если в февральский пасмурный день, подняв воротник куртки (на который тотчас насядет изморось), вы войдете в Люксембургский вокзал (прямо напротив Люксембургского сада, посреди Латинского квартала), то очень скоро электричка доставит вас за 33 км от Парижа, в городок Сен-Реми-Ле-Шеврээ, где железная дорога и кончается. Вы окажетесь на тихой привокзальной площади почти единственным приезжим, выльете в ресторанчике чашку горячего молока или стакан красного вина (который придется греть в руках) и снова выйдете на площадь, теперь уже совсем один... Тут нужно подняться в гору, и через полкилометра вы будете высоко над городком, у развалин старинного замка де-ля-Мадлен. Вы останетесь

ISBN 5-01-002080-7

А

Редакция литературы по
гуманитарным наукам

© Перевод на русск. яз.,
вступительная статья,
комментарии, послесло-
вие — издательство „Про-
гресс“, 1990

и оглядитесь. Справа, со стороны моря, будут быстро двигаться мокрые, толстые, синие облака, уже почти кучевые, хотя до лета еще далеко (но вы же у моря). И, скорее всего, здесь на секунду проглянет солнце. Перед вами откроется изумительный вид. Внизу, под обрывом, как на карте, городок, за ним уходящая в туман равнина с блестящими ручейками, сзади вас, на пологом спуске, голый, но густой лес, скорее чаща из осин и кустарников. Туда и нужно спускаться по скользкой дорожке. Там начинается „тропа Жана Расина“... Вы идете среди мокрых голых веток и голубых (да, голубых под Парижем, — это заметили еще импрессионисты) стволов осин. Тут довольно мрачно, но спокойно. Вот появляется первый столбик с мраморной дощечкой, на которой выбиты юношеские строчки Расина, прославляющие „пор-рояльский пейзаж“¹. С бугра на бугор, через ручеек, не поскользнитесь... Еще столбик со стихами. Снова подъем... И вот вы у ворот Пор-Рояля. Точнее сказать — у ворот развалин монастыря „Пор-Рояль, что в полях“ (Port-Royal des Champs).

„Что это?“ — воскликнете вы, уже как читатель. — „К чему эти риторические обращения!“ Вы правы (читатель всегда прав). Но представим себе (времена меняются!), что вы действительно купили билет от —

¹ „Le Paysage, ou Promenade de Port-Royal des Champs“, сюита из семи од. А столбики установлены в 1939 г., к 300-летию юбилею Расина.

скажем — Иркутска до Москвы, затем от Москвы до Парижа, затем, уже в Париже, на Люксембургском вокзале, и т. д. ... В тот же момент Пор-Рояль перестал быть только у вас в воображении существовавшей грандиозной метафорой каких-то абстрактных идей — теперь это место, куда можно поехать. И в ту же минуту риторическое обращение перестало быть таковым. Оно стало просто описанием.

В 1204 г. здесь, в болотистой долине, если не сказать в овраге, называемой в просторечии Porrois (Порруа)², был основан женский монастырь. Написанный по латыни указ об основании неправильно (и, скорее всего, с целью возвеличения) передал это как Port-Roi „de Portu Regio“ („Королевское прибежище“), что в обратном переводе на

² Как сообщает Сент-Бёв в своей истории Пор-Рояля, по мнению некоторых историков, это слово восходит к народно-латинскому porra или borra, что значило будто бы 'заросшая яма со стоячей водой'; действительно, на территории Пор-Рояля издревле находился пруд с гнилой водой, который часто затоплял окрестности; он был засыпан только в середине XVII в. Упомянутое Сент-Бёвом слово отмечено также в испанском языке, но с совсем другими значениями. Скорее всего, Porrois представляет собой совмещение (контаминацию) двух старофранцузских слов: poldrois, porrois — существительного мужского рода 'пыль' и какого-то подобного, хотя прямо не засвидетельствованного, существительного от глагола porrir 'гнить'; родственное слово porreüre значило одновременно и 'пыль' и 'гниль' (poldreüre, porreture) (Grandsaigne d'Hauterive R. Dictionnaire d'ancien français. P.: Larousse, 1947, p. 474).

французский дало уже вместо Porrois — Port-Royal. В XVI в. этот монастырь, как и многие другие во Франции в это время, пришел в полный упадок. В начале XVII в. его настоятельницей была назначена одиннадцатилетняя девочка из семейства Арно (Arnauld), ставшая матерью Анжеликой, и лет через десять ей удалось реформировать монастырь в строжайшем бенедиктинском духе.

Местность вокруг монастыря была крайне нездоровая, монахини часто болели, и в 1625 г. мать Анжелики покупает в Париже, в предместье Сен-Жак, дом для второго, городского помещения монастыря. Старое, сельское помещение начинает называться Port-Royal-des-Champs 'Пор-Рояль, что в полях' (см. гравюру). Монастырь отныне существует в двух местах.

В 1636 г. духовником матери Анжелики и фактически духовным руководителем монастыря стал аббат Сен-Сиран, единомышленник голландского католического теолога Янсения (1585—1638), и с этого времени до конца века монастырь становится оплотом янсенизма во Франции. В 1668 г. при так называемом Церковном мире (Paix de l'Eglise) король Людовик XIV, настроенный резко против ясенистов и видевший в них своих личных врагов, выделяет городской Пор-Рояль в независимый монастырь и назначает туда настоятельницей противницу янсенизма. С этого времени судьбы янсенизма связаны только с Пор-Роялем „в полях“.

При нем уединенно, как отшельники, „solitaires“ („отшельники первого поколения“), поселились выдающиеся ученые и

теологи — Ле-Мэтр де Саси (Le Maître de Sacy), Николь (Nicole), Антуан Арно (Le „Grand Arnauld“), Лансло, или Лансело (Lancelot), медик Амон (Hamon) и др. Образовался кружок единомышленников. С 1654 г. здесь жил и Паскаль, сестра которого стала монахиней. Эти „Messieurs“, „Господа мужичины“, как их называли в монастыре и окрестностях, устроили в старом крытом гумне (aux Granges) школу для детей и юношества (les „Petites écoles“, 1638—1660 гг.), а позднее и сами туда переселились. В „Маленькие школы“ в 1655 г. начал ходить молодой Жан Расин (его тетка, монахиня Аньес Расин, присматривала за ним).

Между тем борьба ортодоксальной католической церкви и короля против янсенизма усиливалась. В 1679 г. монастырю Пор-Рояль, „что в полях“, было запрещено принимать новых послушниц, а Арно и Николь были отправлены в изгнание за пределы страны. В 1708 г. последовала папская булла об упразднении монастыря, в 1709 г. монахини были выселены и рассеяны по другим монастырям, а в 1712 г. само здание монастыря и его церковь были снесены; их развалины и видит теперь путешественник, пришедший к ним по „тропе Расина“...

„Тут и я со своими развалинами, — восклицал Сент-Бёв еще в 1840 году. — Бедные развалины Пор-Рояля, такие скромные и неприметные по сравнению с руинами древнего Рима! Но здесь-то мы и повторим

вслед за Паскалем: истинная мера вещей — в нашей мысли“³. Внешний и внутренний пейзаж соединяются.

Итак, болотистая местность, неопрятный, но густой подлесок, да к тому же вскоре и развалины... Как все это должно было противопоставляться Версалю, уже в сознании современников! Впрочем, нужно упомянуть и нечто общее для этих двух мест — дороги.

„От Парижа густо, как лучи короны, — писал один из знатоков французского пейзажа XVII в. Илья Фор, — отходят во всех направлениях дороги. Дороги, да еще парки, посреди всеобщей скудости едва возделанной почвы, создают Францию — широко раскинувшуюся систему аристократических оазисов, где торжествуют порядок картезианский, порядок католический, порядок монархический и порядок эстетический... Площадь, парк, мост, дорога — это линии разума посреди случайностей природы, ее полей и оврагов и среди темных тайн жилищ и лесов... Дорога в особенности, покрывающая своей сетью земную поверхность, следующая ее изгибам, чтобы лучше подчинить ее себе, дорога, эта горизонтальная архитектура, одна из самых благородных форм веры народов в самих себя...“⁴

Но если дороги к Пор-Роялю — это скорее „линии разума посреди темных тайн жилищ

³ Sainte-Beuve Ch.-Aug. Port-Royal. 2-e éd. T. 1. P.: Hachette, 1860, p. 3.

⁴ Faure Elie. Histoire de l'art. L'art moderne. T. 1. P.: Le livre de poche. 1967, p. 232—233.

и лесов“, то дорога к Версалю и аллеи версальского парка — это символизация абсолютного порядка и рассудка. „Государство стало чем-то регулярным, каждая линия которого вела к центру“ (Вольтер), а Версальский парк стал аллегорией, материальной метафорой этого нового государственного порядка Франции⁵. „План Версаля прекрасно обозрим благодаря искусственно выровненной почве. Можно представить себе, какое дивное зрелище открывалось с верхней террасы дворца на создание Ленотра, когда оно еще сохранялось в его первоначальной чистоте и нетронутости... Зрелище это обладало неотразимой притягательной силой. Было что-то возвышающее в том богатстве зрительных впечатлений, которые с единой точки зрения, с одного наблюдательного пункта открывались человеческому глазу и ласкали его чувством простора и порядка. Простое созерцание казалось здесь равносильным познанию. Все было наглядно, как на шахматной доске с ее напрягающей ум логикой“⁶.

Пор-Рояль и Версаль — две противоположности, два конца той оси, которая пронизывает во времени и пространстве целый фрагмент культуры, снова выступающий теперь для нас предметом нашего внимания и интереса.

⁵ Алпатов М. Этюды по истории западноевропейского искусства. М.: Изд. Акад. художеств СССР, 1963, с. 304.

⁶ Там же, с. 307—308.

В кружке ученых Пор-Рояля были созданы два замечательных научных произведения, тесно связанных одно с другим — „Грамматика всеобщая и рациональная Пор-Рояля“ („La Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal“, 1660) и „Логика, или искусство мыслить“ („La Logique ou l'art de penser de Port-Royal“, 1662). Авторами первого были Антуан Арно (1612—1694) и Клод Ланкло (1615—1695), второго — тот же Арно и Пьер Николь (1625—1695). „Грамматика“, по 2-му изданию 1664 г., впервые в полном русском переводе предлагается здесь читателю.

В сущности, „Грамматика Пор-Рояля“ и „Логика Пор-Рояля“ — это две части единой логико-лингвистической концепции. Уже в самом этом соединении логики и языка лежит причина ее большого значения для наших дней. Но не только в этом.

Замечательное логико-лингвистическое учение, „концепция Пор-Рояля“, как мы его дальше будем называть, этот, казалось бы, частный и обособленный фрагмент мира идей, на самом деле теснейшим образом связан со всей духовной жизнью Франции и Европы XVII в. А тем самым — в той мере, в какой наша современная духовная жизнь не лишена исторических корней, — и с нашей жизнью. Прочертить, хотя бы отрывочно и „пунктирно“, эту связь — задача настоящей вводной статьи.

Прежде всего возникает вопрос: случайна или не случайна связь этой логико-линг-

вистической концепции с янсенистским монастырем? Над этим недостаточно задумывались. Но в настоящее время мы должны ответить определенно: да, не случайна. Концепция Пор-Рояля принадлежит общему мощному течению рационализма XVII в. Рационализм Декарта, вне всяких сомнений, ее главное основание (об этом прямо сказано в „Логике“, гл. I). Но многими, зачастую тончайшими отношениями она связана и с янсенизмом и отходит от философских учений XVII в. и самого Декарта. Самый дух учения Пор-Рояля — дух предельной открытости логических извивов мысли, стремление вскрывать до конца ее затаенные логические основания и вместе с тем дух суровости и аскетизма — идет не только от философского рационализма, но и от религиозной доктрины янсенизма. Ученые Пор-Рояля противостоят иезуитам и духу иезуитства не только так, как противостоял им Декарт, но и по-своему, как суровые защитники „истинной веры“, как янсенисты.

В наши дни уже стало признанной истиной, что каждая научная эпоха заново пишет для себя всю историю науки. В значительной мере по-новому предстает теперь и рационализм⁷ — течение, в русле которого родилась концепция Пор-Рояля. Рационализм как направление неизменно противостоит иррационализму, с одной стороны, и эмпиризму (сенсуализму) — с другой. Но, помимо этих внешних оппозиций, мы видим теперь рационализм — на всем протяжении

⁷ Ср.: Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988.

его истории — пронизанным и внутренними противопоставлениями, образующими его внутренние „линии натяжения“. Так, более тонкие различия между разными представителями рационализма — Декартом, Лейбницем и Спинозой — были связаны, в частности, с тем, как они решали проблему происхождения независимых от опыта идей — считали ли они их врожденными или, точнее, „вложенными богом“, как Декарт, или результатом „предустановленной гармонии“ и предрасположенности „монады“ к мышлению, как Лейбниц, или осуществлением способности мышления тождественно отражать бытие, как Спиноза⁸.

По-видимому, еще более тонкие различия возникали тогда, когда рационализм в силу своей природы неуклонно начинал распространяться на область других оснований философии и вторгаться в сферу религии. (С одной из таких „линий натяжения“ мы встретимся дальше в споре Арно с Декартом.) Наконец, надо иметь в виду, что в XVII в. чисто теоретические расхождения были тесно связаны с вполне практическими отношениями между личностями, между кружками ученых, конгрегациями и т. д. „Линии натяжения“ возникали тогда в живой среде идей, не только между идеями, но между людьми — носителями идей.

Во всей этой достаточно сложной картине рационализма XVII в. ведущей линией, движущим импульсом является, однако, одно — выражаясь современным языком, превращение рационализма и з

⁸ Указ. соч., с. 16.

теории в метод. Это преобразование произвел гениальный Декарт. Поэтому на первый план необходимо выдвинуть, с современной точки зрения, как справедливо поступает П. П. Гайденко, научную программу Декарта⁹ и именно с ней соотносить другие научные позиции.

В самой суммарной и тезисной форме научная программа Декарта включает следующие пункты (тонкие связи между ними, зачастую в философском плане не менее важные, чем то, что связывается, приходится здесь, конечно, опускать).

1) В индивидуальном сознании (в моем „Я“) имеется и самим же сознанием обнаруживается начальный импульс, без всякого посредства других мыслительных операций (суждений, умозаключений, опосредований) свидетельствующий о том, что сознание существует и что некоторая по крайней мере его часть не подлежит никакому сомнению. Самому Декарту это открылось в виде непосредственной данности сознания: „Я мыслю, следовательно, я существую“ („Я“ отождествляется при этом с самим сознанием).

2) Непосредственно данные в этом начальном импульсе свойства — ясность и отчетливость идеи — становятся основными критериями, или требованиями, предъявляемыми ко всякому процессу продуктивного мышления — к отысканию истины „естественным светом разума“ (*par la lumière naturelle*).

⁹ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (XVII — XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени. М.: Наука, 1987, с. 139—200.

3) Основным свойством сознания признается „не быть протяженным“; сознание есть „непротяженная субстанция“. В сущности, здесь уже содержится другой признак непротяженной субстанции — ее длительность, ее активность во времени, ее разрывание во времени и в конечном счете — время (*la durée*). Но этот признак будет вполне осознан лишь впоследствии (ср., например, у А. Бергсона). Пока что, у Декарта, „мыслящая субстанция“, т. е. само сознание, или мышление, имеет ряд атрибутов — воображение, чувствование, желание (воля). А исходное содержание сознания, „непротяженной субстанции“, — это несколько „врожденных идей“: идея бога как существа всесовершенного, идея числа, идея фигуры, а также некоторые общие истины, среди которых Декарт полагал (не называя его так) логический закон тождества.

4) Путем уже описанной процедуры — следовать естественному сцеплению ясных и отчетливых идей — мыслящее сознание доходит до открытия другой субстанции — тела. Основным свойством тела является протяженность в пространстве (*l'étendue*). Впоследствии противопоставление „длительности во времени (*la durée*)“ и „протяженности в пространстве (*l'étendue*)“ станет основным, простейшим противопоставлением двух этих субстанций (у того же Бергсона). Но у Декарта „протяженная субстанция“ имеет ряд атрибутов — величина (которая тождественна самой протяженности), фигура, расположение частей, движение.

5) Понятие тела распространяется, далее, у Декарта на всю природу, которая отождествляется с „протяженной субстанцией“ и в конечном счете с материей. „У Декарта материя стала телом, а тело стало материей, т. е. утратило то начало формы и жизни, каким тело обладало в аристотелевской научной программе“¹⁰. „Материя стала субстанцией — в этом состоял революционный переворот, происшедший в XVII в. и послуживший теоретической предпосылкой для нового понятия науки“¹¹.

6) Ввиду указанного разрыва между двумя субстанциями — „мыслящей“ и „протяженной“ — наука, согласно Декарту, состоит в том, чтобы конструировать непротиворечивые („ясные и отчетливые“) системы идей относительно „протяженной субстанции“. Мы бы теперь назвали эти системы идей „моделями“. Но и не по названию только, а и по существу, так оно и есть. С этого положения Декарта начинается эпоха „моделей“, эпоха „конструктивизма“, и, в сущности, в этом подходе уже заключены истоки позитивистского взгляда на познание.

Декарт первый начал создавать такие модели: он конструирует воображаемый мир, в котором из воображаемых заданных свойств происходят те самые следствия, которые мы наблюдаем в действительном мире. Один из самых замечательных примеров — его „Трактат о свете“ (1630—1633 гг., первое изд. Лейден, 1662). „Позвольте теперь вашему мышлению, — пишет Декарт, — поки-

¹⁰ Гайденко П. П. Цит. соч., с. 160.

¹¹ Там же, с. 162.

нуть на некоторое время пределы этого мира и посмотрите на другой, совершенно новый, который я заставляю родиться в вашем присутствии в воображаемых пространствах...¹² „Я не ставлю себе задачей, подобно им (прежним философам. — Ю. С.), объяснять вещи, на самом деле существующие в действительном мире. Я просто воображаю для собственного удовольствия такой мир, в котором нет ничего, что не были бы способны понять самые грубые умы. А этот мир может быть создан так, как я это вообразил“¹³.

7) Сам процесс создания таких „моделей“ является, по Декарту, неким „исчислением идей“, логистикой, а поэтому естественно и закономерно сближается с математикой¹⁴. А в той мере, в какой он остается логическим процессом, связанным с языком, логика и язык подводятся под требования математического рассуждения. Так возникает идея „рационального языка“ как исчисления понятий в языковой форме.

8) К сказанному нужно добавить, что, помимо этой основной линии своей научной программы, исследования „протяженной субстанции“, Декарт начал создавать также другую, в известной мере параллельную первой, — учение о „мыслящей субстанции“, о сознании, или душе (в данной связи все эти термины у него, как он сам указывает,

синонимы). Им был написан специальный трактат „О страстях души“ („*Passions de l'âme*“, 1649 г., первое издание — Амстердам, 1649)¹⁵, положивший начало картезианской психологии. Но эта линия не получила у Декарта полного развития.

Создатели „Грамматики“ и „Логики“ Пор-Рояля, выступая „не в тоге богослова“ (их выражение), а как ученые, исходили в целом из философии Декарта. Поэтому они не могли не следовать, хотя бы в основном, и его научной программе.

Однако — и здесь мы вступаем в область „тонких линий натяжения“ — не все в программе Декарта принималось учеными Пор-Рояля безоговорочно. Об этом свидетельствуют „Возражения“, сформулированные А. Арно в ответ на „Размышления о первой философии“ Декарта (написаны Декартом в 1640—1641 гг., первое изд. Париж, 1641). Тщательно подготавливаясь к изданию этого сочинения, Декарт решил заранее собрать критические замечания от разных выдающихся ученых и включить их в публикацию вместе со своими ответами. Через аббата Мерсенна такое приглашение получил и Арно, которому было тогда всего 28 лет. Замечания Арно под названием „Четвертые возражения“ („*Quatrième objections*“) вошли в издание „Размышлений“ Декарта.

В целом Арно принимает сочинение Декарта и относится к его автору с благоговением. Для критики же, говорит Арно, он

¹² Декарт Р. Трактат о свете. В кн.: Декарт Ренз. Космогония. Два трактата. М. — Л.: ГТТИ, 1934, с. 160.

¹³ Там же, с. 165.

¹⁴ Ср. Гайдзенко Н. Ш. Указ. соч., с. 180.

¹⁵ Рус. пер.: Страсти души. — В кн.: Соч. Декарта. Т. I. Казань, 1914; Декарт. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989.

выступит сначала в роли философа и сформулирует замечания двух родов — „О природе человеческого духа“ и „О Боге“, а затем „наденет тогу теолога“ и выскажет свои соображения „О вещах, которые могут вызвать несогласие теологов“.

Мы выделим только один, наиболее существенный для нашей темы, мотив возражений. Арно беспокоит слишком резкое у Декарта разделение духа и тела человека. С большим логическим мастерством он анализирует ход рассуждений философа и показывает его логические пробелы. Усматривает он их и в самом исходном положении: „Я мыслю, следовательно, я существую“. И вот здесь хорошо видно, насколько гениальный философ Декарт превосходит замечательного логика Арно. По Декарту, открывшаяся ему истина не является умозаключением, она есть непосредственное усмотрение истины. Арно этого не видит. И неудивительно: до наших дней не прекращаются попытки истолковать формулу Декарта как правильное или неправильное, но логическое заключение. Здесь же Арно указывает на очень близкую к декартовской формулировку Бл. Августина о роли сомнения („По крайней мере в одном нельзя сомневаться — в том, что я существую“) и даже находит в ней источник тезиса Декарта. Действительно, по содержанию, так сказать семантически, положения Бл. Августина и Декарта очень близки, но методически совершенно различны.

Вместе с тем несомненно, что Арно нашупал здесь у Декарта некоторую действи-

тельную слабость — дуализм. Далее, в той же части ему непонятен вывод Декарта о бессмертии души человека и связанное с этим положение о душе животных (которой, по Декарту, нет вовсе: животные — это „живые механизмы“). Арно же вслед за „обычной философией“ полагает, что у животных есть душа, так же отличная от их тела, как и у человека, но только смертная.

Несомненно, что дуализму Декарта (в смысле его абсолютного разграничения „мыслящей“ и „протяженной“ субстанций) Арно хочет противопоставить некое монистическое положение, разумеется, связанное с идеей Бога. По-видимому, это другое положение — не что иное, как „иерархия существ“.

Но прежде чем остановиться на этом, заметим, что наше истолкование последнего положения Арно подтверждается, как нам кажется, следующей частью его „Возражений“: „Когда он (Декарт) объясняет причину заблуждения, он имеет в виду главным образом заблуждение, происходящее в различении истинного и ложного, а не заблуждение в отношении добра и зла. Достаточное для замысла и целей автора, это рассуждение о причинах ошибок вызовет большие возражения, если принимать его применительно к поискам добра и его отличении от зла“¹⁶. Арно предлагает оставить это рассуждение только применительно к „вещам, относящимся к науке и подпадающим под ведение

¹⁶ Descartes. Discours de la méthode suivi des Méditations métaphysiques. P.: Flammarion, 1917, p. 217—218.

ние нашего рассудка", а не к тем, которые относятся к вере и поступкам в жизни. Здесь опять, как много раз на протяжении своих „Возражений“, Арно ссылается на Бл. Августина.

Мы находим эти положения у Августина (354—430 гг.) в период его священничества и борьбы против манихейства за идею единства мира. В сочинениях „О нравах церкви католической и манихейской“, „О пользе веры“, „О свободной воле“ и других Августин развещивает теодицею, оправдание Бога в вопросе о происхождении зла. Зла не существует. Есть только неполное добро, недостаток блага в несовершенном, т. е. сотворенном, бытии. Мир представляет собой иерархию, или „лестницу“, созданий от высшего — совершенного бытия и высшего блага (Бога) — до низших (неодушевленных предметов), проникнутых — в разной степени — частицей вечной духовной, божественной красоты и совершенства. Неодушевленные предметы и, выше их на ступеньку, неразумные живые существа обладают неподвижным в духовном смысле положением. Во главе же „здешнего мира“, т. е. творения, стоит существо разумное — человек¹⁷. Приближение

¹⁷ О популярности этой идеи в романском мире говорит и то, что ей посвятил много страниц каталонский философ Рамон Люль (Луллий) (1235—1315 или 1316), и то, что она даже выражена в памятнике Люлю, установленному в знаменитом высокогорном монастыре Монтеerrat близ Барселоны: памятник представляет собой башню из каменных прямоугольных плит, неровно сложенных одна на другую; на плитах снизу вверх написано: *камень, пламя, растение, животное, человек, небо, ангел, Бог*.

человека к Богу или удаление от Бога зависит от его, человека, воли (*liberum arbitrium*). Если человек погружается в чувственность, он удаляется от Бога и теряет в бытии. Так произошло в момент совершения человеком первоначального греха. Но падшие, как считает в этот период Августин, могут выйти из греховного состояния и снова соединиться с Богом в силу акта воли. Для такого воссоединения есть два пути — путь разума (*via rationis*) и путь авторитета (*via auctoritatis*)¹⁸. Постепенно у самого Августина начинает преобладать второй путь, что означает установление догматики христианской церкви. Параллельно этому идеи Августина о божественной благодати, о ее распределении между людьми и о божественном предопределении приобретают жесткий характер.

Возврат к учению Августина в противопоставлении ортодоксальному католицизму XVII в. стал центральным пунктом доктрины голландского теолога, епископа города Ипр, Янсения (1585—1638) и янсенизма в целом. Правоверных католиков особенно шокировали такие тезисы Янсения, как его „Первое предположение“: некоторые заповеди Бога невозможны для выполнения верующими по причине их слабых сил, ка-

¹⁸ См. Гревс Ив. Августин. — В кн.: Новый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз — Ефрон. СПб. Т. I. Стлб. 136—137; Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979, с. 272 и сл.; там же, с. 275, о некоторых пунктах близости рационализма XVII в. к взглядам Августина. Ср. также: *Sainte-Beuve Ch.-A. Port-Royal. 2-e éd. P.: Hachette, 1860. T. I. p. 143.*

кие бы усилия воли они ни прилагали; поэтому благодать (la Grâce), которая снизошла бы на них через выполнение заповедей, их минует; или „Пятое предложение“: Иисус Христос принял смерть на кресте не за всех людей, а только за избранных.

Книга Янсения „Августин“ вышла в свет посмертно в Лувене в 1640 г. (парижское издание 1641 г.), почти одновременно с „Размышлениями о первой философии“ Декарта. Но оба мыслителя, по-видимому, ничего не знали друг о друге.

Декарт принял возражения Арно очень благосклонно. (И это не преминул подметить Лейбниц: „Я думаю, что господин Декарт выбирал свою манеру обращаться с людьми — или учтиво или надменно — в соответствии с некоторой обдуманной политикой: он грубо обходился с гг. Ферма, Гоббсом и Гассенди, хотя они со своей стороны были с ним весьма вежливы, потому что его задевал их способ философствования; напротив, он весьма учтиво отнесся к г. Арно, потому что видел, что между ними нет соперничества и что в некотором смысле у них общие интересы против кафедральных философов и иезуитов, с которыми г. Декарт планировал начать войну“¹⁹.)

Дух августинизма в картезианстве Арно был достаточно силен. „Как это Арно, автор

¹⁹ Замечания Лейбница на „Жизнь Декарта“, описанную Байе (Baillet). — В кн.: *Nouvelles lettres et opuscules inédits de Leibniz*. Publ. par M. Foucher de Careil. 1857. — Приведено в указ. соч. Сент-Бёва, т. 5, с. 194, сн.

знаменитой «Логики», — замечает Сент-Бёв. — не увидел, что скоро к ней придется присоединить еще две главы — одну «О влиянии Декарта на способ рассуждения» и другую «О влиянии Бл. Августина на способ рассуждения»²⁰.

И вообще в глазах современников янсенизм и картезианство — в том виде, как они исповедовались в Пор-Рояле, — были довольно близки, а, по мнению некоторых теологов, для религии даже опасно близки. Основу этой близости многие теологи усматривали именно в августинизме²¹. Даже столь дружественный Декарту теолог, как Мерсенн, писал: „Чем более человек будет сведущ в учении Бл. Августина, тем более он будет расположен принять философию Декарта“²².

Итак, на гениальном фундаменте философии Декарта, новаторской и динамичной, пронизанной как бы молниями диалектической мысли, авторы Пор-Рояля создают более спокойное, более примиренное — через августинизм — с традиционной философией, более сухо-рассудочное, более формальное, но зато приближенное к обыденному человеку, рассчитанное на его силы учение о его языке и его логике. Концепцию Пор-Рояля

²⁰ *Sainte-Beuve*. Op. cit., t. V, p. 198.

²¹ *Lewis G.* Augustinisme et cartésianisme à Port-Royal. Du Vaucel critique de Descartes. — In: „Descartes et le cartésianisme hollandais. Etudes et documents.“ Publ. de l'Institut français d'Amsterdam. P. — Amsterdam: P.U.F. . Ed. Françaises d'Amsterdam, 1951, p. 131—182.

²² Письмо Мерсенна к Воецию (Voetius) от 13 дек. 1642 г. Цит. по: *Lewis G.* Op. cit., p. 133.

отличает от научной программы Декарта одна главная утрата — конценция не стала методом. Но она стала системой и каноном. Отвечая декартовскому требованию — строить рациональные гипотезы об объекте науки, — авторы Пор-Рояля действительно построили великолепную гипотезу, но в отличие от того, что мыслилось Декарту, — одну раз навсегда, не указав метода, каким ее можно было бы развивать и — в перспективе — преодолевать. Пор-рояльской гипотезе — вполне в духе янсенизма — было предопределено стать каноном.

Помимо философско-логического источника, другим, эмпирическим источником „Грамматики Пор-Рояля“ послужили конкретные наблюдения над различными языками в доступном тогда ученым лингвистическом горизонте: латынь, древнегреческий, древнееврейский; далее итальянский, испанский (*langues vulgaires*, как их часто называют в тексте „Грамматики“ по отношению к классической латыни), а также нидерландский, немецкий и фламандский (по-видимому, обобщенные в „Грамматике“ под названием „*les langues du Nord*“), сюда же, вероятно, следует отнести и английский. Это было личным вкладом Клода Лансло.

До этой „Универсальной грамматики“ и параллельно с ней он написал целый ряд превосходных „частных“ грамматик разных языков — латинского, древнегреческого, ис-

панского, — объединенных общим названием „Новый метод для изучения...“ („*Nouvelle méthode pour apprendre...*“)²³. Целый раздел данной „грамматики“ (гл. VI первой части) взят из этих работ Лансло. Книга Лансло „Греческие корни“ („*Les Racines grecques*“) сыграла в своем веке не меньшую роль, чем знаменитая и почти одноименная книга У. Уитни „Санскритские корни“ в прошлом и в нашем веке.

Будучи в течение многих лет преподавателем в „Маленьких школах“ Пор-Рояля, Лансло выработал превосходную методику обучения языкам и объяснения языковых фактов, рассчитанную прежде всего на детей и юношество, но именно поэтому отвечающую картезианскому идеалу объяснения — предельной ясности и доступности. Конкретные, но вместе с тем всегда системные объяснения языковых фактов — едва ли не лучшая часть „Грамматики Пор-Рояля“, и многое из нее (например, объяснение, как мы сказали бы теперь, „глубинной семантической структуры“ относительного местоимения, гл. X второй части) находится на уровне „логического анализа языка“ наших дней. По существу, это грамматический метод²⁴. Но еще не общий (см. ниже п. 6).

²³ См., например: *La Nouvelle Méthode pour apprendre la langue latine*. Paris, 1709. В ряде мест, напр. в гл. IV (с. 452) „О природе относительного местоимения“ и в др., дается отсылка на „*Grammaire générale et raisonnée*“.

²⁴ Здесь опять сошлись таланты Лансло и Арно. По преданию, в одной из вечерних бесед „отшельников“ в Пор-Рояле Арно на спор с герцогом де Люином (*le duc de Luynes*, переводчик „Размышле-

Тем не менее в отношении анализа языков своеобразие „Грамматики Пор-Рояля“ сильно преувеличено. У ее авторов были замечательные предшественники в разных странах, — по-видимому, почти все им известные, но далеко не все ими упоминаемые.

Упоминаются: итальянец Скалигер (Giulio Cesare Scaligero, или Scaliger, 1484—1558), соотечественник француз Рамус, или Рамюс (Pierre La Ramée, 1515—1572), немец Иоганн Буксторф (J. Buxtorf, 1564—1629) — один из основателей еврейского и особенно арамейского (халдейского) языкознания в Германии, и, конечно, больше всего соотечественники и современники Вожла (Claude Favre de Vaugelas, 1585—1650) и Малерб (François de Malherbe, 1555—1628).

Не упоминаются, но, вне всякого сомнения, известны испанец Франсиско Санчес из Брос, или Санчес де лас Бросас (Francisco Sanchez de las Brozas, 1523—1601), автор тоже „рациональной“ грамматики латинского языка „Минерва“ (1587 г.)²⁵, и, конечно, „модисты“, исследователи „модусов значений“,

ний“ Декарта с латинского на французский язык) объявил, что берется обучить его сына столь трудному предмету, как логика, в четыре дня. Этому замыслу, как гласит то же предание, соответствуют четыре части пор-рояльской „Логики“ (см. ниже). — См.: Oeuvres philosophiques d'Arnauld. Avec des notes et une introduction. par C. Jourdain. P.: Hachette, 1843 (Introduction).

²⁵ См. Малявина Л. А. У истоков языкознания нового времени. Универсальная грамматика Ф. Санчеса „Минерва“ 1587 г. М.: Наука, 1985.

схоластики предшествующих веков²⁶.

Не ясно, были ли авторам Пор-Рояля известны замечательные для своего времени грамматики — испанская Небрихи (Nebrija, или Lebrija, род. ок. 1444 — ум. 1522, наст. имя Antonio Martinez de Jarava), португальские Д'Оливейры (Fernão d'Oliveira, 1507—1580 или 1581) и Барруша (João De Barros, 1497—1562).

Некоторые связи грамматических идей мы отметим ниже.

Общая концепция грамматики, или, точнее, грамматики и логики в их связи, у авторов Пор-Рояля если и „рациональная“, то далеко не такая „ясная“, как предполагалось бы. Она требует анализа исследователя, да и просто читателя. Ниже мы выделяем лишь некоторые ее главные пункты.

1. Грамматика теснейшим образом связана с логикой. Грамматика призвана выражать логику, ибо она и основана на логике. (Терминами „грамматика“ и „логика“ авторы Пор-Рояля обозначают прежде всего сами явления и лишь иногда — науки о них или соответствующие им „искусства“.) Однако между грамматикой и логикой нет взаимно-однозначного соответствия. Так, логически сложные понятия могут выражаться в простых словах и, наоборот, простые поня-

²⁶ См. Bursill-Hall G. L. Speculative grammars of the Middle Ages. The Hague — Paris: Mouton, 1971 (Approaches to Semiotics, 11).

тия — в составных терминах. Суждение логически состоит из двух терминов — „субъект“ и „предикат“, — но, рассматриваемые по отношению к словам, как выражаются авторы, эти термины могут соединяться в одном слове или распределяться по большему количеству слов. Сложные суждения могут „казаться простыми“ (т. е. выражаться в словах как простые), и, напротив, простые суждения могут „казаться сложными“. И т. д.

Поэтому логический анализ и грамматический разбор все время идут рука об руку. В „Логике“ (гл. I второй части) даже прямо говорится: „Не столь уж важно, куда относятся эти вопросы — к грамматике или к логике, — а надо просто сказать, что все, что полезно для целей каждого искусства, к нему и относится. Независимо от того, является ли знание этих вопросов собственной принадлежностью только этого искусства либо это знание является также принадлежностью других искусств и других наук, которые им пользуются“.

Однако если не вполне теоретически, то по крайней мере практически грамматика и логика разделяются и даже вполне наглядно распределяются по двум разным сочинениям. Каким же образом?

Здесь нужно учесть упомянутое выше деление логики (не книги, а предмета) на четыре части, соответствующие основным операциям разума: *comprevoir* (понимать; образовывать идею; образовывать понятие); *juger* (судить; образовывать, составлять суждение); *raisonner* (умозаключать; образо-

вывать умозаключение); *ordonner* (упорядочивать; выстраивать мысли в надлежащем порядке). Первые три операции понятны сами собой, что касается четвертой — *ordonner*, — то имеется в виду такое действие ума, когда, составив об одном и том же предмете (например, о человеческом теле) различные идеи, суждения, умозаключения, разум располагает их в определенном порядке.

Во всех этих четырех частях грамматика связана с логикой, но в собственно грамматику (и в книгу о грамматике) авторы Пор-Рояля выделяют главным образом первую часть, причем особенным образом рассматривая в ней материал — от слов к идеям. Все остальное, а также то из первой части, что составляет тонкие вопросы образования идей, дефиниций и т. д., относится к логике. В силу этого деления, скорее практического, чем теоретически обоснованного, во французской традиции издания „Грамматики Пор-Рояля“ к грамматике обычно присоединялась и часть „Логики“, а именно II часть „О суждениях“²⁷.

Удивительным образом это разделение предметов оказалось почти точно соответствующим делению предмета лингвистики в наши дни, в особенности в американском варианте дескриптивной, или дистрибутивной, лингвистики 1950-х гг. Первичным предметом лингвистики (а в американском

²⁷ В настоящем издании это приложение из „Логики“ опущено, как по той причине, что оно отсутствует в оригинальном издании „Грамматики“, так и главным образом потому, что в настоящее время подготавливается полный русский перевод „Логики“.

варианте и основным) оказалось изучение дистрибуции морфем в пределах от слова до границ простого предложения. Дистрибуция предложений (простых в сложные, тех и других в абзацы и более длинные последовательности) была вынесена в стилистику. (В наши дни это составило также предмет новой дисциплины — лингвистики текста.) Что касается связей слов с идеями, то в настоящее время это предмет особой отрасли лингвистики — теории номинации, семасиологии, ономасиологии.

Итак, в ретроспективе можно подвести под разделение грамматики и логики в концепции Пор-Рояля, по крайней мере отчасти, и это лингвистическое основание.

2. Пожалуй, самое основное и характерное положение собственно грамматической концепции Пор-Рояля состоит в том, что язык расчленяется на два „слоя“, или „уровня“: высший — логически упорядоченный, ясный и доступный разумному анализу (собственно, этот слой и есть сама мысль, которая выражается в языке); низший — слой языковых выражений, логически неупорядоченный, противоречивый, управляемый лишь „обычаем“ (*l'usage*), а зачастую и более того — подверженный моде и капризам вкуса отдельных людей²⁸. Но и в низшем слое за-

²⁸ Ниже мы отметим некоторые аналоги этой идеи в одном из двух основных течений в эстетике французского классицизма, а именно у Расина; там же яснее проступает и ее ясеннистский колорит. О двух линиях в классицизме (Расин, поздний Буало, Лафайет, Ларошфуко и, с другой стороны, последователи Гассенди, Мольер, Лафонтен) см. Виллер Ю. Б. Французская литература периода

ключена некоторая мысль, о ней говорят нам как бы буквальное значения самих форм. Эти значения, неотчетливые, спутанные (*confuses*), связаны с ясными и отчетливыми (*distinctes*) значениями рационального слоя языка. В некоторых фрагментах языка ясные значения высшего слоя соединяются — и в этом особенность языка — с неотчетливыми значениями низшего слоя, т. е. самой языковой формы. Таковы прилагательные: к собственному отчетливому значению атрибута они присоединяют неотчетливое значение субстанции, к которой относится данный атрибут; иными словами, прилагательное как форма языка прямо указывает на атрибут и одновременно смутно намекает на существование еще чего-то — субстанции, имени.

Следует, однако, заметить, что терминов „высший“, „низший“ слов авторы не употребляют (это термины нашего „метаязыка“). Их места занимают скорее слова „ясный“, „смутный“. Почему это так?

3. По-видимому, потому, что у идеи „двух языков“ есть своя история и свое — в эпоху Пор-Рояля — настоящее. Авторы ничего не говорят об истории вопроса, а настоящее, живая актуальность для них — это различие „ясных“ и „смутных“ идей, картезианский тезис.

История же, несомненно, знакомая авторам, состоит в том, что представление о „двух языках“ — „высшем“ и „низшем“ —

расцвета классицизма. — В кн.: История всемирной литературы. Т. IV. М.: Наука, 1987, с. 138.

восходит к глубокой древности. Оно отражается как различие „божественного“ и „земного“ слова в мифологические времена. Оно преломляется в Библии как рассказ о двух аспектах сотворения языка: Бог именовал главные вещи в первые три дня творения — „день“, „ночь“, „небо“, „море“, „земная твердь“, — а затем передал именование Адаму, который завершил дело, назвав все остальное творение, животных и птиц. У Николая Кузанского (1401—1464) оно проходит как различие звучащего языка и „языка молчания, апофатического языка“ для мышления о Боге. И т. д. Не употребляя никаких подобных терминов, восходящих к глубокой истории, авторы Пор-Рояля тем самым освобождают себя от обязанности принимать происхождение языка по Библии.

4. О происхождении языка в „Грамматике“ ничего не говорится прямо, но авторы постоянно употребляют такие выражения, как „люди изобрели“, „людям понадобилось“, „люди придумали“ и т. п. Постепенно если не складывается, то по крайней мере навевается представление о некоем „общественном договоре“, приведем к возникновению языка. Эта идея станет доминирующей у Просветителей XVIII в.

5. Но вернемся к положению о двух слоях в языке, которое в „Грамматике“ остается ведущим. Между обоими слоями — рациональным и обиходным — сложные отношения. Обиходный язык, „употребление“, „обычай“ требуют рационального объяснения — именно в этом и состоит главная зада-

ча „рациональной грамматики“. Да, собственно говоря, все грамматисты этим занимались. Но, по мнению авторов Пор-Рояля, недостаточно успешно. Прежние объяснения и правила (*règles*) часто не подходят ко всем случаям или вообще плохо объясняют. Авторы пытаются дать иные объяснения, иные правила.

Но тем самым оказывается, что у одного и того же ряда языковых явлений, созданных „обычаем“, может быть несколько объяснений-правил. Каждое правило, таким образом, является по отношению к объясняемым фактам лишь более или менее удачной гипотезой, а прогресс грамматической науки состоит, очевидно, в том, чтобы формулировать все более удачные и точные гипотезы („правила“).

Что это, как не декартовский научный метод, первый пункт его научной программы — конструирование гипотез для объяснения реально наблюдаемых фактов? Да, несомненно, в „Грамматике“ перед нами гипотетико-дедуктивный метод современного теоретического языкознания, но представленный лишь в самом зачатке²⁹.

Однако авторы Пор-Рояля, как мы уже отметили, не сумели уловить основное в декартовском методе — его постоянное самовозобновление, его рекуррентность. Для них это скорее лишь однократно с успехом примененная операция, прием.

6. Тем не менее кое в чем, в отдельных линиях рассуждения они идут достаточно далеко. В „Грамматике“ имеется тонкое

²⁹ Ср. ниже аналоги этого взгляда у О. Конта.

различение двух терминов — *règle* и *maxime*. О понятии *règle* „правило“ мы уже сказали. Но чему подчиняется сама формулировка этих правил-гипотез? По-видимому, каким-то еще более общим и более универсальным правилам (оказывается, и универсальность имеет степени) — авторы в некоторых местах называют их *maximes* — ‘принципы’ (так, в гл. XXIV второй ч. и в др. местах). По-видимому, здесь перед нами первые проблески идеи о „метаязыке“ грамматики.

Конкретный аналог этой идеи Пор-Рояля появился в наши дни в „картезианском течении“ школы Н. Хомского в США, где стали различать „правило грамматики“, относящееся к преобразованию предложений, и „принцип грамматики“, относящийся к более сложным механизмам грамматики³⁰.

7. Могут ли люди воздействовать на свой язык? Да, могут, ведь они сами и изобрели его. Но не все люди и не одинаково на разные слои языка.

„Обычай“ — это стихия, он складывается вне рациональных норм, но на него можно воздействовать. Рядовые говорящие могут воздействовать на устный язык, но письменный — вне их власти. Зато он в известной мере подчиняется писателям (см. ниже замечания Дюкло). В этом неравенстве людей относительно их собственного языка и его меры рациональности не проступает ли некий аналог янсенистской идеи о неравенстве благодати?

³⁰ Ср.: Fiengo R. Surface structure: the interface of autonomic components. Cambridge (Mass.) — London: Harvard Univ. Press, 1980.

8. Высший, рациональный слой языка подвластен умам высшей рациональности — ученым. Это один из лейтмотивов „Граматики“. В конечном счете ученый вправе поставить перед собой и такую задачу: создать совершенно новый, упорядоченный и логичный язык — рациональный язык науки.

Эту задачу тремя десятилетиями раньше поставил уже Декарт. В письме к аббату Мерсенну от 20 ноября 1629 г., кратко рассмотрев вначале идею реформы обычного языка и с пренебрежением отозвавшись о ней как о деле малоперспективном и неинтересном, Декарт набрасывает с увлечением свой собственный проект — создание рационального философского языка. „Я считаю, что к этому можно было бы добавить одно изобретение для образования исходных слов такого языка и придания им соответствующих свойств, так что этому языку можно было бы обучиться за весьма короткое время благодаря порядку, т. е. установив порядок между всеми мыслями, какие могут быть в человеческом уме, подобно тому как имеется порядок в числах. Как можно за один день выучиться называть на незнакомом языке все числа до бесконечности, а также записывать их — а ведь это бесчисленное множество различных слов³¹, — так

³¹ Декарт не знал, что эта проблема, одновременно языковая и математическая, встала еще перед древними греками в виде проблемы записи больших чисел. Для разрядов выше пятого (в десятичной системе) у греков не было наименований в обычном языке, потому вопрос о наименовании больших чисел в неизменном („рекуррентном“) порядке стал пред-

же можно поступить и со всеми другими словами, необходимыми для выражения всего, что попадает в человеческий ум. ...Изобретение такого языка зависит от истинной философии, ибо иначе невозможно исчислить все мысли людей, расположить их в порядке или хотя бы только различить их, так чтобы они предстали ясными и простыми. Вот в чем, по моему мнению, самый большой секрет для того, чтобы овладеть нужной [для этого] наукой³².

„Очищение“ и логическое упорядочение могут применяться не только к естественному языку, но и далее — к возникшему таким путем рациональному языку, пока он не превратится в язык исчисления понятий, наподобие математики.

В письме Декарта есть лишь намеки на этот дальнейший процесс, но идея была брошена (или носилась в воздухе), ее подхватил Лейбниц.

Лейбниц развивает эти идеи в целом ряде работ 1680—1690 гг. — „Рациональный язык“, „Об универсальной науке, или философском исчислении“, „Основы исчисления рассуждений“, „Элементы универсальной характеристики“ и др.³³ В своем даль-

метом специальных исследований ученых и был разрешен двумя различными способами — как „октады“ Архимеда и „тетрады“ Аполлония. — См.: Выгодский М. Я. Арифметика и алгебра в древнем мире. Изд. 2. М.: Наука, 1967, с. 261—266.

³² Письмо Декарта цит. по: Couturat L., Leau L. Histoire de la langue universelle. P., 1907, p. 13.

³³ В русском переводе они собраны в 3-м т. „Сочинений в 4-х томах“. М.: Мысль, 1984. Как

нейшем развитии эти идеи привели, как известно, к созданию исчисления предикатов, исчисления высказываний, булевой алгебры и т. д.

Но, как часто бывает в истории науки о языке, в замыслах Декарта и Лейбница сохранилось и еще нечто, не сводимое к названным областям математической логики и, может быть, вообще не ведущее к ним. Мы имеем в виду идеи логического упорядочения самого естественного языка, без его превращения в формальный язык. Возможно, к этой части наследия XVII—XVIII вв. современной лингвистике еще предстоит вернуться.

9. Аристотелевская традиция, отличная от картезианских устремлений, в „Грамматике“ проступает в некоторых частных вопросах.

Так, о генитиве (гл. VI „О падежах и предлогах...“) сказано, что этот падеж выражает общее отношение принадлежности, которое подразделяется на несколько видов. Среди последних названы такие отношения:

— действительной причины к результату: *дело Господа, речи Цицерона*;

— результата к причине: *творец мира*;

— конечной причины к результату: лат. *potio sororis букв. 'напиток сна'*, т. е. 'сонное зелье'.

Понятие „действительной причины“ и „ко- отмечает сам Лейбниц, интерес к этой теме он почувствовал еще мальчиком, а его первая работа о „комбинаторном искусстве“ была напечатана в 1666 г., когда автору было 20 лет. — См.: Лейбниц. История идеи универсальной характеристики. Указ. том. с. 414.

нечной причины“ восходят к аристотелевской традиции, во всяком случае, так, как она понималась в средневековой схоластике. Действенная причина (*causa efficiens*) обозначала явление, производящее другое явление, или существо, производящее некоторое действие. Конечная причина (*causa finalis*) обозначала цель, ради которой совершается действие. Понятие конечной причины — одна из важнейших категорий античного и средневекового мировоззрения, восходящая к глубочайшим мифологическим истокам понятия причинности вообще.

Следы этой категории проступают в отдельной этимологии индоевропейских слов. Так, рус. *для*, *ради* означает одновременно начальный импульс, побуждение к действию и в этом смысле его причину — и одновременно цель, ради которой оно осуществляется: ср. *я делаю это ради детей; подайте Христа ради* и т. п. В греческом мифе богиня Фетида, желая сделать своего сына Ахиллеса неуязвимым, окунула младенца в воды подземной реки Стикс, держа его за пяточку. Тело Ахиллеса стало неуязвимым, за исключением пятки („ахиллесова пята“). Впоследствии Ахиллес погибает, пораженный стрелой именно в пятку. В этом мифе видно сложное содержание „конечной причины“: Фетида закаляет сына, имея в виду конечную цель — его неуязвимость, но в ее волевом акте предопределен и другой, от ее воли независимый конец — смерть Ахиллеса — в конечном счете через то самое действие Фетиды, которое должно было послужить его жизни.

В настоящее время понятие принадлежности, „генитивности“ (одним из видов которого, согласно авторам Пор-Рояля, является и понятие „конечной причины“) составляет один из центральных фрагментов философской и логико-лингвистической проблематики языка. С ним связаны как тонкий анализ логических функций в языке³⁴, так и реконструкция отдаленного прошлого в языке. „Генитивные“ отношения в семантике и синтаксисе послужили, как предполагают, шарнирным звеном при перестройке протоиндоевропейского из языка „активного типа“ в современный „номинативный“³⁵. С другой стороны, с этим комплексом понятий связано также понятие закона в гуманитарных науках³⁶.

10. О заимствовании грамматических идей можно судить, например, по гл. XVIII („О глаголах...“). Авторы отмечают, что некоторые из средних (т. е. непереходных) глаголов становятся переходными, когда им придают объект, например: лат. *ambulare viam buxæ* „идти дорогу“, т. е. „идти по дороге“. В греческом и латинском языках имя такого объекта часто производят от корня

³⁴ Ср. близкую к пор-рояльскому анализу картину в работе: Бенвенист Э. К анализу надежных функций: латинский генитив. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1974, гл. XIII.

³⁵ См., например: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I. Тбилиси: Изд. Тбилисского ун-ва, 1984, с. 267—280.

³⁶ См. здесь ниже.

самого глагола: лат. *servire servitutum* 'служить службу' (ср. также рус. *дело делать, огород городить* и т. п.). Может быть, всякий неpassивный глагол всегда управляет некоторым дополнением в аккумулятиве, хотя бы и подразумеваемым? „Таково мнение некоторых весьма сведущих грамматистов, но мы его не принимаем“.

Незванный здесь грамматист — это, несомненно, упомянутый выше Ф. Санчес из Брос, латинская грамматика которого „*Минерва*“ была замечательным произведением для своего времени. В ней (кн. IV, гл. III) Санчес, в частности, говорит, что при средних глаголах, употребленных активно, нужно при анализе всегда восстанавливать объект, но скорее не в форме имени в аккумулятиве, а в форме инфинитива, например: *vivo = vivo vitam = vivo vivere*, т. е. *букв.* 'я живу' — 'я живу жизнь' — 'я живу жить'³⁷. Эта очень тонкая мысль Санчеса до сих пор недооценена. (Сравним хотя бы этимологическое значение русских форм несовершенного вида: *Я буду спать*, что, в сущности, означает *Я буду сном*, ведь после *Я буду...* в норме должно идти обозначение того, чем я буду.)

Здесь перед нами вырисовывается еще один важный фрагмент логико-лингвистического и философского анализа языка. Не случайно, именно на анализе подобных оборотов основывался спор Гассенди и Гоббса с Декартом. Вряд ли можно заключить, пишет Гоббс в своих „*Возражениях*“, таким

порядком: „Я мыслю, следовательно, Я есмь нечто мыслящее, следовательно, Я есмь мышление“³⁸. Гассенди заключал еще более грубо: „Я гуляю, следовательно, Я есмь прогулка“ — неправильно. (Декарт, конечно, таких умозаключений не производил, см. кратко об этом выше.) Между тем с позиций логико-языковой концепции, например, Санчеса (а такой ход мысли Гоббс и Гассенди приписывают Декарту) это было бы как раз правильным умозаключением: его первая часть „Я мыслю = Я есмь мыслящее“ целиком в духе аристотелевского толкования суждения, а вторая часть „Я есмь мыслящее = Я есмь мышление“ специально обосновывается Санчесом как правильное (и, добавим, вполне аналогична русским оборотам типа *Я буду спать*).

Не присоединяясь здесь к подобным рассуждениям Санчеса, авторы „*Грамматики Пор-Рояля*“ тем не менее в других местах поступают довольно сходным образом (гл. XVII „*Об инфинитиве*“, гл. XXI „*О герундии и супине*“).

Подобных мест, где можно обнаружить целые ряды философских ассоциаций, притяжений и отталкиваний, авторами не названных, в „*Грамматике*“, конечно, еще очень много.

Остановимся теперь на продолжении некоторых идей „*Рациональной грамматики*“ в последовавшие за ней эпохи.

³⁸ Ср., например, „*Второе возражение*“. — В кн.: Гоббс Т. Избр. произв. в 2-х томах. Т. I. М.: Мысль, 1965, с. 414.

³⁷ Sanctii Minerva seu de causis linguae latinae. Amsterdam, 1754, p. 538.

Интересно проследить, хотя бы кратко, судьбу главного положения „Граматики“ — расчленение языка на два слоя (выше, пункт 2). Ближайшим образом эти идеи были развиты грамматистом и филологом С. Ш. Дю Марсэ (Du Marsais, 1676—1756). Он писал:

„Грамматика подчиняется двум видам принципов. Одни представляют неизменную истину и всеобщий обычай; они той же природы, что и сама мысль, и следуют ее анализу, являясь лишь его результатом. Другие содержат лишь гипотетическую истину, зависящую от свободных и переменчивых соглашений; они представляют обычай лишь того или иного народа, который свободно принял их, не потеряв, однако, тем самым права изменить их или отказаться от них, когда обычай этого народа сочтет нужным изменить их или запретить. Первые составляют „Всеобщую грамматику“ („Grammaire générale“), вторые являются предметом различных „Частных грамматик“ („Grammaires particulières“).

Таким образом, „Всеобщая грамматика“ — это рациональная наука о неизменных и всеобщих принципах речи, произносимой или записываемой на всех языках. Любая „Частная грамматика“ — это искусство применять — в соответствии с неизменными и общими принципами речи — произвольные установления и обычаи того или иного частного языка.

„Всеобщая грамматика“ есть наука, поскольку имеет своим предметом лишь чисто теоретические рассуждения о неизменных

и всеобщих принципах речи. Любая „Частная грамматика“ есть искусство, поскольку она рассматривает практическое применение произвольных установлений и обычаев того или иного частного языка в соответствии со всеобщими принципами речи. Грамматическая наука предшествует (*est antérieure*) всем языкам, поскольку ее принципы — это вечные истины и предполагают лишь возможность языков. Грамматическое искусство, напротив, следует (*est postérieur*) за языками³⁹, поскольку обычаи конкретных языков должны существовать, прежде чем их можно будет путем искусства (*artificiellement*) соотнести со всеобщими принципами. Несмотря на указанное различие грамматической науки и грамматического искусства, мы не думаем утверждать, что необходимо или хотя бы возможно разделить их изучение“⁴⁰.

Дю Марсэ настолько удачно довел до логического завершения главный принцип „Граматики Пор-Рояля“, что, в сущности, в логическом плане можно говорить о единой концепции Пор-Рояля — Дю Марсэ, хотя исторически это, конечно, не точно. (Но именно такова распространенная точка зрения в лингвистике США.)

Принципы Дю Марсэ легли в основу кон-

³⁹ В современной интерлингвистике (науке об искусственных языках общения — не машинных) приняты сходные термины — „априорные языки“ и „апостериорные языки“.

⁴⁰ Цит. по: Bailly A. Notice biographique et littéraire [P., 1846]. — В кн.: Grammaire générale et raisonnée... Slatkine reprints. Genève, 1968, p. VI—VII.

цепции Энциклопедистов и всей последующей французской традиции в логике и в грамматике XVIII и начала XIX вв.⁴¹

В отношении логики к языку Дю Марсэ вводит термин „анализ“: язык следует анализу мысли. Это трудное место. М. Фуко трактует его следующим образом: грамматисты XVIII в. понимают мысль как вневременную данность, как „симультанность“, где все элементы даны одновременно. Язык же передает мысль последовательно во времени, „линейным“ образом. Поэтому язык по отношению к мысли есть „анализ“ (разложение)⁴². Применительно к ученым XVIII в. это, возможно, и так. Но считать это положение ключевым для логико-лингвистических концепций всего XVII в., как предлагает М. Фуко, кажется нам натяжкой.

Но М. Фуко, несомненно, прав в другом его утверждении. Поскольку „всеобщая“ (générale) грамматика становится в XVIII в. способом логического анализа языка (по отношению к мысли) в пределах каждого отдельного („частного“) языка — французского, английского, латыни и т. д., — постольку она из „всеобщей“ превращается в „логическую“. Подлинно же универсальная грамматика начинает связываться с философским подходом к языку и называться

⁴¹ См. об этом: Бокаторова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII — начала XIX века. Структура знания о языке. М.: Наука, 1987.

⁴² Foucault M. Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines. P.: Gallimard, 1966, p. 131.

„философской“⁴³. Одно из первых свидетельств этого процесса исследователь видит в появлении грамматики Д. Тьебо⁴⁴.

Это разделение очень важно для нашего последующего рассуждения. Дальнейшую традицию „Грамматики Пор-Рояля“ здесь мы проследим лишь по одной из двух расходящихся линий — не по линии „логических грамматик“ (что составляет скорее предмет специальной истории „логического анализа языка“), а по линии „философии языка“.

Имеется определенный параллелизм между концепцией Пор-Рояля — Дю Марсэ и эстетическими идеями французского литературного классицизма периода расцвета. Мы имеем в виду театр Жана Расина (1639—1699).

После недолгого обучения в „Маленьких школах“ Пор-Рояля Расин ушел оттуда в парижский коллеж, а связав свою жизнь с театром, порвал с монастырем и своими учителями. Разрыв носил характер бурной литературной ссоры. Через пятнадцать лет наступило примирение, а в конце жизни Расин написал апологетическую „Краткую историю Пор-Рояля“ (1693 г., впервые издана в 1747 г.).

Все это заставило исследователей искать прямых связей между доктриной янсенизма

⁴³ Op. cit., p. 106.

⁴⁴ Thiébauld D. Grammaire philosophique. P., 1802.

и творчеством Расина. Так, А. Газье (между прочим, основатель музея в Пор-Рояле, „что в полях“, и автор „Истории янсенизма“) писал, что театр Расина отделяет от театра Корнеля такая же дистанция, как та, что пролегла между Пор-Роялем и обществом Джекзю⁴⁵, или между Янсением и Бл. Августином, с одной стороны, и Молиной⁴⁶ — с другой. Герои Корнеля как бы ничего не ведают о том, что в теологии называется состоянием „отпадения от Бога“, и считают, что пользуются полной свободой воли. Они, продолжает Газье, подавляют свои самые сильные чувства, самые бурные страсти, а если уж прозвучал голос чести или долга, то тут для них нет больше ни жены, ни любовницы, ни родителей, ни друга. Они недоступны чувствам сожаления, раскаяния или угрызений совести.

„Не то в трагедиях Расина. Поистине их герои представляют людей такими, каковы они есть, отданными во власть всей бури их страстей. Гермiona, Нерон, Роксана, Митридат — вот что такое человеческая натура, предоставленная самой себе. При этом нельзя даже сказать, что персонажи Расина, подобно героям греческого театра, являются жертвами слепого рока, потому что в глазах мыслителей Пор-Рояля и в глазах Расина, их ученика, догма действительной благодати и предопределения по божественной воле никоим образом не отменяют ответственности человека за свои поступки. Как ни несчастны

⁴⁵ Иезуитами.

⁴⁶ Луис Молина (Molina, 1535—1600) — испанский иезуит, автор доктрины молниизма.

персонажи Расина, их трагический конец возбуждает в душе зрителя скорее ужас, чем сострадание“⁴⁷. Правда, заключает А. Газье, это суждение с позиций наших дней, сам же Расин, разумеется, не думал, что он прилагает к трагедии принципы какой бы то ни было теологии, и тем более не думали так в Пор-Рояле, там испытали бы настоящий шок, если бы увидели свои теории примененными таким образом. Суть рассуждения французского исследователя сводится к тому, что, хотел того Расин или нет, его персонажи — это яркая иллюстрация к проповеди Пор-Рояля, подтверждающая ее отрицательным примером, и шокированы в Пор-Рояле могли быть лишь тем, что это достигнуто средствами театра, который янсенисты, как и английские пуритане, их современники, категорически отрицали.

По существу, близка к этому точка зрения, выдвинутая еще в сороковые годы в советской истории французской литературы. „Трагедии Расина, именно в виду своей жизненной правдивости, неожиданно для него самого оказывались чуть ли не школой порока. Опасение быть так понятым укрепило Расина в его решении покинуть театр и усилило появившиеся у него в это время покаянные религиозные настроения“⁴⁸.

Теперь, когда мы достаточно хорошо пред-

⁴⁷ Gazier A. *Mélanges de littérature et d'histoire*. P.: A. Colin, 1904, p. 112—113.

⁴⁸ Мокульский С. С. Расин. — В кн.: *История французской литературы*. Т. I. С древнейших времен до Революции 1789 г. М. — Л.: Изд. АН СССР, 1946, с. 556—557.

ставляем себе концепцию Пор-Рояля как гуманитарную концепцию разума и языка человека, можно, по-видимому, сказать, что скорее в ней (чем в религиозной доктрине янсенизма) можно найти параллелизм с эстетической концепцией Расина.

Мы имеем в виду представление о человеке — рассматриваемое в его духовной сущности — как о „двуслойном“, или „двуипостасном“. С одной стороны, человек является носителем общечеловеческого, универсального начала, логического и разумного; с другой стороны, он конкретный индивид, со своим индивидуальным характером, эмоциями и страстями, представитель своего народа или племени, своей семьи, своего клана и т. д. Если в логико-лингвистической концепции Пор-Рояля этому соответствует деление принципов на „всеобщие, рациональные принципы логики и языка“, с одной стороны, и „частные принципы обычаев языка данного народа и данного общества“ — с другой, то в эстетической концепции Расина это преломляется как разделение человека на человека общественного, политического или государственного деятеля, подвластного лишь высшей логике социальных действий, и, с другой стороны, человека как частного лица, человека в частной жизни, любовника, семьянина, корыстолюбца, милосердного и т. д. Часто Расин избирает своим героем второго — человека в ипостаси частного индивида, но для этого ему не приходится искать какого-то особого персонажа (как это заботило Корнеля): „частный человек“ живет в любом человеке — короле,

придворном, полководце, — но лишь взятом в определенном, а именно в частном отношении.

Это ярко проявилось в образе Митридата (трагедия „Митридат“, 1673 г.), где, так сказать, „разделение“ героя на общественное и частное лицо представлено не как результат, а как процесс, во всей динамике его противоречий. Как царь и полководец Митридат — идеальный герой, наподобие героев Корнеля, отважный воин, не знающий и тени сомнения в своей борьбе против Рима, носитель как бы самой идеи борьбы за независимость, наделенный возвышенным достоинством, доблестью и величием. Как частное лицо Митридат — сластолюбивый и ревнивый старик, охваченный старческой страстью к юной Монице. В этой своей ипостаси он делается соперником собственных сыновей, мелочно мешает своей же государственной политике борьбы с Римом — делу своей жизни (расправляется с любимым сыном, союзником в этой борьбе, Ксифаресом) и, наконец, предает собственную любовь, приказывая отравить Моницу (лишь будучи смертельно раненным, он отменяет приказ). Разведение двух лиц в одном персонаже в „Митридате“ так сильно, что эта пьеса Расина оказалась едва ли не единственной, которую упрекали в том, что развязка в ней не вытекает из логики страстей. В этом смысле „Митридат“ остался как бы „пробой пути“.

В целом же в своей эстетике Расин идет несколько иным путем: логика, Разум (la Raison) пронизывает у него самую страсть

„частного лица“. Неоднократно было сказано, что пьесы Расина показывают саму логику страсти, ее, если можно так выразиться, рациональное начало.

Можно сказать, что метод, который так и не открылся авторам Пор-Рояля, был художественно найден Расином: применять логику, искать разумное начало во всем духовном облике человека, не только на рациональном уровне „общественного человека“, но и в человеке как носителе страстей, как „продукте обычая“ — там, где мыслители Пор-Рояля видели лишь „каприз переменчивого обычая“.

Вместе с тем творчество Расина, как отмечает Ю. Б. Виппер, проникнуто напряженной борьбой двух взаимоисключающих тенденций. Это, с одной стороны, преклонение перед мощью монарха как носителя национального величия и блеска и, можно было бы добавить, как носителя разумного начала „общественного человека“, а с другой стороны, ощущение аморальности, утраты морального начала, порождаемых аристократической средой. В конкретных условиях второй половины XVII в. „указанное противоречие воспринималось как нечто не имеющее развития, разрешения, как антиномия, как столкновение непримиримых начал, и его художественное осмысление вполне могло служить почвой для создания произведений, подлинно трагических по духу“⁴⁹. Так в современном понимании Расина возникает

⁴⁹ Виппер Ю. Б. Расин. — В кн.: История всемирной литературы. Т. IV. М.: Наука, 1987, с. 141.

ключевое слово антиномия, столкновение законов. Оно играет важную роль в нашем дальнейшем рассуждении.

Все это естественно подводит нас к понятию закона в сфере гуманитарных представлений, в частности в гуманитарных науках. И мы „пунктирно“ проследим его от исходной точки, Пор-Рояля, в последовавшие за ней эпохи.

Понятие или по крайней мере ощущение закона, не всегда названное, пронизывает всю концепцию логики и грамматики Пор-Рояля. Вернемся еще раз к примеру „генитивных“ отношений („Грамматика“, гл. VI 2-ой ч.). Под генитивом, родительным падежом, вскрывается целый ряд объективных отношений принадлежности: целого к части; части к целому; субъекта к акциденции или атрибуту; действенной причины к следствию и т. д. (см. указ. место). Если вспомнить, что под термином „причина“ (лат. *causa*) в традиции, идущей от средневековой схоластики, в некоторых случаях понималась также „вещь“ (в романских языках фр. *chose*, ит. *cosa* и т. д. этимологически производное от того же *causa*), то станет ясно, что приведенный в „Грамматике“ перечень определенным образом соответствует также перечню возможных отношений между „причиной“ и „следствием“, что и составляет ядро понятия закона.

Исследование истории понятия „закон“ (а это одновременно и генетический способ

определения самого понятия) приводит к выводу, что различные — но взаимосвязанные — понимания закона зависят от того, какие категории подводятся под категории „причина“ и „следствие“. В. Краевский отмечает, что, изучая литературу предмета на протяжении истории, начиная от Аристотеля, следует учитывать четыре онтологические категории — *вещь, событие, свойство, состояние*. Таким образом, намечается 6 концепций закона, и — что для нас здесь особенно важно — они оказываются определенным образом параллельными списку отношений принадлежности в „Грамматике Пор-Рояля“. Ниже приводится список концепций причинности (ядра понятия „закон“) по В. Краевскому⁵⁰, а в скобках соответствующее отношение из „Грамматики“:

1) концепция *вещь — вещь* (ср. *целое — часть; часть — целое*);

2) концепция *вещь — событие* (ср. *следствие — действенная причина*);

3) концепция *свойство — событие* (ср. *акциденция — субъект*);

4) концепция *свойство — свойство* (отчасти ср. *материя — произведение из нее*);

5) концепция *событие — событие* (ср. *конечная причина — следствие*);

6) концепция *состояние — состояние* (ср. *объект — состояние души*).

Как отмечает упомянутый автор, концепцию причинности как отношения „вещь —

⁵⁰ Краевский Владислав. Проблема онтологической категории причины и следствия. Пер. с польск. — В кн.: Закон. Необходимость. Вероятность. М.: Прогресс. 1967, с. 289.

вещь“ мы находим, например, у Аристотеля, когда он рассуждает о скульпторе как причине скульптуры; концепцию „вещь — событие“ также у Аристотеля и Фомы Аквинского; концепцию „свойство — свойство“ у Гоббса, который определяет следствие как „акциденцию, которая возникает в теле, подверженном воздействию“; и т. д.

Но, помимо указанного выше, понятие закона или, точнее, двух типов законов содержится в „Рациональной грамматике“ и во вполне развитом виде. Это четко сформулировал Дю Марсэ (см. выше), говоря об универсальных и частных законах („обычаях“).

Поскольку те и другие законы совмещаются в одном и том же описании логики и языка, то здесь перед нами, по существу, первый эскиз понятия *антиномий*, а также и предчувствие кантовского противопоставления теоретического и практического разума.

В рамках этой статьи мы не будем прослеживать связи с понятиями Канта. Наша „пунктирная линия“ ведет нас в область гуманитарных наук. И здесь естественно указать сразу на завершение этой линии — на понятие лингвистического закона у Ф. де Соссюра (1857—1913).

Как известно, единого понятия закона у де Соссюра нет, а постулируется наличие двух типов законов. Закон, относящийся к изменению языка во времени, динамический диахронический закон императивен, но не всеобщ. (Речь в то время шла главным образом о „звуковых зако-

нах" — закономерных преобразованиях звуков в составе слов на данной языковой территории в языке или диалекте — в данную историческую эпоху. Тот же язык или диалект в следующую эпоху или, напротив, соседний, даже близко родственный язык на другой территории в ту же эпоху могли совершенно не подчиняться тем же звуковым законам. В этом смысле диахронический закон не всеобщ.) Напротив, закон, относящийся к устройству языка в данное время, статический синхронный закон всеобщ, но не императивен. (Он указывает просто на всеобщие закономерности соотношения элементов в системе языка где, по выражению А. Мейе, „все держится одно за другое“. Законом он может быть назван не более, говорит де Соссюр, чем, например, констатация, что в данном саду все деревья посажены косыми рядами.)

В черновых заметках к „Курсу общей лингвистики“ у де Соссюра сказано, что объект лингвистики — это „речевая деятельность либо в ее различных проявлениях (т. е., как сказали бы мы теперь, в виде конкретных исторических языков, — ср. „обычай“ разных языков в „Рациональной грамматике“. — Ю. С.), либо в виде общих законов, которые могут быть выведены лишь из ее особых форм (ср. универсальные законы в „Рациональной грамматике“. — Ю. С.)“⁵¹.

Параллелизм формулировок де Соссюра с положениями универсальной и рациональной

⁵¹ Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975. с. 93.

грамматики поразителен, удивляет лишь то, что ему не уделяли внимания до сих пор. По-видимому, это произошло потому, что историки науки обращали свои взгляды главным образом на ближайших предшественников де Соссюра — Э. Дюркгейма, в меньшей степени В. Анри⁵² и др. Во всяком случае, они не заглядывали дальше В. фон Гумбольдта, имея в виду его противопоставление „энергии“ и „эргона“ в языке. В наше время утверждение об аналогии понятия закона у де Соссюра с таковыми в концепции Пор-Рояля могло бы показаться натянутым, если бы не два посредника, о которых в данной связи, кажется, никогда не упоминалось.

Первый, ближайший к Ф. де Соссюру, посредник — Огюст Конт (1798—1857). В 4-м томе своего „Курса позитивной философии“, в разделе, посвященном „социальной физике“ (т. е. социологии), лекция 48-я, О. Конт формулирует радикальное различие двух подходов или даже двух наук в пределах социологии — учение о статике и учение о динамике социальных явлений. „По отношению к каждому политическому явлению следует различать, с одной стороны, фундаментальное исследование условий существования общества и, с другой — исследование законов его непрерывного изменения. Это различие отныне, на мой взгляд, достаточно охарактеризованное, позволяет мне предсказать, что в будущем спонтанное развитие приведет к разделению (и оно станет привычным) социальной физики на две главные

⁵² Henry V. Antinomies linguistiques. P., 1896.

науки, под названиями, скажем, социальной статистики и социальной динамики, столь же фундаментально отличных одна от другой, как в настоящее время отличны наука об анатомии и наука о физиологии отдельного организма⁵³.

Несколькими строками далее О. Конт добавляет, что понятие социальной статистики связывается с идеей упорядоченного расположения, порядка, и говорит даже о «теории порядка» (*théorie positive de l'ordre*). Понятие же социальной динамики связывается с идеей развития и теорией социального прогресса (*théorie positive du progrès social*), не обязательно в смысле абсолютного улучшения общества⁵⁴.

Аналогия с главной антиномией де Соссюра — разделением лингвистики, в соответствии с двумя типами законов, на лингвистику статическую, или синхронную, и лингвистику динамическую, или диахронную, историческую, — не нуждается в комментариях.

Второй, более отдаленный посредник указан самим О. Контом — это Монтескье (1689—1755). Конт видит в Монтескье автора замечательного синтеза двух понятий закона — закона естественного и закона социального. Веком раньше, пишет О. Конт, научная мысль получила мощный импульс от соединения гигантских работ Декарта, Галилея, Кеплера и Ньютона. „Но эта неоспоримая

⁵³ Comte Aug. Cours de philosophie positive. T. IV. P.: Schleicher Frères, 1908, p. 167 (разрядка моя. — Ю. С.).

⁵⁴ Op. cit., p. 168.

филиация идей не должна никоим образом затемнить оригинальность концепции Монтескье... Именно в таких фундаментальных расширениях и состоит прогресс нашего знания⁵⁵.

Обратимся теперь, следуя указанию О. Конта, к понятию закона у Монтескье. В трактате „О духе законов“ („*De l'Esprit des lois*”, 1748) Монтескье так формулирует общее понятие: „Закон вообще есть человеческий разум (*la raison humaine*) постольку, поскольку он управляет всеми народами земли; политические и гражданские законы каждой нации должны быть поэтому лишь частными случаями применения этого человеческого разума⁵⁶. Эта формулировка почти тождественна понятию закона в концепции Пор-Рояля — Дю Марсэ, с тем, однако, отличием, что Монтескье уже распространяет понятие закономерности от общечеловеческих законов на частные „обычай“ каждого народа. (Аналогичное обобщение, но как бы в обратном направлении — от „частного человека“ к „человеку общественному“ — ранее проделал в своей эстетике Расин).

Другой стороной своего понятия Монтескье предвосхищает будущую науку. Законы, говорит он, соотносительны с природой страны, ее климатом, почвой, образом жизни народа, религией, обычаями, численностью населения и т. д.; кроме того, законы соотносительны друг с другом, со своим источ-

⁵⁵ Comte Aug., op. cit., p. 128.

⁵⁶ De l'Esprit des lois. Par Montesquieu. P.: Garnier Frères, [s.d.], p. 8.

ником и с законодателем, со своим объектом. „Я буду рассматривать все эти отношения; в совокупности они и составляют то, что называется духом законов... Я рассматриваю не законы, а дух законов, который заключается в различном отношении законов к этим различным вещам“⁵⁷. Таким образом, в понятие закона введено понятие отношения.

В связи с понятием независимости морального закона у Монтескье высказывалось мнение, что оно почерпнуто им у английского философа и теолога Самуэля Кларка (1675—1729). Действительно, у Кларка мы находим такую формулировку, которая утверждает независимость морального закона от Бога: „... вечные требования морали, которые по природе людей являются для них действительно и всегда обязательными, таковыми же являются и в силу воли Бога и его незыблемого закона...“⁵⁸. Однако уподобление морального закона естественному закону природы тут же указывает на неоригинальность Кларка и на его непосредственный источник — философию Декарта.

В „Трактате о свете“ (гл. VII) Декарт

⁵⁷ Montesquieu, op. cit., p. 9.

⁵⁸ Clarke S. Discours sur les devoirs immuables de la religion naturelle. — In: Oeuvres philosophiques de Samuel Clarke. P.: Charpentier, 1843 (Chap. V, 2-e propos.), p. 286. Некоторые современные исследователи, не упоминая о Кларке, считают, что понятие закона у французских Просветителей, в частности у Монтескье, близко к таковому у Локка. Однако последний отождествляет закон природы с законом разума, в конечном счете возводит их к божественной воле.

пишет: „Прежде всего под природой я отнюдь не подразумеваю какой-нибудь богини или иной фантастической силы. Я пользуюсь этим словом для обозначения самой материи, поскольку я рассматриваю ее со всеми свойственными ей качествами в их совокупности и при условии, что бог сохраняет все сотворенное им в том же самом виде. Из одного того, что бог продолжает сохранять материю в одном и том же виде, следует с необходимостью то, что должны существовать известные изменения в ее частях. Изменения эти, как мне кажется, нельзя приписать непосредственно действию Бога, ибо это последнее неизменно. Поэтому я приписываю их природе. Правила, по которым совершаются эти изменения, я и называю законами природы“⁵⁹.

Таким образом, мы вернулись к Декарту.

Итак, филиация понятия „закон“ в гуманитарной сфере выстраивается в такую пунктирную линию: средневековая наука — Декарт — Пор-Рояль — Дю Марсэ — Монтескье — Кант — де Соссюр. В эту же линию в качестве ее важнейших звеньев входят Кант и В. фон Гумбольдт.

В этой филиации идей существенно следующее обстоятельство. По мере развития понятия закона происходит его сдвиг от онтологического понимания (закон есть соотношение явлений в объективной действитель-

⁵⁹ Декарт. Космогония. Два трактата. М. — Л.: ГТТИ, 1934, с. 165—166 (разрядка моя. — Ю. С.).

ности, в „мире“) к гносеологическому пониманию (закон есть регулярность познания). Соответственно этому на место „двух законов“, не сводимых к единству, Пор-Рояля — Дю Марсэ, через этап временного (и замечательного) единства у Монтеスキё, становится „антиномия“ — столкновение двух гносеологических подходов, также не сводимое к единству. Оно намечается у О. Конта и достигает апогея у Ф. де Соссюра. У де Соссюра уже нельзя различить, идет ли речь об объективных диалектических противоречиях языка или о взаимовключающих взглядах на язык — „антиномиях познания“. Современная критика установила, что имеет место скорее второе.

Эту концепцию нельзя расценить иначе как кризисную.

В последнее время новые публикации на русском языке работ В. фон Гумбольдта и П. А. Флоренского (1882 — 1937 г.)⁶⁰ о лингвистических антиномиях благодаря ореолу, окружающему эти замечательные имена, рискуют закрепить как достижение то, что на самом деле является кризисом.

П. А. Флоренский присоединяется к идее В. фон Гумбольдта об антиномиях языка, что в соответствии со смыслом его термина „антиномия“ надо понимать как подчинение

⁶⁰ Флоренский П. А. Антиномия языка. — „Вопросы языкознания“, 1988, № 6, с. 88—125. Перепечатано из: „Studia slavica hungarica“, 1986, t. 32, N 1—4.

языка одновременно двум различным законам (и даже различным парам законов, так как основная антиномия, намеченная Гумбольдтом, у последующих авторов расчленяется на множество антиномий). Исследователь творчества Флоренского С. С. Хоружий, отмечая „сущностную и многостороннюю близость“ концепции Флоренского (его так называемой „конкретной метафизики“) к структурализму, прямо подчеркивает: „Антиномия у Флоренского понимается весьма родственно бинарной оппозиции в структурализме“⁶¹.

Однако здесь мы как бы прямо возвращаемся к основному тезису „Рациональной грамматики“, а он, как уже было отмечено, связан с целым рядом философско-теологических вопросов. Не может миновать их и П. А. Флоренский, в работе об антиномиях затрагивая лишь бегло некоторые из них⁶².

Более детально они рассмотрены русской философской критикой в связи с главной книгой П. А. Флоренского „Столп и утверждение истины“ (М., 1914), представляющей собой публикацию его магистерской диссертации. Сам автор („Вступительное слово перед диспутом“) говорит, что „довольно философовали над религией и о религии, надо философствовать в религии, — окупув-

⁶¹ Хоружий С. С. Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки. — В кн.: Историко-философский ежегодник, 1988. М.: Наука, 1988, с. 197. В указанной статье С. С. Хоружий излагает отдельные идеи своей книги „Миросозерцание Флоренского“ (1974 г., не опубликована).

⁶² Флоренский П. А. Указ. соч., с. 98 (пункт VII).

шись в ее среду". „Именно на этом, — отмечает историк русской философии В. В. Зеньковский, — и построена вся книга Флоренского, — но при всей ее чрезвычайной насыщенности церковным материалом, Флоренский включает постоянно в этот материал внецерковные идеи, — и сам не замечает принципиальной разнородности их, и читателя незаметно вводит в заблуждение...“⁶³. „С этим связана гносеологическая позиция Флоренского — он решительно отвергает богословский рационализм, чтобы опереться на преувеличенное подчеркивание антиномизма в мышлении: «Истина есть антиномия и не может быть иной... нам необходима формальная логическая теория антиномий», — читаем у него“⁶⁴. Так же критически смотрит на эти идеи П. А. Флоренского и другой историк русской философии — Н. О. Лосский⁶⁵.

По мысли П. А. Флоренского, для рассудка истина есть противоречие, истина антиномична, потому что сверхрассудочна. „А подвиг рассудка есть вера, т.е. само-отрешение. Акт само-отрешения рассудка и есть выска-

⁶³ Зеньковский В. В. История русской философии. Париж: YMCA-Press, т. II, 1950, с. 419.

⁶⁴ Там же, с. 420.

⁶⁵ Lowski N. O. Histoire de la philosophie russe. Des origines à 1950. P.: Payot, 1954 („Эти антиномии у него, так же как и их разрешения, часто носят искусственный характер“, с. 194. Вслед за тем как пример неудачного решения Н. О. Лосский приводит тот же самый вопрос — о спасении избранных через благодать, который волновал яansenистов XVII в.).

зывание антиномии. Да и в самом деле, только антиномии и можно верить...“⁶⁶.

В теологическом плане П. А. Флоренский принимает концепцию „всеединства“ Вл. Соловьева, и теологической последовательности самого П. А. Флоренского „как раз и мешает концепция всеединства, которая, по существу, не может вместить в себя основного принципа христианской метафизики — идеи творения“⁶⁷.

Сходный вопрос, как отмечалось выше, был одним из центральных для Августина и являлся предметом напряженных контрверз яansenизма в его отношениях к ортодоксальному католицизму.

Более того, можно сказать, что названный вопрос является постоянной параллелью с теологической стороны к философскому и научному развитию понятия закона и сопровождается последнее на всем протяжении его истории. Не удалось его разрешить и П. А. Флоренскому.

Однако не хотелось бы заканчивать наш обзор на пессимистической ноте. Тем более — связывать ее только с творчеством такой замечательной личности, как П. А. Флоренский.

Напротив, нужно сказать, что, не разрешив проблемы антиномий философски и тем более не примирив теологического подхода с философским, П. А. Флоренский своеобразно снял ее в некоем роде художественно-

⁶⁶ Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах свящ. Павла Флоренского. М., 1914, с. 147.

⁶⁷ Зеньковский В. В. Указ. соч., с. 417.

философского синтеза. В конце статьи он, по существу (и снова сам не замечая этого?), отказывается от „антиномий“: „Равновесие обоих начал блюдется в процессе: живущим языковым творчеством“⁶⁸. Нечто подобное в другую эпоху и по-другому сделал Жан Расин.

Итак, какой дух донесла с собой „Грамматика Пор-Рояля“ до наших дней? Прежде всего дух борьбы против научного ханжества, против прямого исторического и всяческого косвенного иезуитства; стремление к истине на путях разума и логики. Она заложила понятие закона в гуманитарных науках. Она создала канон грамматического и в известной мере логического исследования. Она дала прекрасные образцы лингвистического и логического анализа, сохраняющие полную научную ценность. Она связала логику и зарождающуюся лингвистику с самой передовой философией и дала понять, что такая связь будет идеалом всегда.

И она бережно касалась веры и других областей человеческого духа.

Ю. С. Степанов

⁶⁸ Флоренский П. А. Антиномия языка, с. 98—100.

P R E F A C E.

L'ENGAGEMENT où je me suis trouvé, plustost par rencontre que par mon choix, de travailler aux Grammaires de diverses Langues, m'a souvent porté à rechercher les raisons de plusieurs choses qui sont, ou communes à toutes les langues, ou particulieres à quelques-unes. Mais y ayant quelquefois trouvé des difficultez qui m'arrestoient, je les ay communiquées dans les rencontres à un de mes Amis, qui ne s'estant jamais appliqué à cette sorte de science, n'a pas laissé de me donner beaucoup d'ouvertures pour résoudre mes doutes. Et mes questions même ont esté cause qu'il a fait diverses reflexions sur les vrais fondemens de l'Art de parler, dont m'ayant entretenu dans la conversation, je les trouvoy si solidés, que ie fis conscience de les laisser

A ij

Необходимость заняться грамматиками различных языков, которым я посвятил себя скорее волею судеб, чем по свободному выбору, часто приводила меня на путь поиска разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некоторым из них. Но иногда, столкнувшись с трудностями, я воздерживался от объяснения. И тогда я поведал о своих затруднениях одному из друзей², который, несмотря на то, что до этого момента никогда не занимался такого рода наукой, не преминул открыть мне на многое глаза и разрешить мои сомнения. Мои вопросы явились также причиной, побудившей его к размышлениям о подлинных основах искусства речи (l'art de parler), которыми он поделился со мной в беседах. Я же, найдя его соображения весьма основательными, не мог допустить их утраты, тем более что ни у древних грамматистов,

¹ Предисловие написано от лица Клода Лансло. — Прим. перев.

² А. Рио. — Прим. перев.

ГРАММАТИКА

общая и рациональная

ни у новых я не встречал ничего, что было бы столь интересным и точным в этой области. Поэтому в значительной степени благодаря его доброте ко мне я добился, чтобы он продиктовал мне свои размышления в свободные часы. Таким образом, собрав их и приведя в порядок, я и составил этот небольшой Трактат. Те, кто ценит объяснительные исследования подобного рода, надеюсь, найдут в моем трактате нечто способное удовлетворить их вкусу. Думаю, они оценят и предмет изложения, ибо речь является одним из самых великих преимуществ человека, а посему весьма достойно овладеть этим преимуществом во всем совершенстве, на какое способен человек. А это означает, что следует не только уметь владеть речью, но и проникать в ее основания, дабы действовать в соответствии с наукой там, где иные действуют лишь по заведенному обычаю.

Грамматика — это искусство речи.

Говорить — значит объяснять свои мысли при помощи знаков, изобретенных людьми для этой цели.

Оказалось, что наиболее удобными из этих знаков являются звуки и голос.

Но поскольку эти звуки преходящи, были изобретены другие знаки, чтобы сделать первые устойчивыми и зримыми. Это знаки письменности, которые греки называли *ὑφίστατα*, откуда и пошло слово *г р а м м а т и к а*.

Таким образом, речевые знаки могут быть рассмотрены с двух сторон. Первая — то, чем они являются по своей природе, а именно как звуки и буквы.

Вторая — их значение, т. е. способ, каким люди используют их для означения своих мыслей.

О первой стороне речевых знаков пойдет речь в первой части этой грамматики, а о второй — во второй ее части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,
в которой говорится о буквах
и знаках письма

ГЛАВА I
О буквах как звуках,
и в первую очередь о гласных

Различные звуки, используемые нами в речи и именуемые буквами, определяются естественным образом, на чем полезно остановиться подробнее.

Поскольку рот является органом формирования звуков, людям свойственно стремление сделать их столь простыми, что достаточно раствора рта для того, чтобы звук был услышан и отличен от других звуков. Различные растворы рта формируют различные звуки голоса, откуда и пошло название этих звуков — г л а с н ы е.

Столь же естественным было появление других звуков, которые зависели от использования таких органов, как зубы, губы, язык, нёбо. Но полноценными звуками речи они могут стать лишь при условии раствора рта, то есть в сочетании со звуками первого типа, откуда и произошло их название — с о г л а с н ы е.

Обычно выделяют пять гласных: *a, e, i,*

o, u. Но помимо того, что каждый из этих гласных может быть кратким или долгим, что вызывает значительные вариации в самом звуке, исходные гласные могут различаться в зависимости от степени раствора рта. В связи с этим к исходным пяти гласным могут быть по-видимому прибавлены еще четыре или пять. Так *e*-открытое и *e*-закрытое являются звуками, достаточно различающимися для того, чтобы образовать два разных гласных. Например, *mer, abismer*¹, или как первое и последнее *e* в словах *netteté, ferré* и т. п.

То же самое можно сказать в отношении *o*-открытого и *o*-закрытого в словах *coste* и *cotte, hoste* и *hotte*. Несмотря на то, что *e*-открытое и *o*-открытое имеют признаки долготы, а *e*-закрытое и *o*-закрытое — краткости гласного, эти звуки в первую очередь различаются по их открытости или закрытости, тогда как *a* или *i* не различаются по долготе и краткости*². В этом одна из причин того, почему греки изобрели два разных знака для каждого из этих двух гласных, а не для трех остальных.

Более того, *u*, произносимое как *ou*, например в латыни, итальянском и испанском, резко отличается от *u*, как его произносили греки и произносят французы.

Ei в словах *feu, rei* также является простым звуком, хотя мы и записываем его при помощи двух гласных.

¹ В примерах сохраняется орфография авторов Пор-Рояля. — *Прим. перев.*

² Звездочкой обозначены комментарии, приводимые в конце книги. — *Прим. перев.*

Остается еще *e*-немое, или женское (*e-muet*), которое по происхождению было не чем иным, как глухим звуком, присоединяемым к согласным, когда хотят их произнести без гласного, как, например, если за ними непосредственно следуют другие согласные, как в слове *scamium* (лат. 'скамья'). В древнееврейском существовал для этих целей знак *шва* (*scheva*), употреблявшийся преимущественно в начале слога. Подобного рода „шва“ есть практически во всех языках, хотя этого не замечают, ибо не имеется специального знака для его обозначения. Но некоторые новые языки*, как немецкий и французский, обозначают его при помощи знака гласного *e*, присоединив этот звук к уже отмеченным в этих языках. За счет этого *e*-женского предшествующий ему согласный может образовать отдельный слог, как, например, второй слог в словах *netteté*, *j'aimegay*, *donnegay* и т. п. Этого не происходит со шва в других языках, хотя многие допускают такую ошибку, произнося шва в древнееврейском. Еще более примечательным является то, что *e*-немое во французском языке само может зачастую образовать слог или полуслог, например *viè*, *аутée***.

Таким образом, не принимая во внимание дифференциацию по долготе или краткости, которая существует между гласными, можно различать до десяти гласных, имея в виду, что речь идет не о знаках письменности, а именно о простых гласных звуках. Это *a*, *ê*, *é*, *i*, *o*, *ô*, *eu*, *ou*, *u*, *e*-немое.

* Во французском языке. — Прим. перев.

ГЛАВА II

О согласных

Если в отношении согласных мы сделаем то же, что было сделано нами в предыдущей главе относительно гласных, и постараемся определить состав простых согласных звуков в основных языках*, то сможем расположить все согласные в следующей таблице [см. с.76] к которой прилагается список пояснений:

¹ С точкой, называемой *дагеш лене*.

² *f* произносится как *f* латинское, хотя ранее оно обладало большим придыханием.

³ *Pe* древнееврейского произносится так же, когда оно без точки, например в тех случаях, когда им заканчивается слог.

⁴ Это фигура эолической *дигаммы*, которая была двойной *гаммой*, перевернутой специально для того, чтобы отличать ее от заглавной буквы *f*. Эта дигамма озвучивалась как *v*-консонантное.

⁵ *Bet* в конце слогов произносится так же.

⁶ Произносится как перед *a*, *o*, *u*, то есть как *k*.

⁷ Произносится как перед *a*, *o*, *u*.

⁸ *ll*, как в слове *fille* 'девочка'. Испанцы используют этот звук в начале слов *llamar*, *llorar*; итальянцы обозначают этот звук посредством *-gl-*.

⁹ *л* плавное, которое испанцы обозначают при помощи тильды над *l* — *ñ*; а мы, как и итальянцы, посредством *gn*.

¹⁰ Так произносится сейчас, тогда как прежде произносилось *ds*.

Список простых согласных

Латынь и «новые» языки	Греческий	Древнееврейский
V. v,	В β	ב ¹ Вет
P. p,	П π	פ ² Пе
F. f, ph,	Ф φ ²	פ
V. v, согласный,	Δ ⁴	ו
C. c, ⁶	К κ	כ ³ Каф
G. g, ⁷	Г γ	ג ³ Гимель
j, согласный,	*	י ³ Йод
D. d,	Δ δ	ד ³ Далет
T. t,	Τ τ	ט ³ Тет
R. r,	Ρ ρ	ר ³ Реш
L. l, ll ⁸	Λ λ	ל ³ Ламед
M. m,	Μ μ	מ ³ Мем
N. n, nn ⁹	Ν ν	נ ³ Нун
S. s,	Σ σ	ס ³ Самех
Z. z,	Ζ ζ ¹⁰	ז ³ Заин
CH. ch, ¹¹		ח ³ Шин
H. h, ¹²	ε ¹³	ה ³ Хет

¹¹ Произносится так же, как во французском: chose, cher, chu и т. д.

¹² Придыхательное, как в словах hauteur, honte; ибо в словах, где *H* не придыхательный (honneur, homme), это лишь письменный знак,

а не реально произносимый звук.

¹³ „Густое придыхание“ (spiritus asper: esprit âpre) греческого, которое ранее обозначалось буквой, ставшей буквой „эта“ (ε) Η, а латиняне заимствовали для обозначения согласного H.

¹⁴ Подлинным звуковым выражением является придыхание.

Если и есть еще простые звуки (к таковым, наверное, относится аспирация *ain* в древнееврейском), они столь трудны для произношения, что можно не включать их в число распространенных в языках букв.

Что же касается других букв и их знаков в алфавитах древнееврейского, греческого, латинского языков, равно как и в алфавитах новых языков, то нетрудно показать, что они не являются простыми звуками, а так или иначе соотносятся с теми знаками, что указаны нами в таблице.

В древнееврейском было четыре гуттуральных (гортанных) звука; очевидно, что они могли также служить знаками для обозначения: алеф — для *a*, хе — *e*, а айин — *o*. Это следует из алфавитного порядка букв греческого письма, порядка, заимствованного у финикийцев до буквы *t*. Таким образом, только хет был использован греками для обозначения придыхательного согласного. В настоящее время алеф используется лишь на письме и не имеет иного звукового выражения, кроме обозначения гласной, присоединяемой к нему.

Относительно хе можно сказать то же са-

мое; хе отличается от хет только тем, что первый обозначает аспирацию менее сильную, а второй — более сильную. Многие считают знаком придыхания лишь хе (*he*), а хет произносят как *k*, кет.

Айин многие трактуют как гортанный носовой придыхательный, в то время как восточные евреи не придают ему никакого звукового значения, так же как и алефу; другие же произносят его как плавное п — *p̄*.

Тав и тет либо обозначают один звук, либо различаются тем, что один произносится с придыханием, а другой — без придыхания, и, таким образом, один из двух звуков не является простым.

То же можно сказать в отношении каф и коф.

Цаде также не является простым звуком, но состоит из *t* и *s* (*ts*).

Так же и в греческом алфавите, где три придыхательных *φ*, *χ*, *θ* не являются простыми звуками, а составлены из *л*, *к*, *т* с придыханием.

Три двойных звука *ζ*, *ξ*, *ψ* являются письменным сокращением для *ds*, *cs*, *ps*.

То же можно сказать и в отношении латинского *х*, соответствующего греческому *ξ*.

Что же касается *q* и *k*, то это не что иное, как *c*, произнесенное в его основном звучании.

Дубль *ve* (*w*) северных языков* есть, по сути, и романских, т.е. — *ou*, когда за ним следует гласная, как в *winum*, *ŕinum*; или *v* согласный, когда за ним следует согласная.

Слог — это законченный единый звук, иногда состоящий из одной буквы, но чаще — из нескольких. Отсюда понятно, почему он был назван слогом, συλλαβή, *comprehensio*, соединение.

Один гласный может образовать отдельный слог.

Два гласных также могут образовать слог или входить в один слог, но тогда они называются дифтонгами, так как два звука объединяются в едином законченном звуке, например *mien*, *hier*, *ayant*, *eau*.

В принятом латинском произношении большинство дифтонгов утрачено; их *æ* и *æ* произносятся теперь только как *e*; но в греческом дифтонги еще сохраняются прилежными хранителями традиций произношения.

В новых языках зачастую две гласные служат для обозначения простого звука, как мы уже говорили относительно *ei*; то же можно сказать во французском относительно *oe*, *au*. Но все-таки чаще всего в подобных случаях мы имеем дело с истинными дифтонгами, например *ai*, *ayant*; *oue fouet*; *oi*, *foi*, *ie*, *mien*, *premier*; *eau*, *beau*; *ieu*, *Dieu*. Следует отметить, что в двух последних случаях мы имеем дело с дифтонгами, а не с трифтонгами, как иногда думают, так как *eu*, также как и *au*, обозначает один простой гласный звук, а не два гласных.

Согласные сами по себе не могут образовать слога. Необходимо, чтобы они находились в сочетании с гласным или дифтонгом, неза-

висимо от того, следуют вторые за первыми или же предшествуют им. О причинах этого уже упоминалось нами в главе первой.

В то же время можно наблюдать стечение согласных в одном слоге. Так, перед гласным может быть до трех согласных при двух согласных, следующих за этим гласным, например *scrobs* [лат. арх.]¹ 'яма'. Встречаются и две согласные перед гласным, а три — после, как в слове *stirps* [лат. арх.] 'ствол, побег, дерево'. Древнееврейский не допускает стечения более двух согласных ни в начале, ни в конце слога. Все слоги в этом языке начинаются с согласных, считая алеф знаком согласного, и один слог никогда не содержит более одного гласного.

ГЛАВА IV

О словах как звуках,

где говорится об ударении и акцентуации

Пока мы все еще ведем речь о словах как звуках, не касаясь их значения.

Словом называется то, что произносится и пишется раздельно. Слово может состоять из одного слога и называется в таком случае моносиллабическим, например *moi, da, tu, saint*, или из двух и более слогов, например *père, dominus, miséricordieusement, Constantinopolitanoque* и т.д., и называется тогда полисиллабическим.

В произношении слов наиболее заметна

¹ В квадратных скобках здесь и далее даны пояснения переводчика. — *Прим. перев.*

роль ударения или подъема голоса на одном из слогов слова, после которого обязательно начинается понижение голоса.

Подъем голоса называется *острым ударением* (*accent aigu*), а понижение — *тяжелым ударением* (*accent grave*). Но поскольку в греческом и латыни существовали длинные слоги, которые произносились с повышением и понижением голоса, был введен третий тип ударения — *циркумфлекс* (*circumflexe*), обозначавшийся знаком (ˆ), а впоследствии (̂) и охватывавший оба предыдущих типа.

Читатели могут подробнее познакомиться с тем, что касается ударения и акцентуации в греческом и латыни, в „*Nouvelles Methodes...*“ для этих языков*.

В древнееврейском было множество акцентных значков, которые, как считают, некогда служили указанием при литургическом исполнении и многие из которых сейчас используются подобно нашим точкам и запятым.

Но ударение, которое они называют естественным и грамматическим, всегда падает либо на предпоследний, либо на последний слог в слове. В тех случаях, когда ударение падает на предшествующие двум последним слоги, мы имеем дело с так называемыми риторическими акцентами (ударениями), не отменяющими грамматического ударения. Следует заметить, что такие акцентные значки, как *атнах* и *силлук***, обозначающие границы периодов, в то же время означают и естественное ударение.

ГЛАВА V

О буквах как знаках письма

До сих пор мы говорили о буквах (*lettres*) как о письменных изображениях для знаков (*caractères*), но не рассматривали их как знаки, т. е. в отношении к звукам речи.

Мы уже упоминали о том, что звуки были использованы людьми в качестве знаков (*signes*) мыслей и что затем были изобретены фигуры изображения для обозначения этих звуков. Но несмотря на то, что эти изображения, или знаки письма (*caractères*), изначально служили для непосредственной передачи звуковой стороны речи, люди все же часто переносили представление о знаке письма на вещь, означаемую соответствующими звуками. Это привело к тому, что знаки письма могут рассматриваться двояко: либо как означающие просто звук, либо как помогающие нам представить себе то, что обозначает сам данный звук.

Если рассмотреть первый аспект этих знаков, то нельзя не выделить четырех основных правил совершенной системы письма. Необходимо:

1. Чтобы каждая фигура обозначала какой-либо звук, то есть чтобы не обозначалось на письме то, что не произносится.

2. Чтобы каждый звук обозначался какой-либо одной фигурой, то есть чтобы не произносилось то, что не написано.

3. Чтобы каждая фигура обозначала только один звук, простой или двойной. Заметим, что совершенству системы письма не проти-

воречит наличие двойных букв, ибо оно упрощает эту систему за счет сокращения количества фигур.

4. Чтобы один и тот же звук не обозначался различными фигурами.

Но рассматривая знаки письма во втором аспекте, а именно как помогающие нам представить себе, что обозначает данный звук, можно прийти к выводу, что не всегда полезно соблюдать эти правила, по крайней мере первое и последнее.

Ведь зачастую в языках, произошедших из других языков, встречаются буквы, которые могут быть произносимыми (а отсюда бесполезными для озвучивания), но при этом не потерявшими своей вспомогательной роли для понимания значения слов. Например, в словах *champs* 'поля' и *chants* 'песни' *p* и *t* не произносятся, но тем не менее полезны для различения значений слов, ибо из их написания следует, что первое восходит к латинскому *campi*, а второе — к латинскому *cantus*.

В древнееврейском также есть слова, различающиеся лишь по конечным произносимым согласным, таким, как алеф и хе, например, אָרַץ означает 'бояться', а אָרַץ означает 'бросать'.

Из приведенных примеров видно, что сетующие на несоответствие написания и произношения далеко не всегда правы, а то, что они называют нарушением¹, часто весьма полезно для понимания.

¹ Принципа письма. — Прим. перев.

Различение заглавных и строчных (больших и малых) букв также кажется на первый взгляд противоречащим четвертому правилу, состоящему в том, что один и тот же звук не должен обозначаться различными фигурами. Действительно, это различие бесполезно, если рассматривать знаки письма лишь в их отношении к звукам, ибо большая и малая буква служат для обозначения одного и того же звука. Этим объясняется, почему у древних не было такого различия, как его еще не было в древнееврейском. Многие полагают, что греки и римляне именно по этой причине долго писали лишь заглавными буквами. Тем не менее различие большой и малой буквы весьма полезно для обозначения начала периодов, а также для того, чтобы отличать имена собственные от всех прочих слов.

Для записи текстов в одном и том же языке зачастую применяются различные виды письма, такие, как антиква и курсив в печати на латыни и на многих новых языках. Подобные разновидности письма могут использоваться в смысловом плане, различая слова и целые отрывки текстов; произношение их при этом остается одним и тем же.

Все эти доводы были приведены нами для того, чтобы оправдать расхождения между произношением и письмом. Но сказанное не означает, что все случаи подобного рода разумны и оправданы. Отнюдь. Многие можно объяснить не чем иным, как порчей языков*. Так, явным злоупотреблением было, например, придать *s* звучание *s* перед *e* и *i*; придать *g* перед упомянутыми гласными иное

звучание, нежели перед другими; озвончать *s* между двумя гласными; произносить *t* с призвуком *s* перед *i*, за которым следует другая гласная, например *gratia, actio, action*. О сказанном можно прочитать подробнее в разделе о звуках и буквах трактата „Nouvelle Méthode Latine“.

Некоторые полагают, будто можно исправить указанный недостаток новых языков, изобретя для них новую систему письма. Так поступил, например, Рамус (*Ramus*) в своей грамматике французского языка*, отказавшись от написания всех непроемких букв и используя для записи каждого отдельного звука ту букву, для которой этот звук является основой, например *s* вместо *c* перед *e* и *i*.

Но те, кто так считает, должны были бы учесть следующее: помимо того, что указанная реформа была зачастую невыгодна новым языкам по причинам, изложенным нами, она являла собой попытку совершить невозможное, ибо трудно представить себе, чтобы целая нация изменила столько знаков в заведенном обычае письма, освященном традицией. Достаточно вспомнить пример императора Клавдия, которому так и не удалось ввести в употребление один-единственный знак**.

Самое разумное, что можно сделать и что уже частично было сделано, — это не писать в словах букв, которые не служат опорой ни для произношения, ни для смысла, ни для установления аналогий в языках. Что же касается тех букв, которые в указанных случаях могут быть полезны, то их следует снабжать небольшими значками, наглядно

показывающими, что эти буквы либо не произносятся вовсе, либо произносятся по-разному. Так, точка внутри буквы или под ней могла бы использоваться как показатель непроносимости, например в слове *temps*. Буква *s* уже используется со значком *cedille* (*ç*), который можно было бы использовать и перед гласными *e* и *i*, равно как и перед другими гласными. Буква *g*, хвостик которой оставить не совсем закрытым, могла бы обозначать звук, который дает эта буква перед *e* и *i*. Впрочем, все это сказано лишь для примера.

ГЛАВА VI

О новом способе, облегчающем обучение чтению на разных языках

Этот метод предлагается в первую очередь тем, кто еще не умеет читать.

Очевидно, что для начинающих не составляет большого труда выучить буквы, куда труднее дается умение складывать буквы.

Труднее же это потому, что каждая буква имеет свое название и по отдельности произносится иначе, чем в сочетаниях с другими. Например, если ребенка просят сложить буквы *fru*, то заставляют его произносить *ef*, *eg*, *u gres*, что его неизбежно только запутывает, если он хочет сложить вслух эти три буквы и произнести слог *fru*.

Представляется, что наиболее естественным путем преодоления этого затруднения (что, кстати, уже отмечалось весьма разумны-

ми людьми) будет следующее: тот, кто обучает чтению, заучивает с детьми буквы с названиями, соответствующими их произношению. Таким образом, при обучении чтению, к примеру по латыни, *e* простое, *æ* и *æ* будут названы *e*, ибо они одинаково произносятся; то же самое — в отношении *i* и *y*; и в соответствии с современным, принятым во Франции произношением, — в отношении *o* и *au*, но не для итальянцев, т.к. они произносят *au* как дифтонг.

Согласные для начинающих читать также следует называть в соответствии с их естественным звучанием в речи, добавляя к ним лишь звук *e*-немое, необходимый для удобства произношения. Например, *b* получит название, соответствующее звучанию последнего слога в слове *tombe*; а *d* — последнего слога в слове *ronde*. То же самое в отношении других согласных, имеющих лишь одно звучание.

Для тех согласных, которые имеют в речи несколько звучаний, например *c*, *g*, *l*, *s*, можно предложить названия, соответствующие их наиболее естественному и обычному звучанию. Таковыми являются для *c* — *que*, для *g* — *gue*, для *l* — звучание последнего слога в слове *forte*, а для *s* — последнего слога в слове *bourse*.

И наконец, учащихся следует научить произносить отдельно, не читая по буквам, слоги *ce*, *ci*, *ge*, *gi*, *tia*, *tie*, *tii*. Они должны также усвоить, что *s* между двумя гласными произносится как *z* — *miseria*, *misère*, как если бы было написано *mizeria*, *mizère* и т.д.

Таковы наиболее общие положения нового

метода обучения чтению, который, несомненно, окажется весьма полезным для детей. Но для того, чтобы показать все совершенство этого метода, необходим отдельный трактат, в котором можно было бы изложить основные соображения относительно приложения этого метода для всех языков.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

в которой говорится о началах и причинах, лежащих в основании разнообразных видов значения слов

ГЛАВА I

О том, что знание происходящего в нашем рассудке необходимо для понимания основ грамматики; а также о том, от чего зависит разнообразие слов, составляющих речь

До сих пор мы рассматривали в речи только материальную сторону, которая является общей, по крайней мере в том, что касается звуков, для людей и для попугаев.

Теперь нам необходимо исследовать то духовное, что содержится в слове и составляет одно из наиболее важных преимуществ человека перед всеми прочими живыми существами и одно из главнейших свидетельств разумности человека. А это и есть то, что мы пользуемся словами для выражения наших мыслей. Благодаря этому чудесному изобретению человеческого разума мы можем из 25 или 30 звуков составить бесконечное множество слов, которые, не имея сами по себе ничего общего с тем, что происходит в нашем рассудке, позволяют открыть эту тайну другим. И не проникая в

наше сознание, дух других людей благодаря способности к слову может постичь все наши помыслы и все разнообразные движения нашей души.

Следовательно, слова можно определить как членораздельные звуки, которые используются людьми как знаки для обозначения их мыслей. Поэтому трудно постичь различные виды значений, заключенных в словах, не постигнув прежде того, что происходит в наших мыслях, ибо слова и были созданы лишь для передачи и постижения мыслей.

Все философы учат, что наш рассудок может производить три операции: Созерцать (*Concevoir*), Судить (*Juger*) и Умозаключать (*Raisonner*).

Созерцание — не что иное, как простой взгляд нашего рассудка на вещь, либо чисто духовный, как, например, в тех случаях, когда мы представляем себе существование, длительность, мысль, Бога; либо соотнесенный с телесными образами, как в тех случаях, когда мы представляем себе квадрат, круг, собаку, лошадь.

Суждение — это утверждение, что вещь, которую мы созерцали, является таковой либо таковой не является. Так, представив себе, что такое земля (*terre*) и что такое округлость (*rondeur*), мы можем утверждать о земле, что она круглая.

Умозаключение — это использование двух суждений для выведения из них третьего. Например, можно вывести следующее умозаключение: рассудив, что всякая добродетель достойна похвалы и что терпение — это добродетель, можно сделать вы-

Антуан Арно. Гравюра Р. Древе по ориг. Ж.-Б. де Шампена¹.

вод, что терпение достойно похвалы.

Из всего этого следует, что третья операция нашего рассудка является распространением (*extension*) второй, и нам, таким образом,

¹ По свидетельству известного исследователя Пор-Рояля Андре Алле, не сохранилось и, вероятно, не существовало ни одного прижизненного портрета Клода Лансло.

будет достаточно рассмотреть две первые операции. Иными словами, нам нужно рассмотреть то, что содержится во второй операции от первой, ибо люди говорят совсем не для того, чтобы выразить, что они созерцают, но почти всегда для того, чтобы составить суждения о предметах.

Высказанное нами суждение об окружающих предметах, как, например, в случае, когда мы говорим: *земля — круглая* (la terre est ronde), называется предложением (proposition). Таким образом, каждое предложение обязательно имеет два члена: один из них, называемый субъектом (sujet), является тем, о чем что-то утверждается, например *земля*; другой, называемый атрибутом (attribut), представляет собой то, что утверждается, например *круглая*. Кроме того, между двумя этими членами предложения находится связка (liaison) *есть* (est).

Итак, нетрудно убедиться, что субъект и атрибут, собственно говоря, принадлежат к первой операции рассудка, ибо они и суть то, что мы себе представляем, то, что составляет объект нашей мысли. Связка же принадлежит второй операции рассудка, которая является собственно деятельностью нашего сознания и способом нашего мышления.

Таким образом, наиболее важное различие, характеризующее наше сознание, состоит в том, что там можно выделить как предмет мысли, так и форму мысли. Основной формой мысли является суждение. Но к последнему можно отнести и различного рода соединения (conjonctions), разъединения (disjonctions) и другие подобные им операции рассудка, а

также — иные движения нашей души, такие, как желания, приказание, вопрос и прочие.

Отсюда следует, что люди, нуждаясь в знаках для обозначения того, что происходит в их сознании, должны были неизбежно прийти к наиболее общему разделению слов, из которых одни обозначали бы объекты мыслей, а другие — форму и образ мыслей, хотя часто последние не могут сами по себе обозначать таковые вне сочетания со словами, обозначающими объекты мыслей, как будет показано ниже.

К первому типу относятся слова, обычно называемые именами (noms), артиклями (articles), местоимениями (pronoms), причастиями (participes), предлогами (prépositions) и наречиями (adverbes); ко второму — глаголы (verbes), союзы (conjonctions) и междометия (interjections). Все они возникли в необходимой последовательности из естественного способа выражения мыслей, что мы и попытаемся показать в следующих главах.

ГЛАВА II

Об именах, и в первую очередь о существительных и прилагательных

Объекты наших мыслей являются либо вещами, например *земля, солнце, вода, дерево*, которые обычно называют с у б с т а н ц и я м и (substance), либо способами существования вещей, например *быть круглым, красным, твердым, ученым*, которые называются а к ц и д е н ц и я м и .

Между вещами, или субстанциями, и способами бытия вещей, или акциденциями, имеется следующее различие: субстанции существуют сами по себе, в то время как акциденции существуют только через субстанции.

Это обусловило основное различие между словами, которые обозначают объекты мыслей; те из них, которые обозначают субстанции, были названы именами существительными, а те, которые обозначают акциденции, указывая на субъект, коему эти акциденции соответствуют, называются именами прилагательными.

Такова первопричина разделения имен на существительные и прилагательные. Но этим дело не ограничивается, ибо оказывается, что решающую роль играет не столько значение, сколько способ обозначения (*manière de signifier*). Поскольку субстанция — это то, что существует самостоятельно, именами существительными были названы все имена, существующие в речи самостоятельно и не нуждающиеся в другом имени, даже если они и обозначают акциденции. И наоборот, прилагательными были названы даже те имена, которые обозначают субстанции, если по способу обозначения они должны быть присоединены в речи к другим именам.

Отсюда следует, что имя не может существовать само по себе, когда, помимо ясного (*distincte*) значения, у него имеется еще одно значение — смутное (*confuse*). Последнее можно назвать коннотацией (*connotation*) некоторой вещи, к которой относится то, что обозначается собственным значением.

Так, собственное значение слова *rouge* 'красный' — это *rougeur* 'краснота'. Но слово *rouge* означает 'красноту', неясно указывая на предмет, обладающий этим качеством. Отсюда вытекает, что слово *rouge* не может существовать в речи самостоятельно, ибо должен быть выражен или подразумеваться предмет — носитель этого качества.

Так как именно эта коннотация создает прилагательное, то, как скоро мы отнимаем ее у слов, обозначающих акциденции, эти слова становятся существительными, например: *coloré* — *couleur* 'цветной — цвет', *rouge* — *rougeur* 'красный — краснота', *dur* — *dureté* 'твердый — твердость', *prudent* — *prudence* 'осторожный — осторожность' и т. д.

И наоборот, когда мы прибавляем к словам, обозначающим субстанции, эту коннотацию, или смутное значение вещи, к которой эти субстанции относятся, то эти слова становятся прилагательными. Например, при помощи описанной выше операции можно из слова *homme* 'человек' получить слово *humain* 'человеческий' (*genre humain* 'род людской', *vertu humaine* 'добродетель людская' и т. д.).

В греческом¹ и латыни существует огромное количество таких слов: *ferreus* 'железный', *aureus* 'золотой', *bovinus* 'бычий', *vitulinus* 'телячий'.

Но в древнееврейском, а также во французском и других новых языках таких слов меньше. Во французском языке это значение выражается с помощью предлога *de*: *d'or*, *de fer*, *de bœuf* и т. д.

¹ Имеется в виду древнегреческий язык. — *Прим. перев.*

И если прилагательные, образованные от названий субстанций, освободить от их коннотаций, то образуются новые существительные, называемые абстрактными или обособленными. Так, из слова *homme* 'человек' можно образовать *humain* 'человечный', а из *humain* — *humanité* 'человечность' и т. д.

Но существует еще один вид имен, которые считаются существительными, хотя на самом деле должны были бы быть прилагательными, поскольку они обозначают акцидентальную форму (*une forme accidentale*), а также предмет, которому соответствует эта форма. К таким именам относятся названия занятий и профессий людей, например: *король, философ, живописец, солдат* и т. д. Такие слова считаются существительными, потому что, согласно обычному способу именования, не было необходимости соединять данные акцидентальные формы с их существительным, так как предметом здесь может быть только человек. Следовательно, существительное, обозначающее предмет, всегда подразумевается, и это имя может относиться только к человеку. В результате данные слова стали употребляться в речи так, как употребляются только существительные, т. е. существовать в речи самостоятельно.

По той же причине о некоторых именах или местоимениях говорят, что они являются субстантивированными (*pris substantivement*), поскольку они относятся к существительному, настолько общему (*général*), что оно легко и однозначно подразумевается. Например, *triste lupus stabulis*, подразумевается *negotium* 'плохое дело — волк в овчарне'; *pat-*

ria — подразумевается *terra* 'земля'; *judæa* — подразумевается *provincia* 'провинция'. Смотрите об этом в книге „*Nouvelle Méthode Latine*“*.

Как уже говорилось, у прилагательных есть два значения: одно — ясное, являющееся из самой формы, и другое — смутное, указывающее на носителя качества (*sujet*). Но из этого отнюдь не следует, что они более непосредственно обозначают форму, чем сам предмет, как если бы более отчетливое значение было в то же время и более непосредственным (*directe*). Напротив, прилагательные, конечно, обозначают предмет непосредственно, как говорят грамматисты *in gesto*, хотя и более смутно, нежели это делают существительные. Форму же они обозначают косвенно, или, как говорится, *in obliquo*, хотя и более отчетливо. Так, *blanc, candidus* 'белый' обозначает непосредственно „то, что обладает белизной“, но обозначает это весьма смутным образом, не указывая в частности ни на одну из вещей, которая может „обладать белизной“. В то же время это прилагательное обозначает белизну лишь опосредованно, но так же ясно, как само слово *белизна* (*candor*).

ГЛАВА III

*Об именах собственных и апеллятивах,
или нарицательных*

Наши понятия (*idées*) бывают двух видов. К первому относятся понятия о единичных вещах, как, например, имеющееся у каждого человека понятие о своих отце и матери, о

своем друге, а также о своей лошади и собаке, и наконец, понятие о самом себе.

Ко второму виду относятся понятия о множестве сходных предметов, которые могут подходить под одно данное понятие: понятие о человеке вообще, понятие о лошади вообще и т.д.

У людей появилась необходимость в различных видах имен для обозначения этих двух различных видов понятий.

Именами собственными были названы те имена, которые отражают единичные понятия (*idées singulières*), как, например, имя *Сократ*, которое относится только к философу Сократу, имя *Париж*, которое относится только к городу Парижу.

Именами нарицательными, или аpellятивами, были названы те имена, которые обозначают общие идеи (*idées communes*), как, например, слово *человек* может называть любого из людей; то же самое можно утверждать и в отношении слов *лев*, *собака*, *лошадь* и пр.

Однако довольно часто имя собственное может называть многих, как, например, имена *Пьер*, *Жан* и др. Но это происходит лишь случайно, поскольку разные люди могут носить одно и то же имя. К тому же в подобных случаях необходимо добавлять к этому имени другие имена, определяющие его и возвращающие ему качество имени собственного. Так, имя *Людвик*, могущее быть именем многих людей, является именем короля Франции, правящего страной сейчас, и тогда говорят: *Людвик Четырнадцатый*. Вместе с тем часто нет никакой необходи-

мости в таких дополнительных именах, поскольку обстоятельства речи достаточно ясно указывают, о ком говорится и кто имеется в виду.

ГЛАВА IV

О единственном и множественном числе

Имена нарицательные, которые относятся ко многим предметам, могут употребляться различными способами.

Ибо, во-первых, их можно рассматривать лишь по отношению к одной из вещей, называемой этим именем, наряду с тем, что все эти вещи можно рассматривать в определенном единстве, которое философы называют полным единством (*l'unité universelle*).

Во-вторых, мы можем употреблять имена нарицательные для называния нескольких вещей, взятых совместно, рассматривая последние как множество вещей.

Чтобы различить эти два способа обозначения, были придуманы два числа: единственное, *homo*, *homme* 'человек' и множественное *homines*, *hommes* 'люди'.

В некоторых языках, таких, например, как греческий, есть еще и двойственное число для обозначения предметов в количестве двух.

В древнееврейском также есть двойственное число, но используется оно только для обозначения предметов парных либо по природе, как, например, *глаза*, *руки*, *ноги* и др., либо созданных человеком как парные, например мельничные *жернова*, *ножницы* и т. п.

Из сказанного следует, что имена соб-

ственные не могут иметь множественного числа, ибо по природе своей они обозначают единичные объекты. Если же эти имена и употребляются иногда во множественном числе, как, например, *Цезари, Александры, Платоны*, это делается фигурально. Имя собственное при этом как бы распространяется на всех людей, имеющих сходство с людьми, называвшимися соответствующими именами: так сказать, правители, столь же доблестные, как Александр, философы, столь же мудрые, как Платон, и т. д. По изложенной причине данное употребление часто отвергается, как не соответствующее самой природе имен собственных, хотя примеры его встречаются во всех языках. Это употребление кажется нам достаточно узаконенным в обыходе, чтобы его можно было отвергать. Необходимо лишь обращать внимание на то, чтобы использовать подобные обороты умеренно.

Все прилагательные, напротив, должны иметь множественное число, потому что по своей природе они всегда содержат неопределенное значение предметности, за счет чего могут относиться ко многим предметам. Это верно по крайней мере в отношении способа обозначения, хотя на самом деле прилагательные могут относиться лишь и к одному предмету.

Что же касается нарицательных имен существительных, то на первый взгляд кажется, будто по своей природе они все должны были бы иметь множественное число. Тем не менее есть много нарицательных существительных, не имеющих множественного числа — либо просто по обычаю употреб-

ления, либо по некоторым разумным основаниям (*quelque sorte de raison*). Так, названия металлов *золото, серебро, железо* не имеют множественного числа почти во всех языках. Основанием для этого является, на наш взгляд, то, что сходство между различными частями этих металлов заставляет рассматривать каждый вид металла не как вид, воплощающийся в различных конкретных проявлениях, но как целое, делящееся лишь на части. Это свойство выражается во французском языке в том, что для обозначения отдельного металла мы применяем разделительную частицу: *de l'or* 'золото', *de l'argent* 'серебро', *du fer* 'железо'.

В то же время мы употребляем слово *fers* во множественном числе кандалов, а не части металла, называемого железом. В латинском языке так же употреблялось слово *æra*, но для обозначения монеты или музыкальных ударных инструментов, например цимбал. Аналогично обстоит дело и в других языках.

ГЛАВА V

О роде

Так как имена прилагательные по своей природе относятся ко многим предметам, люди решили, что необходимо сделать речь более ясной и украсить ее многообразием окончаний. Для этого они сделали прилагательные отличными друг от друга в зависимости от тех существительных, к которым они относятся в речи.

Прежде всего люди обратили взоры на самих себя и, отметив чрезвычайно существенное различие между всеми ними — различие по полу, — решили соответственно изменять имена прилагательные, присоединяя к ним различные окончания в зависимости от того, согласуются эти прилагательные с существительными, обозначающими мужчин, или с существительными, обозначающими женщин. Например: *bonus vir* 'добрый мужчина', *bona mulier* 'добрая женщина'. Именно это они и назвали мужской род и женский род.

Но подобное явление должно было с необходимостью породить следующее. Поскольку прилагательные могут быть определениями не только к существительным, обозначающим мужчин или женщин, нужно было всякий раз приписывать им одно из окончаний, придуманных первоначально для прилагательных, согласующихся с существительными, обозначающими мужчин или женщин. В связи с этим все имена существительные были разделены на существительные мужского и существительные женского рода. Иногда это делалось из определенных разумных соображений, как, например, в случае обозначения занятий людей: так, слова *rex*, *judex*, *philosophus* и т. д. (которые можно считать существительными лишь по причинам, изложенным выше¹) принадлежат к мужскому роду, ибо за этими словами стоит понятие *homo* 'человек'; существительные же *mater* 'мать', *uxor* 'жена', *regina* 'королева'

и др. относятся к женскому роду, ибо подразумевают понятие *mulier* 'женщина'.

В других случаях род существительных никак не мотивирован и создается лишь по причудам обихода. Благодаря этому в разных языках род слов варьируется, причем даже в тех словах, которые были заимствованы одним языком из другого. Например, *arbor* в латинском языке — женского рода, а *arbre* 'дерево' во французском языке — мужского; *dens* в латинском — мужского рода, а во французском слово *dent* 'зуб' — женского рода.

Иногда род слова может меняться в языке с течением времени. Например, *alvus* 'чрево' в латинском языке, по мнению Присциана, относилось к мужскому роду, но с течением времени стало существительным женского рода. Слово *navire* 'корабль' во французском языке принадлежало ранее к женскому роду, но затем стало существительным мужского рода.

Подобные колебания обихода приводят также к тому, что одно и то же слово употребляется одними в мужском, а другими в женском роде, что составляет колеблющийся род: так, можно сомневаться в том, что правильнее — *hic finis* или *hæc finis* 'этот (эта) предел, цель' — в латыни, *comté* 'графство' и *duché* 'герцогство' — во французском языке.

Но то, что называется общим родом (*genre commun*), не является столь общим, как это часто представляется грамматистам. В собственном смысле общий род подходит только к названиям отдельных животных, которые

¹ См. гл. III. — Прим. перев.

в греческом и латыни соединялись в речи то с прилагательными мужского, то с прилагательными женского рода в зависимости от того, обозначали ими самца или самку. Например, *bos* 'корова, бык', *canis* 'собака (сука, кобель)', *sus* 'свинья, боров'.

Другие же существительные, относящиеся к общему роду, являются, собственно говоря, прилагательными, которые считаются существительными лишь потому, что они существуют в речи самостоятельно, и потому, что они не имеют различных окончаний, позволяющих им присоединяться к одному или другому роду, в отличие, например, от пар *victor* и *victrix* 'победитель и победительница'; *rex* и *regina* 'король и королева'; *pistor* и *pistrix* 'булочник и булочница' и др.

Теперь мы убедились в том, что явление, называемое грамматистами общим или обоюдным родом (*épicène*), отнюдь не представляет собой отдельный род, ибо *ulpes* 'лисица', несмотря на то, что обозначает и самца и самку лисицы, выступает в латинском языке существительным женского рода. То же самое и в отношении слова *aigle* 'орел' во французском языке. Это существительное женского рода (*une aigle*). Ведь грамматический род существительного зависит не от значения этого слова, а от того, с каким прилагательным оно согласуется в речи: с прилагательным, имеющим окончание мужского рода, или же с прилагательным, имеющим окончание женского рода. Так, в латинском языке *custodiæ* 'стражники' или 'узники', *vigiliæ* 'часовые' и другие подобные слова принадлежат к жен-

скому роду, хотя и обозначают мужчин. То, что было сказано здесь о роде, относится ко всем языкам.

В греческом и латинском языках наряду с мужским и женским родом был изобретен еще и третий род, который называли средним (*neutre*), ибо он не являлся ни мужским, ни женским. Но так поступили не на разумном основании, как могло бы быть, если бы к среднему роду относили названия вещей, не имеющих никакой связи с полом, мужским или женским, а по прихоти, ибо на самом деле этот род приписывался словам лишь в соответствии с их окончаниями.

ГЛАВА VI

О падежах и о предлогах, в той мере, в какой необходимо говорить о последних, чтобы изъяснить природу некоторых падежей

Если бы люди всегда рассматривали вещи отдельно одну от другой, то они придали бы именам только те два рода изменений, которые были упомянуты выше: они могут изменяться только по числам, а имена прилагательные — еще и по родам. Но поскольку вещи часто рассматриваются в самых разных отношениях друг с другом, необходимо было обозначить эти отношения. Для этого именам стали даваться еще различные окончания, названные падежами (*cas*) от латинского *cadere* 'падать', как если бы различные падежи одного слова были его различными „выпадениями“ (*chutes*).

На самом деле из всех языков¹ только греческий и латынь имеют падежи имен в полном смысле этого слова. Тем не менее, т. к. почти нет языков, которые не имели бы падежей в местоимениях, а также по той причине, что без падежей нельзя было бы в полной мере понять связь слов в предложении, называемую к о н с т р у к ц и е й, необходимо знать, что такое падеж, прежде чем приступать к изучению любого языка. Поэтому мы постараемся сейчас объяснить вам падежи один за другим столь ясно, сколь нам это представляется возможным.

*О номинативе,
или именительном падеже*

Исходная позиция (*la simple position*) имени называется н о м и н а т и в о м, или и м е н и т е л ь н ы м п а д е ж е м (*nominatif*). Это не есть падеж в прямом смысле слова. Это лишь материал, из которого образуются падежи при помощи различных изменений, претерпеваемых первоначальным окончанием имени. Этот падеж используется в предложении главным образом в роли субъекта и ставится перед глаголами: *Dominus regit me, le Seigneur me conduit; Deus exaudit me, Dieu m'écoute.*

¹ Имеются в виду языки, рассматриваемые в „Грамматике Пор-Рояля“. — *Прим. перев.*

*О вокативе,
или звательном падеже*

Когда мы называем человека, к которому обращаемся, или же предмет, которому адресована наша речь, как если бы он был человеком, то это имя приобретает новое положение, которое часто обозначается соответствующим окончанием, называемым вокативом или звательным падежом (*vocatif*). Так, из *Dominus* ‘Господь’ в номинативе образуется *Domine* ‘Господи’ в вокативе; из *Antonius* — *Antoni*. Но так как в подобных изменениях номинатива не было особой необходимости, ибо в этом значении можно использовать сам номинатив, в различных языках можно наблюдать следующее:

1. Окончания вокатива, отличного от окончания номинатива, во множественном числе не существует.

2. Даже в единственном числе вокатив в латинском языке имеет собственное, отличное от номинатива окончание только во втором склонении.

3. В греческом языке, где вокатив встречается наиболее часто, вместо вокатива все же иногда используется номинатив. Это очень хорошо видно, например, в греческом переводе (*version grecque*) псалмов, откуда св. апостол Павел приводит цитату в „Послании к евреям“ для доказательства божественного происхождения Иисуса Христа: *θρονός σου, ὁ θεός* ‘Престол Твой, Боже, [в век века]’ (Евр., 1,8), где ясно, что *ὁ θεός* является номинативом, использованным в значении вокатива, ибо смысл фразы — не „Бог есть

Ваш престол“, но „престол Твой, Боже, пребудет вечно“.

4. И наконец, иногда мы соединяем в речи номинативы и вокативы: Domine, Deus meus; nate, meæ vires, mea magna potentia solus. Об этом смотрите в „Nouvelle Méthode Lat. (Remarques sur les Pronoms)“.

Во французском и других новых языках этот падеж выражается в именах нарицательных опущением артикля, свойственного им в номинативе: le Seigneur est mon espérance 'Господь — ты есть моя надежда'; Seigneur, vous êtes mon espérance 'Господи, на тебя уповаю'.

О генитиве

Отношение одной вещи, принадлежащей другой любим из перечисленных ниже способов, заставило придать именам в языках, имеющих падежи, новое окончание, которое было названо генитивом (génitif). При помощи этого окончания выражалось то общее отношение, которое может проявляться в частных случаях, каковыми могут быть следующие отношения:

Целого к части: caput hominis 'голова человека'.

Части к целому: homo crassi capitis 'человек с большой головой'.

Субъекта к акциденции или атрибуту: color rosæ 'цвет розы', misericordia Dei 'милосердие Господа'.

Акциденции к субъекту: puer optimæ indolis букв. 'ребенок наилучших способностей'.

Действенной причины к результату: opus Dei 'творение Бога'; oratio Ciceronis 'речь Цицерона'.

Результата к причине: creator mundi 'творец мира'.

Конечной причины (cause finale) к результату: potio soporis букв. 'напиток сна' ['сонное зелье'].

Вещества к его компонентам: vas auri 'сосуд [из] золота'.

Объекта к движениям души: cogitatio belli 'план войны'; contemptus mortis 'презрение смерти'.

Владельца к вещи, которая принадлежит ему: pecus Melibœi 'скот Мелибея'; divitiæ Cræsi 'богатство Креза'.

Имени собственного к нарицательному, или единичного к видовому: oppidum Lugduni 'укрепление Лугдуна'.

Поскольку же среди указанных отношений есть и прямо противоположные, это иногда приводит к различным двусмысленностям. Например, в обороте: vulnus Achillis генитив по смыслу заменяет собой субъект, и тогда он трактуется как страдательный оборот: 'рана, полученная Ахиллом'. Но этот оборот может быть истолкован и таким образом, что генитив обозначает причину, и тогда он трактуется в активном смысле: 'рана, которую нанес Ахилл'. Так же, в следующем отрывке из Св. апостола Павла: certus sum quia neque mors, neque vita и т. д., poterit nos separare a charitate Dei in Christo Jesu, Domino nostro. Генитив Dei трактовался различными переводчиками по-разному, а именно в двух следующих смыслах. Одни полагали, будто здесь

генитив обозначает отношение объекта, и толковали эту выдержку так: 'благодаря любви, которую избранные несут Богу в Иисусе Христе'. Другие же, полагая, что здесь представлено отношение субъекта, толковали это место так: 'по милости, которую Бог ниспослал праведным через Иисуса Христа'¹.

Хотя в древнееврейском имена и вовсе не склоняются по падежам, тем не менее указанное отношение, выраженное генитивом, вызывает некоторые изменения в именах. Но способ изменения имен весьма отличен от такового в латыни и греческом, ибо вместо того, чтобы подвергаться изменению управляемое имя, в древнееврейском изменяют имя, которое управляет.

Например: *verbum falsitatis דְּבַר שֶׁקֶר* 'слово лжи', где изменяется не управляемое слово *שֶׁקֶר* falsitas, а управляющее слово *דְּבַר* меняется на *דְּבַר* *verbum*.

Что же касается всех новых языков, то в них для выражения генитива используется обычно частица, как, например, во французском: *Deus, Dieu; Dei, de Dieu*.

Заметим, что одно из значений генитива, о котором уже было сказано, а именно что генитив служит для обозначения отношения имени собственного к имени нарицательному или, что то же самое, индивида к виду, гораздо более обычно во французском языке, нежели в латыни. Ведь известно, что в латыни имя нарицательное и имя собственное часто

¹ Т. е. родительный падеж по смыслу заменяет собой подлежащее (*genitivus subjectivus*). — *Прим. перев.*

стоят в одном падеже, каковому явлению дано название приложения (*apposition*): *urbs Roma* 'город Рим', *fluvius Sequana* 'река Сиквана', *mons Parnassus* 'гора Парнас'. Во французском же языке в подобных случаях мы имеем обыкновенно ставить имя собственное в генитиве: *la ville de Rome, la rivière de Seine, le mont de Parnasse*.

О дативе, или дательном падеже

Существует и иное отношение между вещами, а именно отношение вещи к пользе или ущербу в отношении других вещей. Языки, имеющие падежи, располагают также и словом для обозначения подобных отношений, называемых дативом. Это слово используется и для обозначения иных употреблений, которые описать в отдельности почти невозможно: *commodare Socrati, prêter à Socrate* 'давать в долг Сократу', *utilis Reipublicae, utile à République* 'полезный Республике', *perniciosus Ecclesiae, pernicieux à l'Eglise* 'опасный для Церкви'; *promittere amico, promettre à un ami* 'обещать другу'; *visum est Platoni, il a semblé à Platon* 'показалось Платону', *affinis Regi, allié au Roi* 'родственник королю' и т. д.

Новые языки чаще всего обозначают этот падеж при помощи предлога, например *à* во французском языке, в чем можно было убедиться на основании приведенных выше примеров.

Глаголы, обозначающие действия, переходящие на предметы, отличные от производителя действия, такие, как *battere* 'бить', *rompere* 'рвать', *guérir* 'лечить', *haïr* 'ненавидеть', имеют предметом получателя действия, или подразумеваемый этим действием объект. Ибо если уж бьют, то бьют кого-либо или что-либо, если любят, то любят кого-либо или что-либо и т. д. Таким образом, глаголы эти требуют после себя имени, которое являлось бы объектом, лицом или вещью, на которые были бы направлены действия, обозначаемые глаголами. Это стало причиной того, что в языках, имеющих падежи, именам было дано новое окончание, называемое аккузативом (*l'accusatif*): *amo Deum* 'люблю Бога'; *Caesar vicit Pompeium* 'Цезарь победил Помпея'.

Во французском языке нет признаков, по которым можно было бы отличить этот падеж от номинатива. Но поскольку мы располагаем слова в предложении почти всегда в их естественном порядке, номинатив можно отличить от аккузатива; обычно номинатив предшествует глаголу, аккузатив же следует за глаголом: *le roi aime la reine* 'король любит королеву', *la reine aime le roi* 'королева любит короля'.

Соответственно, *le roi* 'король' является номинативом в первом примере и аккузативом во втором, а *la reine* 'королева' — наоборот.

Помимо описанных нами пяти падежей, в латыни имелся еще и шестой падеж, предназначенный не для того, чтобы самому по себе выражать некоторое специальное отношение, но для того, чтобы прилагаться к некоторым частицам, называемым предлогами (*prépositions*). Потребность в этом падеже вызвана была тем, что первых пяти падежей недоставало для обозначения всех отношений, которые могут иметь вещи между собой. В связи с указанной потребностью все языки стали прибегать к иному средству, состоящему в том, чтобы изобретать короткие слова, которые должны стоять перед именами и которые были в соответствии с этим названы предлогами. Например, отношение двух вещей, одна из которых помещена внутри другой, выражается в латыни посредством *in*, а во французском с помощью *dans*: *vinum est in dolio*, *le vin est dans le muid* 'вино в бочонке'. Однако в языках, имеющих падежи, предлоги не могут прилагаться к исходной форме имени, т. е. к номинативу, но лишь к другим падежам. Хотя в латыни и случается, что предлог присоединяется к аккузативу (*amor erga Deum* 'любовь к Богу'), все же изобретен был особый падеж — аблатив — для того, чтобы объединить в нем несколько других падежей, от которых он неотъемлем по смыслу. Напротив, аккузатив часто отличается по смыслу от аблатива; так, аккузатив никогда не может сопровождаться предлогом после действительного глагола или же перед инфинитивом.

Этот падеж обычно не встречается во множественном числе, ибо он не имеет там собственного окончания, отличного от окончания датива. Но поскольку считать, что, например, какой-то предлог управляет аблативом в единственном и дативом во множественном числе, означало бы нарушать аналогию, то предпочитают говорить, что и во множественном числе есть аблатив, но только всегда совпадающий с дативом.

Именно по этой причине полезно считать, что аблатив есть и у греческих имен, хотя он всегда совпадает с дативом, ибо тогда сохраняется сходство между греческим и латынью, столь необходимое, если учитывать, что эти два языка обычно изучаются одновременно.

И наконец, всякий раз, когда в нашем родном языке имя управляется предлогом, как в случаях: *il a été puni pour ses crimes* 'он был наказан за свои преступления'; *il a été amené par violence* 'он был приведен насильно'; *il a passé par Rome* 'он прошел через Рим'; *il est sans crime* 'он без вины'; *il est allé chez son rapporteur* 'он отправился к своему осведомителю'; *il est mort avant son père* 'он умер раньше своего отца', мы можем считать, что имя стоит в аблативе, и это поможет нам объяснить многие трудности, касающиеся употребления местоимений.

ГЛАВА VII

Об артиклях

Неопределенное значение имен нарицательных, или апеллятивов, о котором мы уже писали в главе IV, побуждает не только употреблять эти имена в двух числах — единственном и множественном, с тем чтобы ограничивать это значение. Определять неясное значение имен нарицательных можно еще и иначе. Почти во всех языках были для этой цели введены некоторые частицы, названные артиклями, которые иным образом, нежели числа, определяют это неясное значение как в единственном, так и во множественном числе.

В латыни совсем не было артиклей. Именно отсутствие артикля и заставило Юлия Цезаря Скалигера необоснованно утверждать в его книге „Основы латинского языка“*, что эта частица была бесполезной, хотя, думается, она была бы весьма полезной для того, чтобы сделать речь более ясной и избежать многочисленных двусмысленностей.

В древнегреческом был один артикль \acute{o} , η , $\tau\acute{o}$.

В новых языках два артикля: один, называемый определенным, как, например, *le*, *la* во французском языке; другой — называемый неопределенным — *un*, *une*.

Эти артикли не имеют собственно падежей, так же как и имена [во французском языке]. Но что заставляет думать, будто артикль *le* имеет падежи, так это то, что генитив и датив, образованные от этого артикля во множественном, а часто и в единственном числе.

являются результатом стяжения (contraction) частиц *de* и *à*, которые являются соответственно показателями этих двух падежей, с формами *les* (во множественном числе) и *le* (в единственном числе). Ибо во множественном, которое является общим для мужского и женского рода, в генитиве всегда употребляется *des*, образованное посредством стяжения *de les*: *les rois*, *des rois* вместо *de les rois*; и в дативе *aux* вместо *à les*: *aux rois* вместо *à les rois*. Заметим, что в последнем случае к стяжению прибавляется чередование *l é u*, чрезвычайно распространенное во французском языке, как, например, тогда, когда из *mal* 'боль' делается *maux* 'болезни', из *altus* 'высокий' — *haut*, из *alnus* 'ольха' — *aune*.

Мы пользуемся тем же стяжением и тем же чередованием *l é u* в генитиве и дативе единственного числа имен существительных мужского рода, начинающихся с согласной. Так, мы говорим *du* вместо *de le*: *du roi* вместо *de le roi*; *au* вместо *à le*; *au roi* вместо *à le roi*. Во всех других именах мужского рода, начинающихся с гласной, а также в случае имен женского рода артикль оставляется в форме номинатива, и мы добавляем лишь *de* в генитиве и в дативе: *l'état*, *de l'état*, *à l'état*; *la vertu*, *de la vertu*, *à la vertu*.

Что же касается другого артикля, *un* и *une*, который мы называли неопределенным, то обычно считается, что у него нет множественного числа. И действительно, у него нет форм множественного числа, образованных от форм единственного, ибо никогда не употребляются формы *unz*, *unes* в отличие от испанского языка, где употребляются такие

формы: *unos animales* 'животные'. Но можно утверждать, что для этой цели используются слова, образованные от другого слова: *des* перед существительными — *des animaux* и *de* перед прилагательными — *de beaux lits* и т. п. Или, что то же самое, можно утверждать, что частицы *des* и *de* играют во множественном числе имен ту же роль, что и неопределенный артикль *un* в единственном.

В этом убеждает то, что во всех падежах, кроме генитива, по причинам, о которых мы скажем далее, везде, где мы ставим *un* в единственном, во множественном мы должны ставить *des* (*de* перед прилагательными).

<i>Номинатив.</i>	{	<i>Un crime si horrible mérite la mort.</i> <i>Des crimes si horribles, ou de si horribles crimes méritent la mort.</i>
<i>Аккузатив. Il a commis</i>		<i>un crime horrible.</i> <i>des crimes horribles, ou d'horribles crimes.</i>
<i>Аблатив. Il est puni</i>	{	<i>pour un crime horrible.</i> <i>pour des crimes horribles, ou pour d'horribles crimes.</i>
<i>Датив. Il eu recours</i>		<i>d'un crime horrible.</i> <i>d' des crimes horribles, ou d' d'horribles crimes.</i>
<i>Генитив. Il est coupable</i>	{	<i>d'un crime horrible.</i> <i>de crimes horribles, ou d'horribles crimes.</i>

Заметим, что *à*, частица-показатель датива, добавляется для того, чтобы образовать датив (от) этого артикля как в единственном — *à un*, так и во множественном — *à des* — числе. Мы добавляем также частицу генитива *de*, чтобы образовать генитив единственного числа, например *d'un*.

Очевидно, что в соответствии с законами аналогии генитив множественного числа должен образовываться так же — добавлением *de* к *des* или *de*, но мы этого не делаем по

причине, которая служит источником большинства аномалий, или нерегулярностей, языков. Причиной этой является неблагозвучность произношения, или какофония. Ибо *de des*, а тем более *de de* весьма неприятны для слуха, и немало пострадал бы наш слух, если бы мы говорили: *il est accusé de des crimes horribles* или *il est accusé de de grands crimes*. Таким образом, согласно изречению древних, *Impetratum est a ratione, ut pessare suavitatis causa liceret* 'Постигнуто разумом, что можно погрешить [против него] ради более приятного'¹.

Отсюда следует, что *des* выступает генитивом множественного числа от артикля *le*, как в случае: *Le Sauveur des hommes буква* 'спаситель людей', вместо *de les hommes*; а иногда — номинативом, аккузативом, аблативом или дативом множественного числа от артикля *un*, как мы только что показали. Также *de* является иногда простым показателем генитива без артикля, как, например, в случае: *Ce sont des festins de roi* 'Это пиры [, как у] короля', а иногда либо генитивом множественного числа того же артикля *un* вместо *des*, либо другими падежами того же артикля перед прилагательными, как было только что показано на примерах.

Мы уже говорили о том, что употребление артиклей перед именами нарицательными служит, вообще говоря, для определения их „неопределенного значения“. Но трудно указать точно, в чем состоит это определение, ибо оно не является единым для всех языков,

имеющих артикли. Вот какова картина значений артикля во французском языке.

Имя нарицательное, например, roi 'король'

Без артикля	{ значение весьма неопределенно { значение определенного субъектом предложения	{ Il a fait un festin de roi. Ils ont fait des festins de roi. Louis XIV est roi, Louis XIV et Philippe IV sont rois.
С артиклем <i>le</i> обозначает или	{ класс предметов в целом { одного или нескольких отдельных представителей класса, определенных контекстом или обстоятельственными речью	{ Le roi ne dépend point de ses sujets. Les rois ne dépendent point de leurs sujets. Le roi fait la paix. т. е. именно Людовик XIV, что можно определить из контекста этого предложения. Les rois ont fondé les principales abbayes de France, y compris les rois de France, y compris les rois de France.

Мы видим, что у имен собственных нет никакой нужды в артикле, ибо они (имена собственные) обозначают вещь единственную и определенную.

Однако обиход не всегда согласуется с разумом. Поэтому в греческом языке артикль часто употребляется с именами собственными, даже с именами людей: *ὁ Φίλιππος* 'Филипп'. У итальянцев же такое употребление стало обычным: *l'Ariosto, il Tasso, l'Aristotele*. И мы, французы, иногда подражаем подобному обиходу, но только в именах чисто итальянских, например *L'Arioste, le Tasse*, но никогда не скажем *l'Aristotele, le Platon*. Ибо мы не ставим никогда артикля перед именами собственными, обозначающими лю-

¹ Изречение Цицерона. — Прим. перев.

дей. Исключение составляют те случаи, когда мы говорим с презрением о людях весьма недостойных: *le tel* 'такой-сякой', *la telle* 'такая-сякая', либо же в тех случаях, когда из апеллятивов, или нарицательных, имена могут превратиться в собственные. Например, есть люди, называющиеся *le Roi*, *le Maître*, *le Clerc*. Но в этом случае такие имена людей рассматриваются как одно слово, и, когда эти имена относятся к женщинам, артикль *le* не меняется на артикль *la*. Женщина подписывается *Marie le Roi*, *Marie le Maître* и т. д.

Мы так же не ставим артиклей перед именами собственными, обозначающими названия городов или деревень: *Paris*, *Rome*, *Milan*, *Gentilly*. Исключение составляют те случаи, когда эти имена произошли из имен нарицательных, как, например, *la Capelle*, *le Plessis*, *le Castelet*.

Обычно артикли не употребляются и перед именами, обозначающими церкви, названные по имени святого, которому посвящена данная церковь: *Saint-Pierre*, *Saint-Paul*, *Saint-Jean*.

Но мы ставим артикли перед именами, обозначающими названия королевств и провинций: *la France*, *l'Espagne*, *la Picardie* и т. п., хотя есть несколько названий стран, употребляющихся без артикля, например: *Cognouailles*, *Comminges*, *Roannez*.

Артикль употребляется перед именами, обозначающими названия рек: *la Seine*, *le Rhin* и гор: *l'Olympe*, *le Parnasse*.

Наконец, необходимо заметить, что артикль не употребляется с прилагательными, ибо прилагательные принимают свою определен-

ность от существительных. Но если все же артикль присоединяется, как в тех случаях, например, когда мы говорим *le blanc*, *le rouge*, то это значит, что прилагательные стали существительными: *le blanc* — это то же самое, что и *blancheur* 'белизна'; либо же мы подразумеваем существительное, как, например, говоря о вине, можем сказать: *j'aime mieux le blanc* 'я больше люблю белое'.

ГЛАВА VIII

О местоимениях

Так как люди были вынуждены в одном и том же тексте говорить часто об одних и тех же вещах, а повторение одних и тех же имен производило бы слишком назойливое впечатление, пришлось придумать слова, которые замещали в речи эти имена, и потому их назвали местоимениями.

Прежде всего люди поняли, что зачастую бесполезно и неудобно называть себя самого в речи по имени и стали делать это неохотно, что и привело к введению местоимения первого лица, для замены имени говорящего: *ego*, *moi*, *je* 'я'.

Чтобы было необходимости в назывании того, к кому обращена речь, нашли удобным обозначить его словом, которое называли местоимением второго лица: *tu*, *toi* 'ты' или *vous* 'вы'.

А чтобы избежать еще и повторения имен других людей или названия вещей, о которых идет речь, были придуманы местоимения третьего лица: *ille*, *illa*, *illud*, *il*, *elle*, *lui*

и т. д. А от этих местоимений произошли другие, указывающие прямо на вещь, о которой идет речь, как это делается в случае указания пальцем. Такие местоимения были названы указательными (*démonstratifs*), например: *hic, celui-ci, iste, celui-là* и т. д.

Есть еще одно местоимение, называемое возвратным (*reciproque*), то есть возвращающимся на самого себя, как, например, *sui, sibi, se — se. Pierre s'aime* 'Пьер любит себя'; *Caton s'est tué* 'Катон убил себя'.

Эти местоимения, выступая в роли других имен, сохраняют их свойства (*propriétés*). Так, у них есть:

Ч И С Л О, единственное и множественное: *je* 'я' — *vous* 'мы', *tu* 'ты' — *vous* 'вы'. Но во французском мы обычно пользуемся множественным числом — *vous* вместо единственного *tu* или *toi*, даже в тех случаях, когда речь идет об одном человеке, *vous êtes un homme de promesse* 'вы — человек слова'.

Р О Д: *il* 'он', *elle* 'она'. Но местоимения первого лица всегда относятся к общему роду, так же как местоимения второго лица, кроме древнееврейского и тех языков, которые ему родственны, где мужской род אָנְךְ отличен от женского אַתְּ .

П А Д Е Ж: *ego, me, je, te, moi*. К тому же, как мы уже упоминали, часто в тех языках, где в именах падежей нет, в местоимениях есть падежи.

Именно этот случай можно наблюдать во французском языке, где мы можем рассмотреть местоимения согласно трем случаям употребления, которые представлены в следующей таблице.

Перед глаголами в			В остальных случаях	
нominative	dativе	аккузative	аблатив	genitiv и т. п.
Je Nous	me		moi	
Tu Vous	te		toi	
	se		soi	
Il, elle Ils, elles	lui leur	se, la les	lui eux	elle elles

К этой таблице необходимо сделать несколько замечаний:

1. Для того чтобы таблица была более компактной, мы написали в ней местоимения *vous* и *vous* только один раз, хотя на самом деле они употребляются везде: перед глаголами, после глаголов и во всех падежах. Вот почему в обычном употреблении языка нет трудностей в отношении местоимений первого и второго лица, ибо они неизменны: *vous* и *vous*.

2. Как мы уже отмечали, датив и аккузатив местоимения обычно употребляются перед глаголами, но могут употребляться и после глаголов в императиве: *vous lui dites, dites-lui, vous leur dites, dites-leur; vous le menez, menez-le, vous la conduisez, conduisez-la*. Но *me, te, se* употребляются только перед глаголом: *vous me parlez, vous te menez*. Таким образом, когда глагол в форме императива, необходимо употреблять *moi* вместо *me*: *parlez-moi, menez-moi*. Вот чего не учел, как нам кажется, господин де Вожла*, ибо, пытаясь найти причину, почему мы говорим *menez-l'у*, но не говорим *menez-m'у*, он не нашел другого объяс-

нения, кроме неблагозвучности последней формы. Вместе с тем известно, что местоимение *moi* никогда не апострофируется. Поэтому, если бы можно было говорить *menez-m'у*, то это означало бы возможность употребления и *menez-me*, как мы можем сказать *menez-l'у*, поскольку говорим *menez-le*. Между тем *menez-me*, как мы уже отмечали, с точки зрения грамматики французского языка является неправильной формой, а соответственно, не будет правильной и форма *menez-m'у*.

3. Когда местоимения находятся либо перед глаголами в императиве, либо после них, мы никогда не употребляем частицу датива: *vous me donnez, donnez-moi*, но не *donnez à moi*. Исключение составляют те случаи, когда мы удваиваем местоимение, особенно если при этом добавляется *même*, которое присоединяется к местоимениям только тогда, когда есть местоимение третьего лица: *dites-le-moi à moi; je vous le donne à vous; il me le promet à moi-même; dites-leurs à eux-mêmes, trompez-la elle-même; dites-lui à elle-même*.

4. Что касается местоимения *il*, то номинатив *il* или *elle* и аккумулятив *le* или *la* употребляются, замещая любые имена, тогда как датив, аблатив, генитив и местоимение *son, sa*, заменяющее генитив, обычно употребляются лишь в отношении людей.

Так, мы вполне можем сказать о загородном доме: *elle est belle* 'он красив'; *je la rendrai belle* 'я сделаю его красивым'; но совсем не так хорошо будут звучать фразы: *je lui ai ajouté un pavillon; je ne puis vivre sans elle; c'est pour l'amour d'elle que je quitte souvent la ville; sa situation me plaît*. Для того чтобы это

хорошо звучало на французском языке, надо сказать так: *j'y ai ajouté un pavillon* 'я пристроил к нему павильон'; *je ne puis vivre sans cela* 'я не могу жить без него' или *sans le divertissement que j'y prends* 'без того удовольствия, которое я получаю от него'; *elle est cause que je quitte souvent la ville* 'он — причина, по которой я часто покидаю город'; *la situation m'en plaît* 'его местоположение мне нравится'.

Но из этого правила есть ряд исключений: 1) слова, обозначающие множество людей, как, например, *église* 'церковь, духовенство', *peuple* 'народ', *compagnie* 'компания', не подходят под это правило; 2) когда мы одушевляем вещи и рассматриваем их как людей, что является фигурой речи, известной под названием олицетворения или прозопопеи (*prosopopée*), мы можем использовать те обороты речи, которые употребляются только в отношении людей; 3) понятия духовного содержания, такие, как *la volonté* 'воля', *la vertu* 'добродетель', *la vérité* 'истина', могут сочетаться в речи с персональными оборотами (*expressions personnelles*). Думаю, что совсем не плохо прозвучат по-французски следующие фразы: *l'amour de Dieu a ses mouvements, ses désirs, ses joies, aussi bien que l'amour du monde* 'любовь к Богу имеет свои порывы, свои желания, свои радости, так же как и мирская любовь'; *j'aime uniquement la vérité* 'я люблю единственно истину'; *j'ai des ardeurs pour elle, que je ne puis exprimer* 'я пылаю к ней страстью, которую не могу выразить'; 4) обиход позволяет нам пользоваться местоимением *son* в отношении вещей, при-

надлежащих только тем предметам, о которых идет речь, либо необходимых им. Так, говорят, что *une rivière est sortie de son lit* 'река вышла из своего русла', что *un cheval a rompu sa bride, à mangé son avoine* 'лошадь оборвала свой повод, съела свой овес', ибо мы рассматриваем *l'avoine* 'овес' как основное питание лошадей. Можно сказать, например, что *chaque chose suit l'instinct de sa nature* 'каждая вещь следует своей природе', что *chaque chose doit être en son lieu* 'каждая вещь должна быть на своем месте', что *une maison est tombée d'elle-même* 'дом рухнул', ибо нет ничего более необходимого для вещи, чем то, что эта вещь существует. Приведенные нами аргументы позволяют предположить, что это правило¹ не распространяется на научные тексты, в которых всегда говорится только о том, что свойственно предметам изложения. И поэтому мы можем сказать о слове: *sa signification principale est telle* 'его основное значение такое-то', а о треугольнике: *son plus grand côté est celui qui soutient son plus grand angle* 'его наибольшей стороной является та, которая противостоит его наибольшему углу'.

Могут быть еще и другие сложности в применении этого правила, ибо мы недостаточно полно рассмотрели причины, которые могут заставить отклоняться от обихода. Но по крайней мере очевидно: для того чтобы хорошо говорить по-французски, мы должны всегда помнить описанное правило. Забвение его приводит к ошибкам в речи, если только,

¹ Об употреблении местоимения *il* (*elle*) в дательном, аблативе и генитиве, а также об употреблении местоимения *son/sa* (правило 4-е). — *Прим. перев.*

конечно, мы не имеем дела с оборотами, законными обиходом, или же с оборотами, где отклонения от этого правила вызваны рядом причин. Господин де Вожла тем не менее этого правила вообще не рассматривал, хотя обращал внимание на аналогичное правило, касающееся употребления местоимения *qui*, которое, как он очень хорошо показывает, употребляется лишь в отношении людей (кроме номинатива и аккузатива *que*)*.

До сих пор мы рассматривали местоимения основные и исходные, но ведь из этих местоимений образуются другие, называемые притяжательными (*possessifs*). Образуются они так же, как образуются прилагательные из имен, обозначающих субстанции, а именно добавлением смутного значения (*signification confuse*), например, от существительного *terre* 'земля' образуется прилагательное *terrestre* 'земной'. Таким образом, *meus, mon* 'мой' отчетливо обозначает *moi* 'меня', а неясно — некоторую вещь, которая мне принадлежит. *Meus liber, mon livre* 'моя книга' означает *le livre de moi* 'книга, принадлежащая мне' или, как в греческом *βιβλος μου*.

Притяжательные местоимения во французском языке употребляются следующим образом. Одни употребляются с именем без артикля: *mon* 'мой', *ton* 'твой', *son* 'свой' — в единственном и *nos* 'наш', *vos* 'ваш' — во множественном числе. Другие — с артиклем без имени: *mien, tien, sien* — в единственном, *nôtre, vôtre* — во множественном числе. Есть и такие, которые могут употребляться обоими способами: *notre* и *votre* в значении единст-

венного числа, а также *leur* и *leurs*. Здесь не приводятся примеры, ибо их легко может привести каждый. Я хочу сказать лишь о том, что по причинам, только что изложенным, был отброшен старый обычай говорить *un mien ami* 'мой друг'; *un mien parent* 'мой родственник', ибо *mien* может употребляться лишь с артиклем *le* и без имени: *c'est le mien* 'это из моих [близких]', *ce sont les nôtres* 'это наши [близкие]'

ГЛАВА IX

О местоимении, называемом относительным, или релятивом

Есть еще одно местоимение, называемое относительным (*relatif*): (лат.) *qui, quæ, quod*; (фр.) *qui, lequel, laquelle*.

Это местоимение имеет как черты, общие всем местоимениям, так и свои отличительные особенности.

С другими местоимениями его роднит то, что оно употребляется вместо имени. Оно более обобщенно (*généralement*), широко, нежели другие местоимения, используется вместо названий людей: *Moi, qui suis chrétien; vous qui êtes chrétien; lui qui est roi* букв. 'Я, который есть христианин; вы, который есть христианин; он, который есть король'.

То же, что свойственно только этому местоимению, может быть рассмотрено двумя способами:

1. Это местоимение связано (в речи. — *Н. Б.*) с другим именем или местоимением, которое называется предшествующим словом

(*antécédent*), например: *Dieu qui est saint* букв. 'Бог, который есть свят'. *Dieu* — предшествующее слово относительного местоимения *qui*. Иногда предшествующее слово не выражено, но подразумевается. Особенно это распространено в латинском языке, как мы уже писали в „*Nouvelle Méthode Latine*“.

2. Тем, что представляет собой собственное свойство относительного местоимения, и о чем, насколько мне известно, не писал еще никто, является следующее. Предложение, в которое входит относительное местоимение и которое можно назвать придаточным (*incidente*), может составлять часть субъекта или атрибута другого предложения, которое можно назвать главным (*principale*).

Сказанное не будет достаточно понятным, если мы не вспомним того, что говорилось в самом начале, а именно: у каждого предложения есть субъект, т. е. то, о чем нечто утверждается, и атрибут, т. е. то, что утверждается. Но эти два члена предложения могут быть либо простыми, как, например, в предложении: *Dieu est bon* букв. 'Бог есть добр', либо сложными, как во фразе: *un habile magistrat est un homme utile à la république* 'умелый администратор — человек, полезный республике'. Можно обратиться также к тому, что сказано в «Логике, или Искусстве мыслить» о сложных предложениях¹.

Подобное объединение нескольких слов в пределах субъекта и атрибута предложения является иногда таковым, что несколько не

¹ См.: *Logique, ou l'Art de penser*. P., 1662. Part 2, chap. 3, 4, 5, 6.

мешает предложению быть простым предложением, содержащим только одно суждение (jugement) или утверждение (affirmation), как например, когда я говорю: *la valeur d'Achille a été cause de la prise de Troie* 'доблесть Ахилла была причиной падения Трои'. Это происходит всегда в тех случаях, когда из двух существительных, входящих в субъект или атрибут предложения, одно управляет другим.

Но в других случаях эти виды предложений (у которых субъект или атрибут состоят из нескольких слов) заключают в себе, по крайней мере в логическом плане, несколько суждений. Таким образом, можно из этого предложения составить столько предложений, сколько содержится в нем суждений. Например, в случае, когда я говорю: *Dieu invisible a créé le monde visible* 'невидимый Бог создал видимый мир', в моем сознании проходят три суждения, заключенные в этом предложении. Ибо я утверждаю: 1) что *Бог невидим*; 2) что *он создал мир*; 3) что *мир видим*. Из этих трех предложений второе является основным и главным, в то время как первое и третье являются придаточными (incidentes), входящими в главное как его составные части; при этом первое предложение составляет часть субъекта, а последнее — часть атрибута этого предложения.

Итак, подобные придаточные предложения часто присутствуют лишь в нашем сознании, но не выражены словами, как в предложенном примере. Но часто мы выражаем эти предложения в речи. Для этого и используется относительное местоимение, как, напри-

мер, в случае, когда я свожу тот же самый пример к виду: *Dieu, qui est invisible, a créé le monde, qui est visible* 'Бог, который невидим, создал мир, который видим'. Это и есть то, что выше мы назвали собственным свойством относительного местоимения; оно может превращать предложение, в которое это местоимение входит, в часть субъекта или атрибута другого предложения.

Но необходимо отметить следующее:

1. В случае соединения в речи двух слов, из которых одно не управляется другим, но согласуется с ним либо при помощи приложения, например *urbs Roma* 'город Рим', либо как прилагательное, например *Deus sanctus* 'Бог святой (особенно если слово, выполняющее функцию прилагательного, является причастием, например *canis currens* 'бегущая собака'), все эти обороты речи по смыслу включают относительное местоимение. В силу этого подобный способ выражения можно заменить на конструкцию с относительным местоимением: *urbs qui dicitur Roma* 'город, который называется Рим'; *Deus qui est sanctus* 'Бог, который свят'; *canis qui currit* 'собака, которая бежит'. Использование одного или другого способа зависит от духа (*génie*) языка. Так, нетрудно убедиться, что в латыни обычно используется конструкция с причастием: *video canem currentem* 'вижу бегущую собаку'; во французском же — конструкция с относительным местоимением: *je vois un chien qui court* 'я вижу собаку, которая бежит'.

2. Уже говорилось, что предложение, содержащее относительное местоимение (*la pro-*

position du relatif), может составлять часть субъекта или атрибута другого предложения, которое можно назвать главным. Относительное предложение никогда не составляет ни субъекта, ни атрибута полностью. Необходимо присоединить к нему то слово главного предложения, которое в относительном замещается релятивом. Тогда мы получим соответственно субъект или атрибут предложения полностью. Например, когда я говорю: Dieu, qui est invisible, est le créateur du monde, qui est visible 'Бог, который невидим, есть творец мира, который видим,' qui est invisible является лишь частью субъекта названного предложения. Чтобы выделить субъект этого предложения в целом, необходимо добавить слово Dieu. Так же и qui est visible не есть полный атрибут предложения. Для того чтобы выделить в указанном предложении полный атрибут, необходимо добавить le créateur du monde.

3. Релятив может быть либо субъектом, либо же частью атрибута вводного предложения. Чтобы быть субъектом, релятив должен стоять в номинативе: qui creavit mundum 'который сотворил мир'; qui sanctus est 'который свят есть'.

Но когда релятив стоит в косвенном падеже (генитиве, дативе, аккузативе), он составляет лишь часть атрибута вводного предложения: Deus quem amo; Dieu qui j'aime 'Бог, которого я люблю'. Субъектом этого предложения является ego 'я'; атрибут же состоит из глагола, выполняющего роль связки (la liaison), и из релятива quem, как, например, в случаях, если бы фраза имела вид: ego amo quem или

ego sum amans quem 'я есть любящий которого'. То же самое и во фразах: (лат.) cujus caelum sedes, (фр.) duquel le ciel est le trône 'которого небо есть трон'. Они всегда эквивалентны фразам: (лат.) caelum est sedes cujus; (фр.) le ciel est le trône duquel 'небо есть трон которого'. Тем не менее в подобных случаях мы всегда ставим релятив в начале предложения (хотя в соответствии со смыслом он должен ставиться в конце). Исключения составляют те случаи, когда релятив управляется предлогом, ибо предлог, как правило, предшествует: Deus à quo mundus est conditus. Dieu par qui le monde a été créé 'Бог, которым мир был сотворен'¹.

ГЛАВА X

Анализ правила французского языка, заключающегося в том, что нельзя употреблять релятив после имени без артикля

Обратиться к анализу этого правила заставило следующее обстоятельство: объясняя это правило, можно попутно указать на целый ряд вещей, достаточно важных для рационального объяснения языковых явлений. Если бы все эти наблюдения пришлось излагать по отдельности, мое изложение неизбежно стало бы слишком пространном.

¹ Далее в переводе опускается не входившее в первые два издания продолжение IX главы: „Различные трудности Грамматик, которые могут быть объяснены в соответствии с изложенным принципом“. — *Прим. перев.*

Господин де Вожла был первым, кто изложил это правило среди многих других, весьма справедливых правил, коими богаты его замечания². Правило это заключается в том, что после имени без артикля нельзя ставить местоимение *qui*. Так, мы вполне можем сказать: *il a été traité avec violence* 'с ним обращались с жестокостью. Но если я хочу подчеркнуть, что эта жестокость (*cette violence*) была совсем бесчеловечной, я должен обязательно употребить это слово с артиклем: *il a été traité avec une violence qui a été tout-à-fait inhumaine* букв. 'с ним обращались с жестокостью, которая была вовсе бесчеловечной'.

На первый взгляд это правило в таком виде кажется достаточно убедительным, но во французском языке встречаются и такие обороты речи, которые ему противоречат. Например: *il agit en politique qui sait gouverner* 'тот преуспевает в политике, кто умеет управлять'; *il est coupable de crimes qui méritent châtement* 'он виновен в преступлениях, которые заслуживают кары'; *il n'y a homme qui sache cela* 'нет человека, который знал бы это'; *Seigneur, qui voyez ma misère, assistez-moi* 'Господь, ты, который видишь мою нищету, помоги мне'; *une sorte de bois qui est fort dur* 'сорт дерева, который является особо твердым'. Мне кажется, что можно рассмотреть это правило в терминах более общих. Это как раз и дает нам возможность убедиться в том, что подобные обороты речи, противоречащие на первый взгляд указанному правилу, фак-

² Имеется в виду сочинение Vaugelas Cl. *Remarques sur la langue française*. P., 1647. — Прим. перев.

тически нисколько ему не противоречат. Вот мое изложение этого правила.

В современном французском языке мы не должны употреблять местоимения *qui* после имени нарицательного, если оно не определено артиклем или же каким-либо другим способом, который определяет имя нарицательное так же, как артикль.

Для того чтобы хорошо понять сказанное, необходимо вспомнить, что мы можем различать в имени нарицательном две стороны: значение (*la signification*), являющееся постоянным (*fixe*) (т. к. только иногда оно может изменяться — это или двусмысленность, или метафора), и объем этого значения (*l'étendue de cette signification*), который может варьироваться в зависимости от того, как употребляется имя: либо во всем объеме, либо как его часть, определенная или неопределенная.

Только в отношении указанного объема мы можем утверждать, что имя нарицательное является неопределенным (*indéterminé*), в том случае, если ничто не указывает на то, как употреблено имя: в общем или частном смысле, или же когда оно употреблено в частном смысле, то в частном определенном или неопределенном (*un particulier certain ou incertain*). И наоборот, мы говорим, что имя является определенным (*déterminé*), когда есть нечто, указывающее на эту определенность. Это доказывает, что под определенным мы понимаем отнюдь не ограниченное (*restreint*) значение имени, ибо в соответствии с только что сказанным, имя нарицательное должно считать-

ся о п р е д е л е н н ы м и в том случае, если есть нечто, указывающее на употребление этого имени в полном объеме, как, например, в таком предложении: *tout homme est raisonnable* 'всякий человек разумен'.

На этом основано наше правило. В самом деле, можно правильно употреблять имя нарицательное, основываясь только на его значении (*signification*), как в приведенном выше примере: *il a été traité avec violence*. В этом случае нет необходимости определять имя. Но если мы хотим сказать об имени что-то специальное, что достигается за счет присоединения к этому имени предложения, начинающегося с местоимения *qui*, то в соответствии с законами разума в языках, где есть артикли, как раз и используют артикль для определения объема имени нарицательного, с тем чтобы лучше понять, относится ли местоимение *qui* ко всему объему значения имени нарицательного или только к его части, определенной или неопределенной (*certaine ou incertaine*).

Итак, мы убедились, что артикль в подобных случаях нужен лишь для того, чтобы определить имя нарицательное. Если же это имя определено каким-либо другим способом, мы можем присоединять к нему местоимение *qui* так же, как если бы имя имело при себе артикль. Именно это и доказывает необходимость объяснения указанного правила, как мы ранее делали, ибо тогда правило становится общим. Отсюда видно также, что почти все обороты речи, которые на первый взгляд кажутся противоречащими этому правилу, на самом деле вполне согласуются

с ним, ибо имя без артикля определено в них некоторым иным образом. Но когда я говорю „некоторым иным образом“, я отнюдь не подразумеваю под этим самого местоимения *qui*, присоединяемого к имени, ибо если бы мы включали сюда и местоимение *qui*, то никогда не грешили бы против указанного правила. Ведь мы всегда могли бы сказать, что не употребляем *qui* после имени без артикля, за исключением того оборота речи, который определен самим местоимением *qui*.

Таким образом, для того чтобы объяснить все исключения из этого правила, нужно только рассмотреть различные способы, при помощи которых можно определить имя без артикля.

1. Очевидно, что имена собственные, обозначающие вещи, единичные по природе, определены уже сами по себе. Поэтому я и говорю здесь только об именах нарицательных, не подвергая сомнению правильность следующих оборотов речи: *il imite Virgile, qui est le premier des poètes* букв. 'он подражает Вергилию, который есть первый из поэтов'; *toute ma confiance est en Jésus-Christ, qui m'a racheté* букв. 'все мое упование — на Иисуса Христа, который послан и мне в искупление'.

2. Вокативы также определены по своей природе; потому-то нам и в голову не приходит употреблять их с артиклем в случае присоединения к ним *qui*. Ведь именно опущение артикля и делает их вокативами, и позволяет отличать от номинативов. И таким образом, нисколько не будет противоречить указанному правилу, если мы скажем: *Ciel,*

qui connaissez mes maux 'Небо, ты, которое знаешь мои беды'; soleil, qui voyez toutes choses 'солнце, ты, которое видишь все на свете'.

3. *Ce, quelque, plusieurs* — имена, обозначающие количество предметов, как, например *deux, trois* и т. д., *tout, nul, aucun* и т. д., определяют имена так же, как артикли. Этот случай кажется нам слишком ясным, чтобы оставаться на нем подробнее.

4. В отрицательных предложениях те слова, на которые падает отрицание, определены в наиболее общем значении самим отрицанием. Ведь оно по своей сути отнимает у имени всякое положительное значение. По этой причине мы употребляем артикли в утвердительных предложениях: *il a de l'argent, du cœur, de la charité, de l'ambition* 'у него есть деньги, сердце, сострадание, честолюбие', но не употребляем в отрицательных: *il n'a point d'argent, de cœur, de charité, d'ambition* 'у него нет денег, сердца, сострадания, честолюбия'. Только что сказанное объясняет также, что следующие обороты речи не противоречат указанному правилу: *il n'y a point d'injustice qu'il ne commette* 'нет такой несправедливости, которая бы не совершилась'; *il n'y a homme qui sache cela* 'нет такого человека, который знал бы это'. Не будет также противоречить нашему правилу даже и такая фраза: *est-il ville dans le royaume qui soit plus obéissante?* 'есть ли в нашем королевстве город, который был бы более покорным?', ибо утверждение в сочетании с вопросом сводится в сумме к отрицанию: *il n'y a point de ville qui soit plus obéissante* 'нет города, который был бы более покорным'.

5. Одним из основных правил логики является следующее: в утвердительных предложениях субъект притягивает к себе атрибут, т. е. определяет его. Из этого следует, что являются ложными умозаключения типа: *l'homme est animal, le singe est animal, donc le singe est homme?* 'человек — животное, обезьяна — животное, отсюда обезьяна — человек?', ибо слово *animal* 'животное' служит атрибутом в двух первых предложениях, а два различных субъекта определяют одно и то же слово *animal* как две разновидности животного. Поэтому несколько не вступает в противоречие с нашим правилом и такая фраза: *je suis homme qui parle franchement* 'я — человек, который говорит откровенно', ибо слово *homme* определено словом *je*. Это столь же очевидно, как и то, что глагол, который следует за *qui*, более уместен в первом лице, нежели в третьем: *je suis homme qui ai bien vu des choses* 'я — человек, который повидал множество вещей' правильнее, нежели *qui a bien vu des choses*.

6. Слова *sorte, espèce, genre* и подобные им определяют те слова, что следуют за ними, и вследствие этого совсем не должны иметь при себе артикли: *une sorte de fruit*, но не *d'un fruit*. В связи с этим вполне допустимы фразы: *une sorte de fruit qui est mûr en hiver* 'сорт фруктов, которые созревают зимой'; *une espèce de bois qui est fort dur* 'вид древесины, который является особо твердым'.

7. Частица *en* в значении латинского *in* (*vivit ut rex, il vit en roi* 'он живет как король') включает фактически в себя артикль, ибо *en roi* значит то же, что и *comme un roi*

‘как король’, en la manière d’un roi ‘так же, как король’. Вот почему вполне согласуются с нашим правилом следующие обороты: il agit en roi qui sait régner ‘он действует как король, который умеет царствовать’, il parle en homme qui sait faire ses affaires ‘он говорит как человек, который умеет делать дела’, то есть comme un roi, comme un homme и т. д.

8. Как мы уже писали в главе об артикле, *de* непосредственно перед словом, стоящим во множественном числе, часто употребляется вместо *des* — множественное число от артикля *un*. В связи с этим следующие обороты речи нисколько не противоречат нашему правилу и являются образцами хорошего французского языка: il est accablé de maux qui lui font perdre patience ‘он удручен бедами, которые заставили его утратить терпение’; il est chargé de dettes qui vont au-delà de son bien ‘он обременен долгами, которые превышают его состояние’.

9. Обороты речи, подобные следующим: c’est grêle qui tombe *букв.* ‘это град, который падает’; ce sont gens habiles qui m’ont dit cela *букв.* ‘это бывалые люди, которые сказали мне это’, независимо от того, являются они оборотами хорошего или дурного языка, нисколько не противоречат правилам. Объясняется это тем, что *qui* в данном случае относится совсем не к имени без артикля, но к слову *ce* относящемуся к любому роду и к любому числу. Ибо имя без артикля (*grêle, gens habiles*) является здесь тем, что мы утверждаем, т. е. атрибутом, а *qui* составляет часть субъекта, т. е. того, о чем мы утверж-

даем. Так, я утверждаю в отношении того, что падает (*de ce qui tombe*), что это именно град (*que c’est de la grêle*), а о тех, кто мне сказал это (*de ceux qui m’ont dit cela*), я утверждаю, что это бывалые люди (*ce sont des gens habiles*). Таким образом, здесь *qui* отнюдь не относится к имени без артикля, в связи с чем рассмотренный случай не подходит под это правило.

Если и встречаются во французском такие обороты речи, которые противоречат нашему правилу и не могут быть в то же время объяснены, исходя из изложенных принципов, то думается, что обороты эти являются не чем иным, как остаточными явлениями старого стиля, где было принято почти всегда опускать артикли.

Итак, заметим, что для тех, кто работает над описанием живого языка, должна стать правилом следующая максима: обороты речи, принятые в общем обиходе, следует оценивать как хорошую речь, даже если они противоречат правилам и принципу аналогии. Но при этом не следует приводить их для доказательства опровержения правил и нарушения аналогии. В противном случае в описании языка неизбежно будут рекомендованы к употреблению такие образцы речи, которые обиходом не допускаются. И действительно, если описывающий язык сосредоточит внимание лишь на причудах и капризах обихода, не учитывая нашей максимы, то язык может навсегда остаться неупорядоченным (*incertaine*) и, не имея твердых начал, никогда не сможет установиться.

ГЛАВА XI

О предлогах

Мы уже писали в главе VI, что надежи и предлоги были придуманы людьми для одной и той же цели: для обозначения связей вещей друг с другом.

Отношения, обозначаемые предлогами, почти во всех языках одинаковы. Поэтому я ограничусь описанием главных из них, что обозначаются французскими предлогами, отнюдь не пытаясь дать их исчерпывающего перечня, что было бы необходимо при создании частной грамматики (*Grammaire particulière*).

Мне кажется, что основные из этих отношений можно свести к следующим

Места, положения; порядка:	<i>chez</i> <i>dans</i> <i>en</i> <i>à</i> <i>hors</i> <i>sur ou sur</i> <i>sous</i> <i>devant</i> <i>après</i>	<i>Il est chez le roi.</i> <i>Il est dans Paris.</i> <i>Il est en Italie.</i> <i>Il est à Rome.</i> <i>Cette maison est hors de la ville.</i> <i>Il est sur la mer.</i> <i>Tout ce qui est sous le ciel.</i> <i>Un tel marchait devant le roi.</i> <i>Un tel marchait après le roi.</i>	
			<i>avant</i> <i>pendant</i> <i>depuis</i>
Предела	к которому стремился, который мы поощаем,	<i>en</i> <i>à</i> <i>vers</i> <i>envers</i>	<i>Il va en Italie;</i> <i>à Rome.</i> <i>L'aimant se tourne vers le nord.</i> <i>Son amour envers Dieu.</i>
			<i>de</i>
Причины	действующей, материальной причиной	<i>par</i> <i>de</i> <i>pour</i>	<i>Maison bâtie par un architecte.</i> <i>de pierre ou de brique.</i> <i>pour y loger.</i>
			<i>avec</i> <i>sans</i>
Другие виды отношений	объединения, отделения, исключения, противопоставления, отсечения, переименования, замены соответствия.	<i>contre</i>	<i>Compagnie de cent soldats,</i> <i>contre les officiers.</i> <i>Soldats révoltés contre leurs officiers.</i>
		<i>de</i> <i>pour</i>	<i>Soldats renvoyés du régiment.</i> <i>Restés un prisonnier pour un autre.</i>
		<i>selon</i>	<i>Selon la raison.</i>

Необходимо сделать несколько замечаний об употреблении предлогов в языках вообще и во французском языке в частности.

Первое состоит в том, что ни один язык в отношении предлогов не следует велению разума, заключающемуся в том, что одно отношение (*rapport*) должно было бы обозначаться одним предлогом и что один и тот же предлог должен был бы обозначать только одно отношение. Ибо во всех языках встречается обратное, в чем мы уже убедились, разбирая примеры из французского языка, а именно одно и то же отношение выражается несколькими предлогами, как, например, *dans*, *en*, *à*, и наоборот, один и тот же предлог, как, например, *en*, *à*, обозначает различные отношения. Именно это вызывает часто неясности в древнееврейском и в греческом языке Писания, который полон гебраизмами.

Это происходит от того, что древнееврейский был весьма беден предлогами, которые из-за этого имели различные употребления. Так, предлог *ו*, часто именуемый аффиксом, ибо он присоединяется непосредственно к словам, употребляется во многих смыслах. Создатели Нового завета передавали его при помощи предлогов *ἐν*, *ἐν*, придавая последним также весьма разные значения. Особенно хорошо это видно у св. апостола Павла, где предлог *ἐν* употребляется иногда вместо предлога *par*: *nemo potest dicere, Dominus Jesus, nisi in spiritu sancto* 'никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым' (I Кор., 12, 3); иногда вместо предлога *selon*: *cui vult, nubatur tantum in Domino*;

иногда вместо предлога *avec*: *omnia vestra in charitate fiant*, а иногда и в других смыслах.

Второе замечание заключается в том, что *de* и *à* являются не только показателями генитива или датива, но и предлогами, служащими для выражения также и других отношений. Так, когда говорят: *il est sorti de la ville* 'он вышел из города' или *il est allé à sa maison des champs* 'он поехал в свой загородный дом', *de* обозначает не генитив, но заменяет предлоги *ab* или *ex*: *egressus est ex urbe*; а *à* обозначает не датив, но предлог *in*: *abiit in villam suam* 'он удалился на свою виллу'.

Третье замечание состоит в том, что необходимо хорошо отличать пять предлогов *dans*, *hors*, *sus*, *sous*, *avant* от следующих пяти слов, которые имеют то же значение, но отнюдь не являются предлогами, по крайней мере в большинстве случаев. Это — *dedans*, *dehors*, *dessus*, *dessous*, *auparavant*.

Последнее из этих слов — наречие, которое употребляется в речи самостоятельно, а не перед именами. Так, можно сказать: *il était venu auparavant* 'он пришел раньше', но не следует говорить: *il était venu auparavant dîner* 'он пришел раньше обеда'. Следует сказать *avant dîner* или же *avant que de dîner* 'перед обедом'. В отношении же четырех остальных слов — *dedans*, *dehors*, *dessus*, *dessous* — я склонен утверждать, что они представляют собой не что иное, как имена. Это следует из того, что почти всегда они употребляются с артиклем: *le dedans*, *le dehors*; *au dedans*, *au dehors* и управляют именем в генитиве, которое выступает в качестве дополнения (*le*

régime) имен существительных: *au dedans de la maison* 'внутри дома', *au-dessus du toit* 'над крышей'.

Тем не менее есть одно исключение из этого правила, справедливо подмеченное господином де Вожла. Названные слова вновь становятся предлогами, когда мы ставим вместе два из них, противоположных по значению, а имя присоединяем к ним потом, как, например: *la peste est dedans et dehors la ville* 'чума [свирепствует] в городе и за его пределами'; *il y a des animaux dessus et dessous la terre* 'есть животные на земле и под землей'.

Четвертое замечание относится к следующим четырем частицам (*particules*): *en*, *y*, *dont*, *ou*. Они означают *de* или *à* во всем объеме значения этих последних и сверх того — значение местоимений *lui* или *qui*, ибо *en* означает *de lui*, *y* — *à lui*, *dont* — *de qui*, *ou* — *à qui*. Основное употребление этих частиц подчиняется двум правилам, о которых мы уже писали в главе о местоимениях, а именно: *lui* и *qui* в генитиве, дативе, аблативе употребляются лишь в отношении людей. Поэтому, когда мы говорим о предметах, мы употребляем *en* вместо генитива *de lui* или местоимения *son*; *y* вместо датива *à lui*; *dont* вместо генитива *de qui* или *duquel* (последняя форма генитива является допустимой, но обычно звучит слишком длинно и вяло); *ou* заменяет собой датив *à qui* или *auquel* (см. главу о местоимениях).

ГЛАВА XII

О наречиях

Желание людей сократить речь привело к созданию наречий (*adverbes*), ибо большинство этих частиц призвано обозначать в одном слове то, что можно выразить лишь именем в сочетании с предлогом. Например, *sapienter, sagement* 'разумно' вместо *cum sapientia, avec sagesse* 'с разумом, с благоразумием'; *hodie* вместо *in hoc die, aujourd'hui* 'сегодня'.

Поэтому в новых языках большая часть подобных наречий выражается, как правило, при помощи имени с предлогом, что является для этих языков более изящным способом выражения. Так, мы скажем скорее *avec sagesse, avec prudence, avec orgueil, avec modération*, нежели *sagement* 'мудро, разумно', *prudemment* 'осторожно', *orgueilleusement* 'гордо, надменно', *modérément* 'умеренно'. В латинском же языке, напротив, более изящным обычно считается использование наречий.

Это объясняет, почему за наречие часто принимают то, что в действительности является именем. Например: в латыни *instar* 'вроде, наподобие', *primum* или *primo* 'во-первых, сначала', *partim* 'отчасти' и т. д. (см. „Nouvelle Méthode Latine“). Во французском *dessus, dessous, dedans* — все это подлинные имена, как мы уже показали в предыдущей главе.

Но поскольку эти частицы обычно присоединяются к глаголу, определяя и модифицируя действие, выражаемое этим глаголом, как, например, *generose pugnavit* 'он храбро

сражался', они были названы наречиями (*adverbes*), то есть приглагольными, или наречными, словами.

ГЛАВА XIII

О глаголах и об их неотъемлемых свойствах

До сих пор мы рассматривали слова, обозначающие предметы мыслей. Теперь же обратимся к тем, которые обозначают способ мысли (*la manière des pensées*), каковыми являются глаголы, союзы и междометия.

Понимание природы глагола опирается на положение, о котором уже говорилось в начале нашего сочинения, а именно что суждение о предметах, производимое нами, допустим, в том случае, когда говорим: *la terre est ronde* 'земля круглая' содержит непременно два члена (*termes*): один, называемый субъектом и являющийся тем, о чем утверждается нечто, как, например, *земля*, и другой, называемый атрибутом и являющийся тем, что мы утверждаем, как, например, *круглая*. Кроме того, между двумя членами имеется связь (*liaison*), являющаяся собственно действием нашего рассудка и утверждающая атрибут за субъектом.

В соответствии с этим люди ощущали не меньшую нужду в изобретении слов, которые обозначали бы утверждение, являющееся основным способом мысли, нежели в изобретении слов, обозначающих объекты нашей мысли.

Глагол, собственно говоря, и является не

чем иным, как словом, основное значение которого состоит в обозначении утверждения. Таким образом, глагол призван указывать на то, что речь, где используется это слово, является речью человека, который не только создает понятия о вещах, но и судит о них, утверждает о них нечто. Именно здесь лежит отличие глагола от некоторых имен, которые также означают утверждение, как, например, *affirmans* 'утверждающий', *affirmatio* 'утверждение'. Это отличие заключается в следующем: существительные, даже если они и обозначают утверждение, рефлексию рассудка, становятся предметом нашей мысли. Таким образом, подобные слова отнюдь не обозначают, что тот, кто употребляет их, утверждает нечто, но лишь то, что этот человек создает себе понятие о некотором утверждении.

Я уже говорил о том, что основным употреблением глагола является обозначение утверждения, но, как мы покажем ниже, он используется и для обозначения других движений нашей души, как-то: *желать*, *просить*, *приказывать* и др. Но последние выражаются лишь посредством изменения флексии и склонения. В связи с этим мы ограничимся в данной главе рассмотрением глагола лишь в его основном значении, которое присуще глаголу в индикативе. О других же значениях мы еще будем говорить далее.

В полном соответствии со сказанным можно утверждать, что глагол сам по себе должен был бы употребляться лишь для обозначения связи, при помощи которой мы соединяем в нашем сознании два члена пред-

ложения. Но только один глагол — *être* 'быть', называемый субстантивным (*substantif*), и сохранил эту элементарность значения. Более того, можно сказать, что он сохранил ее только в третьем лице единственного числа (*est*), а также в некоторых других случаях. Ведь люди всегда стремятся сократить длину фраз и оборотов речи, и потому к значению утверждения они почти всегда прибавляли другие значения, делая это в пределах одного и того же слова.

1. Так, они прибавляли к значению утверждения значение определения (*attribut*), с тем чтобы всего два слова могли составить целое предложение, как, например, *Petrus vivit* 'Петр живет'. Ведь слово *vivit* включает и утверждение, и определение, значение которого состоит в указании на то, что существо живо. Таким образом, две фразы: *Pierre vit* 'Петр живет' и *Pierre est vivant* 'Петр есть живущий (живой)' имеют один и тот же смысл. Теперь мы можем понять причину столь богатого разнообразия глаголов в языках. И наоборот, если представить себе, что мы оставили бы глаголу только одно его основное значение — значение утверждения, не присоединяя к нему никакого атрибута, то у нас не было бы необходимости в каких-либо иных глаголах, кроме одного, а именно глагола, называемого субстантивным, — *être*.

2. К глаголу в ряде случаев присоединяется и субъект предложения, так что не только два слова, но даже иногда и одно могут составлять целое предложение. Так, когда я, например, говорю: *sum homo*, то эти два слова

составляют предложение, ибо *sum* обозначает не только утверждение, но и включает в себя значение местоимения *ego* 'я', являющегося субъектом этого предложения, которое по-французски всегда звучит: *je suis homme* 'я — человек'. Но и в том случае, когда я произношу одно слово, как, например, *vivo* 'живу' или *sedeo* 'сажу', я могу считать каждое из них предложением. Это можно объяснить тем, что подобные глаголы включают значения утверждения и определения, как уже отмечалось нами, а будучи глаголами первого лица, включают в себя еще и значение субъекта: *je suis vivans* букв. 'я есть живущий', *je suis assis* 'я есть сидящий'. Отсюда проистекает свойство всех глаголов — способность к различению лиц.

3. К значению утверждения присоединяется в глаголе еще и значение, выражающее отношение ко времени, относительно которого нечто утверждается. Отсюда единственное слово, например *cenasti* 'ты поужинал', может обозначать утверждение действия принятия пищи, а именно ужина, по отношению к тому, к кому я обращаюсь с речью, но не в настоящий момент, а в прошлом. Отсюда и проистекает различие по временам, которое также свойственно всем глаголам.

Разнообразие этих значений, объединенных в одном слове, и явилось как раз причиной того, что многие весьма искусные авторы не смогли постичь природы глагола. Вместо совокупного рассмотрения его неотъемлемой черты — способности к утверждению — с прочими переходящими свойст-

вами глагола они обращали преимущественное внимание на эти последние.

Так, Аристотель, остановив свое внимание на третьем из значений, сопутствующих основному значению глагола, определил глагол так: *vox significans cum tempore* 'звук... значащий с [признаком] времени'¹.

Другие грамматисты, как, например, Буксторф (*Buxtorf*)*, обращались не только к третьему, но и ко второму дополнительному значению глагола, определяя последний как *vox flexilis cum tempore et persona* 'слово, изменяющееся по временам и лицам'².

Третьи³, обратив преимущественное внимание на первое из этих дополнительных значений, т. е. на атрибутивное значение, предполагали, что определения, которые люди соединяют с утверждением в пределах одного слова, являются отражением действий (*actions*) или претерпеваний (*passions*). Поэтому они и решили, что сущность глагола состоит в обозначении действий и претерпеваний.

И наконец, Юлий Цезарь Скалигер полагал, что открыл великую тайну различия между именами и глаголами. Он писал в своей книге „Основы латинского языка“, что главное различие между вещами состоит „in

¹ Цит. по рус. переводу: Аристотель. Поэтика. (пер. М. Л. Гаспарова), Соч., т. 4. М.: Мысль, 1984, с. 668. — *Прим. перев.*

² Такое понимание природы глагола было свойственно системе „Александрийской грамматики“. — См.: Античные теории языка и стиля. М. — Л.: Соцгиз, 1936, с. 124 и сл. — *Прим. перев.*

³ Такие, например, грамматисты как Присциан. — *Прим. перев.*

permanentes et fluentes", т. е. в том, что одно постоянно, а другое преходяще, и что это послужило источником различия имен и глаголов, ибо имена призваны обозначать то, что существует постоянно, а глаголы — то, что преходяще.*

Не составляет, однако, большого труда убедиться в том, что все эти определения ложны и несколько не раскрывают истинной природы глагола.

В отношении двух первых определений¹ это достаточно ясно, ибо в них ничего не сказано о том, что глагол означает, но лишь о том, с помощью каких средств глагол означает нечто (*cum tempore, cum persona*).

Два последних определения еще менее могут удовлетворять нашим требованиям, ибо они содержат два наиболее существенных недостатка определения как такового, а именно: определение не охватывает в целом того, что нужно определить, и наоборот, охватывает не только то, что нужно определить: *neque omni, neque soli*.

Ведь есть глаголы, которые не обозначают ни действий, ни претерпеваний, ни того, что преходяще, как, например, *existit* 'возникает', *quiescit* 'утихает', *friget* 'охлаждается, холодает', *alget* 'зябнет', *teret* 'охладевает', *calet* 'согревается', *albet* 'белеет, бледнеет', *viret* 'зеленеет', *claret* 'светлеет' и другие, о которых мы еще поговорим позже.

И напротив, есть слова, которые, не будучи глаголами, обозначают действия или претерпевания, а также то, что проходит (в соот-

ветствии с определением Скалигера). Ведь очевидно, что причастия являются подлинными именами, но тем не менее причастия от глаголов в действительном залоге обозначают действия, а причастия от глаголов в страдательном залоге — претерпевания, так же как и сами глаголы, от которых они образованы. Нет никаких оснований сомневаться в том, что *fluens* 'текущий', будучи причастием, обозначает то, что проходит, так же как и глагол *fluit*.

Против двух первых определений глагола можно добавить следующее: причастия также содержат указание на время, ибо есть причастия настоящего, прошедшего и будущего времени, особенно в греческом языке. А те, кто полагает, и не без оснований, что вокатив является не чем иным, как вторым лицом, особенно в случае, если окончание его отличается от окончания номинатива, найдут, что с этих позиций глагол и причастие — одно и то же.

Таким образом, единственным основанием для различия причастия и глагола остается то, что причастие не обозначает у т в е р ж д е н и я, откуда вытекает и то, что причастие не может составлять целого предложения (в то время как у глагола это его существенное свойство). Причастие может стать предложением лишь при условии, что мы приведем в него значение, утраченное в процессе образования причастия из глагола, — значение утверждения. Вот почему из двух оборотов речи — *Petrus vivit* 'Петр живет' и *Petrus vivens* 'Петр живущий' — первый является предложением, а второй не будет таковым

¹ Определений Аристотеля в Буксторфа. — *Прим. перев.*

до тех пор, пока мы не добавим к нему глагол *est*: *Petrus est vivens* букв. 'Петр есть живущий'. Это можно объяснить тем, что значение утверждения, содержащееся в глаголе *vivit*, было утрачено в процессе образования из этого глагола причастия *vivens*. Отсюда следует, что присутствие или отсутствие у слова значения утверждения служит главным признаком при определении глагольной принадлежности слова.

Здесь уместно также заметить, что инфинитив (*l'infinifif*), очень часто являющийся именем, как в тех случаях, когда мы говорим *le boire* 'питье', *le manger* 'еда', отличается от причастия тем, что причастия — это имена адъективные (прилагательные), а инфинитив всегда субстантив (имя существительное), образованный посредством абстракции от этого адъектива (прилагательного), так же как из *candidus* образуется *candor*, а из *belogo* — *белизна*. Таким образом, *rubet* (глагол) означает *est rouge*, включая в себя и значение утверждения, и значение определения; *rubens* (причастие) обозначает просто 'красный' (*rouge*), не включая значения утверждения, а *rubere* в функции имени обозначает 'красноту'.

Теперь нам стало ясно, что единственным истинным определением глагола является следующее: *vox significans affirmationem* 'слово, обозначающее утверждение', ибо это определение включает то значение, которое свойственно только глаголу. И действительно, мы не найдем в языке такого слова, которое обозначало бы утверждение и не было бы глаголом, и мы не найдем глагола, который бы

не обозначал утверждения, по крайней мере в индикативе. И несомненно, если бы существовало слово, каким могло бы быть, например, *est*, обозначающее всегда только утверждение и не изменяющееся ни по лицам, ни по числам, так чтобы последние выражались только именами и местоимениями (для обозначения лиц) и наречиями (для обозначения времен), это слово все равно оставалось бы глаголом. На самом деле, такое слово встречается нам в предложениях, которые философы называют вечными истинами, как-то: *Dieu est infini* 'Бог бесконечен'; *tout corps est divisible* 'всякое тело делимо'; *le tout est plus grand que sa partie* 'целое больше своей части'. Этим словом является глагол *est*, обозначающий лишь простое утверждение, без какого-либо указания на время, ибо сказанное истинно по отношению ко всем временам, и без указания на лицо, ибо в нашем сознании отсутствует соотношенность этого глагола с каким-либо лицом.

Итак, глагол, рассматриваемый с точки зрения наиболее существенного его свойства, является словом, обозначающим утверждение. Но если мы захотим присоединить к этому определению еще и указание на основные акциденции глагола, мы сможем определить его следующим образом: *vox significans affirmationem, cum designatione personae, numeri et temporis* 'слово, обозначающее утверждение, с указанием на лицо, число и время'. Это определение полностью подходит лишь для глагола-субстантива¹.

¹ Т. е. глагола *être*. — Прим. перев.

Рассматривая другие глаголы, мы должны помнить о том, что они соединяют в себе утверждения с различными определениями (*attributs*). Поэтому им можно дать следующую дефиницию: *vox significans affirmationem alicujus attributi, cum designatione personae, numeri et temporis* 'слово, обозначающее утверждение некоторого определения с указанием на лицо, число и время'.

Кстати, заметим, что утверждение, как мы его себе представляем, может также являться определением к глаголу. Например, о глаголе *affirmo* можно сказать, что он обозначает два утверждения, одно из которых относится к лицу говорящему, а другое — к лицу, о котором говорится, независимо от того, говорится ли о себе самом или же о ком-либо другом. Так, когда я говорю: *Petrus affirmat* 'Петр утверждает', *affirmat* значит то же самое, что и *est affirmans*. Тогда *est* обозначает то, что я утверждаю в отношении Петра, т. е. мое утверждение, а *affirmans* — утверждение, которое я представляю себе и которое отношу к Петру.

На том же основании можно считать, что глагол *nego* 'отрицать', наоборот, содержит одновременно утверждение и отрицание.

Ибо необходимо отметить, что, хотя далеко не все наши суждения (*jugements*) являются утвердительными, есть и отрицательные, глаголы в них тем не менее сами по себе означают только утверждения. Отрицания же выражаются лишь частицами *non, ne* или же именами, включающими в себя эти частицы: *nullus, nemo* 'никто' (*nulle personne*), которые, будучи присоединены к глаголу, меняют ут-

верждение на отрицание: *nul homme n'est immortel* 'ни один человек не является бессмертным', *nullum corpus est indivisible* 'ни одно тело не является неделимым'.

Таким образом, после того как объяснено существо глагола и кратко описаны его основные акциденции, необходимо, как нам представляется, остановиться на рассмотрении этих акциденций более подробно. Начать же следует с тех акциденций, что являются общими для всех глаголов, а именно с описания разнообразия лиц, чисел и времен в глаголах.

ГЛАВА XIV

О разнообразии лиц и чисел в глаголах

Мы уже говорили о том, что разнообразие лиц и чисел в глаголах происходит от того, что люди, желая сократить свою речь, стали присоединять в пределах одного слова к утверждению, являющемуся основным свойством глагола, субъект предложения (по крайней мере в ряде случаев). Так, когда человек говорит о себе самом, субъектом предложения является местоимение первого лица: *ego, moi, je* 'я'; когда же он говорит о том, кому адресована его речь, субъектом предложения является местоимение второго лица *tu, toi* 'ты', *vous* 'вы'.

Но для того, чтобы избавить себя от необходимости постоянно употреблять в речи эти местоимения, решили, что вполне достаточно приписать слову, обозначающему утверждение, некоторое окончание, которое обозначало бы, скажем, что мы говорим о себе. Такое

употребление глагола было названо первым лицом глагола: *video, je vois* '(я) вижу'.

То же самое было сделано и в отношении того, кому адресована речь, и такое употребление было названо вторым лицом: *vides, tu vois* '(ты) видишь'. Но эти местоимения имеют множественное число, как, например, в тех случаях, когда говорится о себе самом вместе с другими: *pos, nous* 'мы' или же о том, кому адресована речь, если мы рассматриваем этого адресата как группу людей: *vos, vous* 'вы'. В соответствии с этим придали два различных окончания так же множественному числу глаголов первого и второго лица: *videmus, nous voyons* '(мы) видим'; *videtis, vous voyez* '(вы) видите'.

Но поскольку субъектом предложения часто бывает не сам говорящий, не тот, кому адресована речь, появилась необходимость, оставив названные два вида окончаний за этими двумя лицами, ввести третье окончание, которое соединялось бы со всеми прочими видами подлежащих, что и было названо третьим лицом соответственно единственного или множественного числа. Правда, слово „лицо“ подходит лишь в отношении существ разумных и мыслящих, и поэтому с полным правом его можно использовать лишь для двух первых лиц, ибо третье лицо глагола обозначает не только людей, но и все виды предметов.

Отсюда следует, что то, что мы называем третьим лицом глагола, фактически является основой глагола (*le thème du verbe*), как это можно наблюдать во всех восточных языках *. Поскольку более естественно, чтобы глагол

выражал в первую очередь утверждение, не обозначая специально какого-либо подлежащего, и лишь затем при помощи изменения флексии определялся бы как содержащий в качестве подлежащего первое или второе лицо.

Это разнообразие окончаний, обозначающих два первых лица глагола, показывает, почему в древних языках местоимения первого и второго лица весьма разумно присоединялись к глаголам лишь в редких случаях, вызванных рядом особых соображений, обычно же ограничивались формами: *video, vides, videmus, videtis*. Ибо эти окончания и были первоначально придуманы для того, чтобы избавить себя от необходимости присоединять к глаголу местоимения первого и второго лица. Тем не менее новые языки, а в особенности французский, постоянно присоединяют к глаголам эти местоимения: *je vois, tu vois, nous voyons, vous voyez*. Возможно, это происходит от того, что довольно часто разные лица глагола не различаются по окончаниям. Например, все глаголы на *er*, как *aimer*, имеют одинаковые окончания в первом и третьем лице единственного числа: *j'aime* „я люблю“, *il aime* 'он любит'; другие глаголы — в первом и втором лице: *je lis* 'я читаю', *tu lis* 'ты читаешь'. А в итальянском языке довольно часто имеют одинаковые окончания все три лица единственного числа. Более того, глаголы в первом, втором и третьем лице единственного числа, употребляемые без местоимений, часто принимают значение императива, например: *vois* 'смотри', *aime* 'люби', *lis* 'читай' и т. д.

В греческом, помимо двух чисел, единственного и множественного, которые присущи глаголам, так же как и именам, было еще и двойственное, употреблявшееся в отношении парных предметов, хотя использовавшееся довольно редко.

В восточных языках можно заметить стремление к тому, чтобы различать, относится ли утверждение к мужскому или женскому полу. Поэтому там чаще всего одному лицу глагола придаются два различных окончания, служащие для разделения родов, что часто способствует устранению двусмысленностей.

ГЛАВА XV

О различных временах глагола

Другим значением, которое, как мы уже говорили, может присоединяться к значению утверждения в глаголе, является значение времени. Ведь, как легко понять, утверждение может быть сделано по отношению к разным временам, ибо мы можем утверждать, что некий предмет есть, был или будет. Отсюда и произошло разнообразие глагольных флексий, обозначающих эти различные времена.

Существует три простых времени глагола: настоящее, например: amo, j'aime 'люблю'; прошедшее, например: amavi, j'ai aimé 'я любил', и будущее, например: amabo, j'aimerai 'я буду любить'.

Но ведь прошедшим мы можем обозначить и то, что произошло только что, и то, что произошло как угодно давно. Поэтому в боль-

шинстве новых языков встречается два вида претеритов: первый — обозначающий, что нечто произошло только что, и именуемый в соответствии с этим определенным (défini), например: j'ai écrit, j'ai dit, j'ai fait, j'ai diné, и другой — обозначающий, что нечто произошло в неопределенном прошлом, и называемый соответственно неопределенным (indéfini), или аористом (aoriste), например: j'écrivis, je fis, j'allai, je dinaï и т. д. Аорист употребляется применительно ко времени, которое удалено по крайней мере на один день от момента речи. Так, например, можно сказать: j'écrivis 'я писал' hier 'вчера', но нельзя — j'écrivis ce matin 'нынешним утром' или j'écrivis cette nuit 'нынешней ночью'. Вместо этого необходимо сказать: j'ai écrit 'написал' ce matin, j'ai écrit cette nuit и т. п. Французский язык столь чуток к точности таких оборотов, что не терпит здесь никаких исключений, между тем как испанцы и итальянцы часто путают два вида прошедшего времени, употребляя одно вместо другого.

В будущем времени могут наблюдаться такие же различия. Так, мы можем обозначить нечто, что должно произойти скоро. Для этой цели греки, например, имели так называемый paulopost futur — μετ' ὀλίγον μέλλον 'ближайшее будущее', обозначающее, что нечто должно вот-вот произойти и что мы должны рассматривать это деяние почти так же, как свершенное, например: λελοίησομαι, je m'en vas fais* 'собираюсь это сейчас сделать', т. е. 'считайте это сделанным'. Но можно обозначить и деяние, свершение которого относится просто к будущему: ποιήσω, je ferai 'я сделаю';

amabo, j'aimerai 'я полюблю, или буду любить'.

Вот, собственно, и все, что можно сказать о временах, если подходить к ним с позиций их природы, предполагающей деление на настоящее, прошедшее и будущее.

Но поскольку мы стремимся в одном слове обозначить не только времена, но и связь между ними, вводятся еще дополнительные флексии глаголов, которые образуют времена глагола, называемые временами сложными по значению (*temps composés dans le sens*). Таких времен тоже три.

Первое обозначает прошедшее в его отношении к настоящему и называется прошедшим несовершенным (*prétérit imparfait*), ибо оно не просто обозначает свершившееся деяние, но обозначает его как настоящее по отношению к другому, свершившемуся деянию. Так, когда я говорю: *cum intravit coenabam, je soupais lorsqu'il est entré* 'я ужинал, когда он вошел', время ужина является прошедшим по отношению к времени произнесения фразы, но мы обозначаем его как настоящее по отношению к деянию, о котором я говорю, а именно по отношению к приходу такого-то.

Второе сложное время обозначает вдвойне прошедшее (*marque doublement le passé*) и по этой причине называется *давнoпрошедшим* (*plus-que-parfait*), например: *coenaveram, j'avais soupé*. Когда я употребляю эту форму, я подразумеваю не только то, что я поужинал, т. е. то, что действие само по себе свершилось, но и то, что оно уже свершилось

до того, как (опять же в прошлом) произошло нечто другое. Например, когда я говорю: *j'avais soupé lorsqu'il est entré*, я выражаю тем самым следующее: мой ужин предшествовал его приходу, который, однако, тоже состоялся в прошлом ('я уже поужинал, когда он вошел').

Третье сложное время обозначает будущее в его отношении к прошедшему, а именно — будущее совершенное (*le futur parfait*), как, например, *coenavero, j'aurai soupé*. Когда я употребляю эту форму, то обозначаю не только то, что буду ужинать, но и то, что это действие будет уже прошедшим к моменту, когда будет свершаться другое, следующее за ним, например: *quand j'aurai soupé, il entrera* 'когда я поужинаю, он войдет'. Тем самым я выражаю следующее: мой ужин, который еще не завершился, уже завершится к тому моменту, когда он войдет, т. е. когда его приход, являющийся делом будущего, станет настоящим.

Можно было бы также прибавить к трем описанным сложным временам четвертое, а именно обозначающее связь будущего с настоящим, что дало бы нам столько же сложных будущих времен, сколько существует прошедших. Вероятно, второе будущее (*le deuxième futur*) у греков первоначально имело это значение, откуда и происходит то, что оно сохраняет почти всегда фигуральное обозначение настоящего. Тем не менее в обыходе это второе будущее уже нельзя отличить от первого. То же и в латыни, где в этом значении используется простое будущее: *cum coenabo intrabis, vous entrez quand je soupe-*

gai 'вы войдете, когда я буду ужинать'. Это означает, что мой ужин состоится в будущем, но это будущее является настоящим относительно вашего прихода.

Отсюда происходит и многообразие глагольных флексий, призванных обозначать различные времена глагола. Заметим, что восточные языки имеют лишь прошедшее и будущее времена, не имея прочих различий, встречающихся в глагольных временах других языков, а именно: прошедшего несовершенного, давнопрошедшего и т. п. Из-за этого в упомянутых языках встречаются многочисленные неясности, чего мы не наблюдаем в других языках.

ГЛАВА XVI

О различных модусах, или наклонениях глаголов

Мы уже говорили о том, что глаголы относятся к тем словам, которые обозначают способ [, или модус] и форму нашей мысли. Основным значением глагола является утверждение. Было также отмечено, что в соответствии с тем, к каким лицам и к каким временам относится утверждение, мы присоединяем к глаголам различные окончания. Но люди нашли, что удобно придумать еще и другие окончания для того, чтобы более отчетливо выражать то, что происходило в их сознании. Во-первых, они отметили, что помимо простых утверждений, таких, например, как *il aime, il aimait* 'он любит, он любил', есть еще условные и модальные, как, напри-

мер, *quoiqu'il aimât* 'хотя бы он и любил', *quand il aimerait* 'когда бы он любил'.

А для того, чтобы лучше отличать друг от друга различные виды утверждений, флексии глаголов одного и того же времени были соответственно удвоены, с тем чтобы одни обозначали простые утверждения, как, например, *aime* 'любит', *aimait* 'любил', а другие — утверждения модальные, например: *aimât, aimerait*. Но в силу обычной привычки отступать от правил люди часто пользуются простыми флексиями (*inflexions simples*) для обозначения модальных утверждений (*les affirmations modifiées*): *et si vereor* вместо *et si verear* 'если усомниться'. Благодаря наличию таких окончаний грамматисты ввели наклонение (*mode*), называемое *соедлагательным* (*subjonctif*).

Более того, помимо утверждения, направленность нашей воли также может рассматриваться как способ формирования мысли, ибо люди всегда испытывали потребность в том, чтобы сообщить другим не только то, что они думают, но и то, чего они желают. Наше желание может проявляться в различных модусах, или способах (*manières*), глаголов, из которых мы рассмотрим три основных.

1. Мы желаем чего-то, не зависящего от нас, поэтому должны ограничиться простым пожеланием. В латыни это значение выражается частицей *utinam* 'о если бы', а во французском языке — оборотом *plût à Dieu* 'дай Бог, дай-то Бог...'. В некоторых языках, как, например, в греческом, для выражения этого значения изобретены специальные окончания, что и дало грамматистам основа-

ние назвать их желательным наклонением (*le mode optatif*). В нашем языке, а также в испанском и итальянском есть времена, имеющие три различные формы, что позволяет провести параллель с греческим в отношении существования желательного наклонения. Но в латыни одни и те же окончания служат для выражения сослагательного и желательного наклонений, и поэтому благоразумным представляется исключение последнего из спряжения латинского глагола, ибо наклонения создаются в глаголе не только за счет различия в значениях (которые могут быть весьма многообразными), но и за счет различия в окончаниях.

2. Мы можем желать чего-либо и совсем иначе. Это происходит в тех случаях, когда мы соглашаемся на что-нибудь, по существу вовсе этого „чего-нибудь“ не желая. Например, Теренций пишет: *profundat, perdat, pereat — qu'il dépense, qu'il perde, qu'il perisse* 'пусть он расточит, разорится, погибнет' и т. д. Люди могли бы, конечно, придумать специальное окончание для выражения подобного движения души, так же как они придумали его в греческом для обозначения простого желания. Но они этого не сделали, а используют в этом значении сослагательное наклонение (*subjunctif*). Во французском к глаголу прибавляется еще *que*: *qu'il dépense* и т. д. Некоторые грамматисты назвали этот образ глагола *modus potentialis* „возможное наклонение“ или *modus concessivus* „уступительное наклонение“.

3. Третьим видом желания является следующий: исполнение нашего желания зави-

сит от другого человека, и мы высказываем ему наше желание, чтобы он его исполнил. Это происходит в тех случаях, когда мы приказываем или же просим о чем-либо. Для обозначения этого движения нашей души было придумано наклонение, называемое императивом или повелительным наклонением (*impératif*), не имеющее формы первого лица, особенно в единственном числе, ибо никто не дает распоряжений самому себе; а также не имеющее во многих языках форм третьего лица, ибо приказывать в собственном смысле мы можем лишь тому, кому адресована наша речь и с кем мы говорим. А поскольку приказание или просьба, соотносящиеся с этим образом глагола, всегда обращены в будущее, то императив и будущее время могут быть часто взаимозаменяемы в речи, что в особенности характерно для древнееврейского. Например: *non occides, vous ne tuerez point* вместо *ne tuez point* 'вы не убьете' вместо 'не убивайте'. Отсюда становятся ясным, почему некоторые грамматисты рассматривают императив в ряду будущих времен глагола.

Из всех наклонений глагола, о которых мы только что говорили, восточные языки располагают лишь последним, т. е. императивом. Напротив, новые языки не имеют специальных флексий для императива. Во французском, например, для обозначения императива употребляется второе лицо множественного числа, равно как и первое, но без предшествующих им местоимений. Так, *vous aimez* — простое утверждение, а *aimez* — императив, *nous aimons* — утверждение, а

aimons — императив. Но в случаях (весьма, впрочем, редких), когда приказания отдаются в единственном числе, никогда не употребляется второе лицо tu aimes, но лишь первое — aime.

ГЛАВА XVII

Об инфинитиве

Существует еще и такая форма глагола, которая не может выражать ни числа, ни лица. Это так называемый инфинитив (*infinitif*), как, например, *esse, être* 'быть', *amare, aimer* 'любить'. Необходимо также заметить, что иногда инфинитив сохраняет значение утверждения, как, например, в следующей фразе: *scio malum esse fugiendum, je sais qu'il faut fuir le mal* 'я знаю, что необходимо избегать зла'. Но часто инфинитив утрачивает это значение и становится именем (в основном в греческом и новых языках). Например: *le boire* 'питье', *le manger* 'еда'. То же самое: *je veux boire, volo bibere* 'я хочу пить', ибо это равносильно *volo potum* или *potionem* 'хочу питья'.

Исходя из сказанного, можно поставить следующий вопрос: что же такое инфинитив, когда он не является именем и сохраняет значение утверждения, как в приведенном примере *scio malum esse fugiendum*. Не знаю, останавливал ли кто-нибудь свое внимание на том, что я собираюсь сейчас изложить, но мне представляется, что инфинитив среди прочих наклонений глагола (*manières du verbe*) занимает то же место, что релятив среди

местоимений. Ибо, как мы уже писали, релятив — более чем просто местоимение, поскольку он может употребляться в качестве слова, присоединяющего предложение, в которое он входит, к другому предложению. То же можно сказать и об инфинитиве, ибо, кроме утверждения, являющегося основным свойством глагола, инфинитив имеет и другую способность, а именно присоединять предложение, в которое он входит, к другому предложению. Так, *scio* равносильно отдельному предложению, и если вы прибавите к нему *malum est fugiendum*, то получите два отдельных предложения. Но если вы подставите *esse* вместо *est*, то тем самым сделаете второе предложение частью первого, как мы уже подробно говорили в главе IX, посвященной описанию релятива.

Сказанное объясняет, почему во французском языке мы употребляем вместо инфинитива глагол с частицей *que*: *je sais que le mal est à fuir*. В этом случае (как мы уже писали ранее) *que* означает не что иное, как соединение (*union*) одного предложения с другим. В латыни значение этого соединения заключено уже в самом инфинитиве, что бывает иногда, хотя и гораздо реже, во французском языке, как, например, когда мы говорим: *il croit savoir toutes choses* 'он считает, что знает все на свете'.

Способ соединения предложений друг с другом при помощи инфинитива или релятивов *quod* и *que* используется особенно часто, когда мы передаем чужую речь. Например, если я хочу сообщить о том, что король сказал мне: *je vous donnerai une charge* 'я дам

вам должность', я, скорее всего, не стану передавать эту мысль следующим образом: 'король сказал мне: „Я дам Вам должность“'. Я не буду выражать свою мысль при помощи двух отдельных предложений — одного, принадлежащего мне, и другого, принадлежащего королю; я соединю эти два предложения в одно при помощи *que* 'что': *le roi m'a dit qu'il me donnera une charge* 'король сказал мне, что он даст мне должность'. Для этого, поскольку последнее предложение теперь уже является собственноречью, я заменяю в нем первое лицо, *je donnerai* 'я дам' на третье *il donnera* 'он даст', а местоимение *vous* 'вы', которым назвал король в своей речи меня, я заменяю местоимением *me* 'мне', которым обозначаю в своей речи себя.

Подобное соединение предложений может производиться также при помощи частиц *si* во французском и *an* — в латыни, когда предложение, которое мы пересказываем, является вопросительным. Например, если меня спросили: *pouvez-vous faire cela?* 'можете ли Вы сделать это?', я, пересказывая это предложение, построю свою речь так: *on m'a demandé si je pouvais faire cela* 'меня спросили, могу ли я сделать это'. Иногда же соединение предложений происходит без какой-либо частицы, а единственно посредством изменения лица. Например: *il m'a demandé: qui êtes vous?* 'он спросил меня: „Кто вы?“' — *il m'a demandé qui j'étais* 'он спросил меня, кто я'.

К сказанному необходимо добавить следующее замечание. Когда иудеи говорили на другом языке, как, например, евангелисты*, они редко пользовались подобным способом

соединения предложений, а почти всегда передавали речь прямо (*directement*), как она была произнесена. Таким образом, евангелисты, хотя и употребляют иногда *ŕti quod*, но эти слова у них не играют никакой роли и не служат для связи предложений, как они служат у других авторов. Вот один пример из первой главы Евангелия от Иоанна: *Miserunt Judœi ab Hierosolymis sacerdotes et levitas ad Joannem ut interrogarent eum: Tu quis es? Et confessus est et non negavit, et confessus est: quia (ŕti) non sum ego Christus. Et interrogaverunt eum: Quid ergo? Elias es tu? Et dixit: Non sum. Propheta es tu? Et respondit, non.*

'19. [И вот свидетельство Иоанна, когда] Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? 20. Он объявил и не отрекся, и объявил, что я не Христос. 21. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет'¹.

В соответствии с обычаем французского языка мы должны были передать эти вопросы и ответы косвенно, т. е. следующим образом: *Ils envoyèrent demander à Jean qui il était. Et il confessa qu'il n'était point le Christ. Et ils lui demandèrent qui il était donc: s'il était Elie, et il dit que non; s'il était prophète, et il répondit que non.*

Этот обычай распространился и среди светских авторов, которые, вероятно, тоже заимствовали его из древнееврейского. Отсюда следует, что релятив *ŕti*, как мы уже писали выше, в главе IX, в сравнении с другими релятивами часто выступает как местоимение,

¹ Цит. по рус. переводу: Евангелие от Иоанна, гл. I. — *Прим. перев.*

лишенное своей роли связующего слова (*liaison*), даже если речь и не передается прямо.

ГЛАВА XVIII

О глаголах, которые можно назвать адъективными, и об их различных залогах — действительном, страдательном и среднем

Мы уже упоминали о том, что люди при помощи соединения отдельных определений с утверждением создали великое число различных глаголов, встречающихся во всех языках и отличных от субстантивного глагола. Глаголы эти можно назвать адъективными (*adjectifs*) с целью подчеркнуть, что значение, свойственное каждому из них, присоединено к значению, общему для всех глаголов, а именно к значению утверждения. Считать же, что все эти глаголы обозначают либо действия, либо претерпевания (*des actions ou des passions*), — общераспространенная ошибка, ибо нет таких свойств (*attributs*), которые глагол не мог бы заключать в себе, если люди считают возможным соединить утверждение с этим свойством. Очевидно также, что субстантивный глагол *sum, je suis* 'я есмь' обозначает здесь *sum ens, je suis un être, une chose* 'я есмь существо или вещь'. *Existo* обозначает также *sum existens, je suis, j'existe* 'я есмь, я существую'.

Сказанное, однако, не мешает нам сохранить обычное деление этих глаголов на действительные, страдательные и средние.

Собственно действительными (*actifs*) называются глаголы, обозначающие действие, ко-

торому противопоставлено претерпевание, например: *battre — être battu* 'бить — быть битым', *aimer — être aimé* 'любить — быть любимым'. Это происходит независимо от того, переходит ли действие на объект, что называется реальным действием, как, например, *battre* 'бить', *rompre* 'рвать', *tuer* 'убивать', *noircir* 'чернить' и т. д., или же объект остается нетронутым, что часто называется интенциональным действием, как, например, *aimer* 'любить', *connaître* 'знать', *voir* 'видеть'.

Отсюда и произошло то, что во многих языках люди использовали одно и то же слово, придавая ему различные окончания, чтобы обозначать соответственно действие и претерпевание. При этом действительным они называли глагол, имеющий окончание, при помощи которого обозначалось действие (*action*), а страдательным (*passif*) — глагол, имеющий окончание, при помощи которого обозначалось претерпевание: *amo, amor; verbero, verbero*. Подобное деление глаголов было характерно для всех древних языков — латыни, греческого и восточных. Более того, в последних один и тот же глагол может иметь три действительных залога, каждому из которых соответствует свой страдательный, а также возвратный залог, имеющий черты сходства с действительным и страдательным залогами. Например, *s'aimer* обозначает действие глагола, направленное на сам субъект глагола. Но в новых европейских языках нет собственно глагольных форм пассива (страдательного залога). В качестве пассива эти языки используют причастие от глагола действительного залога, употребляющееся в страдатель-

ном значении в сочетании с субстантивным глаголом: *je suis*. Например: *je suis aimé* 'я [есмь] любим'; *je suis battu* 'я [есмь] бит' и т. д.

Сказанное относится к описанию двух залогов — действительного и страдательного.

Глаголами среднего залога (*les neutres*), которые грамматисты называют иногда еще не переходными глаголами (*verba intransitiva*), т. е. глаголами, действие которых не переходит на внешние предметы, являются глаголы двух типов.

К первому типу относятся глаголы, обозначающие:

— не действие, но качество, например: *albet, il est blanc* 'белеет, бело'; *viret, il est vert* 'зеленеет, зелено'; *friget, il est froid* 'холодает, холодно'; *alget, il est transi* 'цепенеет, коченеет'; *tepet, il est tiède* 'теплеет, тепло'; *calet, il est chaud* 'жарко' и т. д.

— некоторое положение: *sedet, il est assis* '(он) сидит'; *stat, il est debout* '(он) стоит'; *jacet, il est couché* '(он) лежит' и т. д.

— связь с местом действия: *adest, il est présent* '(он) присутствует'; *abest, il est absent* '(он) отсутствует' и т. д.

— другие состояния и качества, например: *quiescit, il est en repos* 'он отдыхает'; *excellit, il excelle* 'он превосходит'; *praest, il est supérieur* 'он главенствует'; *regnat, il est roi* 'он царствует', 'он — король' и т. д.

Ко второму типу относятся глаголы среднего залога, обозначающие действия, но действия, не переходящие на объект, отличный от субъекта действия, или вообще не предполагающие объекта действия, отличного

от субъекта, например: *обедать, ужинать, ходить, говорить*.

Однако эти последние глаголы могут становиться переходными глаголами (*verbes transitifs*), когда им придается предмет действия. Например: *ambulare viam букв.* 'идти путь', где слово *путь* употребляется в качестве предмета этого действия. Зачастую в греческом, а также и в латыни в качестве объектов действия таких глаголов выступают имена, образованные от этих глаголов, как, например, *pugnare pugnam букв.* 'спорить спор', *servire servitutum* 'служить службу', *vivere vitam* 'жить жизнь' и т. д.

Но мне кажется, что подобные случаи употребления глаголов среднего залога произошли от желания выразить в речи нечто, что не содержалось и в самом глаголе или содержалось в нем недостаточно полно. Например, когда хотели сказать, что человек жил счастливо, говорили *vivere vitam beatam*, ибо в глаголе *vivere* 'жить' не заключен смысл 'жить счастливо'. То же в случае *servire duram servitutum* 'сослужить трудную службу' и аналогичных случаях. Таким образом, когда говорят *vivere vitam* — это, без сомнения, плеоназм, возникший из вышеприведенных образцов употребления глаголов среднего залога. По этой же причине во всех новых языках мы также избегаем, считая это неправильным, присоединять имя к глаголу, от которого оно образовано, например, не говорим *combattre un grand combat* 'сражаться большим сражением'.

Обратимся теперь к решению следующего вопроса: может ли любой не пассивный гла-

гол управлять именем в аккузативе, по крайней мере подразумеваемым именем? Утвердительный ответ на этот вопрос давали некоторые весьма искусные грамматисты*, но мне представляется, что они были не правы. Вспервах, глаголы, не обозначающие действия, как *quiescit*, *existit* или же некоторое количество, как *albet*, *calet*, вообще не имеют аккузатива, которым они могли бы управлять. В отношении же других глаголов необходимо вначале решить, имеет ли обозначаемое ими действие субъект или объект, который мог бы отличаться от самого действующего, ибо только в этом случае глагол управляет таким объектом действия, стоящим в аккузативе. Но когда действие, обозначаемое глаголом, не имеет объекта, отличного от того субъекта, который действует реально, как, например, *diner*, *prandere* 'обедать', *souper*, *coenare* 'ужинать' и т. д., то тогда у нас нет достаточных оснований утверждать, что эти глаголы управляют аккузативом. Упомянутые грамматисты считали, что в этом случае подразумевается инфинитив как имя, образованное глаголом, и допускали, что *curro* 'бегу' — это либо *curro cursum* 'бегу бегом', либо *curro currere* 'бегу бегом'. Однако подобные рассуждения выглядят недостаточно убедительно, ибо значение глагола складывается из значения инфинитива, взятого как имя, плюс утверждение и указание на лицо и время, так же как значение прилагательного *candidus* 'белый' складывается из значения имени существительного, образованного от этого прилагательного, а именно *canor* 'белизна', плюс коннотация предмета, от которого

абстрагировалось это качество. Поэтому полагать, что произносящий слово *currit* 'бежит' с необходимостью подразумевает *currere* 'бежать', столь же неразумно, как полагать, будто, говоря *homo candidus* 'чистосердечный человек', он подразумевает *candore* 'человек, чистосердечный чистосердечностью'.

ГЛАВА XIX

О безличных глаголах

Инфинитив, о котором мы уже писали в предыдущих главах, и есть как раз то, что следует называть безличным глаголом (*verbe impersonnel*), ибо он обозначает утверждение, т. е. то, что с необходимостью присуще глаголу, но при этом обозначает утверждение неопределенно, без указания на число и лицо, т. е. является безличным.

Однако грамматисты обычно называют безличными некоторые недостаточные глаголы, которые имеют почти единственно третье лицо.

Глаголы эти бывают двух видов: одни имеют форму глаголов среднего залога, как, например, *ponitetur* 'раскаиваться', *pugetur* 'стыдиться', *licet* 'разрешается', *libet* 'хочется' и т. д.; другие произошли от страдательных глаголов и сохраняют форму последних, как, например, *statur* 'быть устойчивым', *curritur* 'быть бегущим', *amatur* 'быть любимым', *vivitur* 'быть живущим'¹ и т. д. Между тем эти

¹ По значению эти латинские обороты ближе всего к русским типа: „живется, живут“ и т. п. — *Прим. перев.*

собой номинатив, подразумеваемый или заключенный в значении оборота, и представляет его в речи. Сказанное еще раз подтверждает, что местоимение это происходит от итальянского артикля *il*, вместо которого мы употребляем *le*, или от латинского местоимения *ille*, к которому также возводится французское местоимение *il*: *il arme, il parle, il court* и т. д.

Что же касается безличных страдательных глаголов, как, например, *amatur, curritur*, выражаемых нами по-французски как *on aime, on court*, то несомненно, что эти обороты речи в нашем языке являются не столько безличными, сколько неопределенно-личными. Господин де Вожла уже заметил, что здесь *on* замещает слово *homme* 'человек', т. е. номинатив при глаголе. Об этом можно прочесть в „Nouvelle Méthode Latine“, глава 5, о безличных глаголах.

Можно также заметить, что глаголы, обозначающие природные явления, как *pluit* 'идет дождь', *ningit* 'идет снег', *grandinat* 'идет град', могут быть объяснены на основании одних и тех же принципов как в латыни, так и во французском. Например, *pluit* — это слово, в котором для краткости заключены субъект, утверждение и атрибут. Оно употребляется вместо *pluvia fit букв.* 'дождь делается' или *cadit* 'падает'. Когда мы говорим *il pluit, il neige, il grêle* и т. п., *il* выступает здесь в роли номинатива, иначе говоря, *pluie, neige, grêle*, слитых с глаголом-субстантивом *est* или же с *fait*. Это все равно, что сказать *il pluie est букв.* 'дождь есть', *il neige se fait* 'снег сделался' вместо *id quod dicitur pluvia,*

est; id quod vocatur nix fit 'то, что называется дождем, есть'; 'то, что называется снегом, делается' и т. д.

Это особенно хорошо видно в тех оборотах речи, в которых глагол соединяется с описанным нами выше *il*. Например: *il fait chaud* 'тепло', *il est tard* 'поздно'; *il est six heures* 'шесть часов', *il est jour* 'день' и т. д., ибо как раз это в итальянском можно выразить в таком виде: *il caldo fa*, хотя в обыденной речи говорят просто *fa caldo*; далее лат. *æstus* 'зной' или *calor* 'жар' *est* 'есть' или *fit* 'сделался', или *existit* 'возник'. И отсюда *il fait chaud*, т. е. *il chaud (il caldo)* или *le chaud se fait*, вместо того чтобы говорить *existit, est*. Так же мы говорим *il se fait tard, si fa tarde*, то есть *il tarde* 'темнота, вечер' *se fait*, или, как говорят в некоторых наших провинциях, *il s'en va tard* вместо *il tarde*, *le tard s'en va venir*, т. е. *la nuit approche* 'ночь приближается'. То же самое в отношении *il est jour*, т. е. *il jour (или le jour), est; il est six heures*, т. е. *il temps, six heures; est le temps* или *la partie du jour appelée six heures, est* 'время, или же часть суток, называемая шестью часами, наступила в настоящую минуту'. Так же можно разобрать и все остальные примеры.

ГЛАВА XX

О причастиях

Причастия есть не что иное, как подлинные имена прилагательные, а поэтому говорить о них в этой части грамматики было бы неуместно, если бы не связь, которая существует у причастий с глаголами.

чем иным, как глагольным именем, например *amans virtutis* 'любитель истины'.

ГЛАВА XXI

О герундиях и супинах

Как мы могли только что убедиться, лишая глаголы значения утверждения, можно образовать причастия действительные и страдательные, являющиеся фактически именами прилагательными, но сохраняющими в то же время глагольное управление (по крайней мере в действительном залоге).

В латыни подобным путем образуются еще и два вида имен существительных. Первое, называемое герундием, оканчивается на *-dum* и имеет различные падежи — *-dum*, *-di*, *-do*: *amandum*, *amandi*, *amando*, но только лишь одно число (единственное) и один род, чем отличается от причастия на *-dus*: *amandus*, *amanda*, *amandum*.

Второе, называемое супином, оканчивается на *-um* и имеет два падежа — *-um*, *-u*: *amatum*, *amatu*, но не изменяется ни по родам, ни по числам, чем отличается от причастия на *-us*: *amatus*, *amata*, *amatum*.

Мне хорошо известно, какие трудности испытывали грамматисты в объяснении природы герундия. Весьма сведущие авторы считали, что герундий есть не что иное, как страдательное прилагательное (*adjectif passif*), субстантивом которого является инфинитив (*l'infinitif du verbe*). Так, полагают, например, что *tempus est legendi libros* (или *librorum*, ибо допустимы оба варианта) 'время

читать книги — то же самое, что и *tempus est legendi*, то́в *legere libros* (или *librorum*). Таким образом, мы получили бы два оборота речи, а именно *tempus legendi*, то́в *legere*, который состоит из прилагательного и существительного, как если бы было *legendæ lectionis*, и *legere libros*, состоящий из глагольного имени, управляющего в этом случае падежом, которого требует соответствующий глагол *. Но в качестве существительного *legere* может управлять генитивом, например *librorum* вместо *libros*. Приглядевшись внимательно, я пришел к выводу, что подобный ход рассуждений не обязателен. Итак:

1° Когда о *legere* говорят, что это отглагольное имя существительное, могущее в этом качестве управлять либо генитивом, либо даже аккузативом, что согласуется с тем, как говорили древние: *curatio hanc rem; quid tibi hanc tactio est?* (Плавт.) 'какое тебе до этого дело?' (Плавт), то я утверждаю, что то же самое можно сказать и о *legendum*. А именно: так же как и *legere*, это отглагольное имя существительное, которое может, соответственно, иметь все свойства, приписываемые нами *legere*.

2° Нет никаких оснований утверждать, что слово подразумевается, когда ни в одном из случаев оно не выражено, к тому же мы не можем ввести его без того, чтобы это не показалось абсурдным. И на самом деле, мы никогда не встречаемся с тем, чтобы инфинитив присоединялся к своему герундию. Но если мы все-таки скажем *legendum est legere*, то это покажется совершенно бессмысленным.

будущее время последнего. Но нам представляется достаточным описать основные вспомогательные глаголы — *être* и *avoir*.

Être

Что касается глагола *être* 'быть', то мы уже писали о нем, отмечая, что страдательные формы образуются с его помощью посредством сочетания с причастием от действительного глагола. При этом причастие употребляется страдательно (*passivement*) — *je suis aimé, j'étais aimé* 'я любим, я был любим' и т. д. Причину подобного употребления объяснить нетрудно, исходя из того, что, как мы уже упоминали, все глаголы, за исключением субстантивного глагола¹, обозначают утверждение лишь в сочетании с некоторым атрибутом (*attribut*), о котором и производится утверждение. Отсюда следует, что страдательный глагол, такой, как лат. *amor* 'я любим', обозначает утверждение о том, что кто-то является предметом любви. Соответственно, *aimé*, обозначающее то же самое ('любимый кем-то'), будучи присоединено к субстантивному глаголу, обозначающему утверждение (*je suis aimé, vous êtes aimé*), должно значить то же самое, что и *amor, amaris* в латыни. Латынь также использует глагол *sum* как вспомогательный во всех формах прошедшего страдательного и во всех временах, зависящих от прошедших страдательных: *amatus sum, ama-*

tus eram и т. д. Аналогичное можно сказать и о большинстве греческих глаголов.

Но этот же глагол *être* выступает часто в роли вспомогательного и другим способом, где его употребление менее регулярно. Но об этом речь пойдет лишь после того, как мы разъясним употребление глагола *avoir*.

Avoir

Другой вспомогательный глагол — *avoir* 'иметь' — является гораздо более удивительным (*étrange*), и его употребление трудно объяснить с рациональных позиций.

Мы уже писали о том, что все глаголы в новых языках имеют два прошедших времени: одно, неопределенное (*indéfini*), которое можно назвать аористом, и другое, определенное (*défini*). Первое образуется, как и другие времена — *j'aimai, je sentis, je vis*.

Второе же время образуется при помощи причастия прошедшего времени *aimé, senti, vu* с присоединением глагола *avoir*: *j'ai aimé, j'ai senti, j'ai vu*.

Это относится не только к прошедшему определенному, но и ко всем другим временам, которые в латыни образуются от прошедшего¹, например от *amavi* — *amaveram, amaverim, amavissem, amavero, amavisse; j'ai aimé, j'avais aimé, j'aurais aimé, j'eusse aimé, j'aurai aimé, avoir aimé*.

Для самого глагола *avoir* те же времена образуются при помощи этого же глагола,

¹ Т. е. глагола 'быть' (см. выше). — Прим. перев.

¹ От основы перфекта. — Прим. перев.

вом. Так, следует говорить: *la lettre que j'ai écrite* 'эпистола (письмо), которую я написал', *les livres que j'ai lus* 'книги, которые я прочитал', *les sciences que j'appriais* 'науки, которые и изучил', ибо *que* означает *laquelles* в первом случае, *lesquels* — во втором и *lesquelles* — в третьем. То же в случаях: *j'ai écrit la lettre* 'я написал письмо' и *j'ai l'ai envoyée* 'я его послал', *j'ai acheté des livres* 'я купил книги' и *je les ai lus* 'я их прочитал' и т. д. В стихах так же, согласно этому правилу, мы говорим *Dieu, dont nul de nos maux n'a les grâces bornées* *букв.* 'Бог, для которого ни одно из наших несчастий не останется без милостей', но не *borné*, ибо аккузатив *grâces* предшествует причастию, хотя и следует за вспомогательным глаголом.

Есть тем не менее исключение из этого правила, которое, согласно господину де Вожла, заключается в том, что причастие остается неизменяемым даже тогда, когда оно расположено после аккузатива и вспомогательного глагола, но предшествует своему номинативу, например: *la peine que m'a donné cette affaire* 'неприятность, которую мне доставило это дело'; *les soins que m'a donné ce procès* 'заботы, которые мне доставил этот процесс' и т. п. *

Весьма нелегко объяснить подобные случаи употребления, но хотелось бы изложить некоторые соображения по этому поводу, которые кажутся мне решающими, по крайней мере для французского языка.

Все глаголы нашего языка имеют два причастия — одно на *-ant*, другое на *-é, -i, -u*, в зависимости от спряжения (не учитывая

неправильных глаголов): *aimant, aimé, écrivant, écrit, rendant, rendu*.

Так вот, в причастиях можно наблюдать две особенности: первая — в том, что они есть не что иное, как истинные имена прилагательные, имеющие род, число и падеж; другая — в том, что, будучи причастиями действительного залога, они имеют то же управление, что и глаголы: *amans virtutem* 'любящий добродетель'. Когда первая черта отсутствует, причастия называются герундиями, например: *amandum est virtutem* 'следует любить добродетель'. Когда же причастия лишены второй особенности, говорят, что действительные причастия являются скорее глагольными именами (*noms verbaux*), нежели причастиями.

Опираясь на это, я считаю, что два наших причастия *aimant* и *aimé* в случае, если они имеют глагольное управление, являются более герундиями, нежели причастиями. Господин де Вожла уже заметил, что причастие на *-ant* в случае, если оно может управлять словами как глагол, не имеет женского рода, и поэтому не говорят, например, *j'ai vu une femme lisante* 'я увидел женщину, читающую Писание', но *lisant* 'Эcriture'. А если иногда это причастие и употребляют во множественном числе (*j'ai vu des hommes lisants* 'Эcriture' 'я увидел людей, читающих Писание'), то, на мой взгляд, это происходит по причине незаметности этой ошибки, ибо произношение слов *lisant* и *lisants* почти всегда одинаково, причем звуки *l* и *s* обычно не произносятся. Я полагаю также, что *lisant* 'Эcriture' употребляется вместо *en lisant* 'Эс-

riture, in τω legere scripturam, так что герундий на *-ant* обозначает здесь действие глагола так же, как и инфинитив.

Однако я полагаю, что то же самое можно утверждать и в отношении другого причастия — *aimé*. Соответственно, когда оно управляет тем же падежом, что и глагол, оно является герундием и не может иметь различных родов и чисел; и тогда оно является активным причастием и отличается от причастия или, точнее, герундия на *-ant* лишь в следующем: во-первых, в том, что герундий на *-ant* представляет настоящее время, а герундий на *é, -i, -u* — прошедшее; во-вторых, в том, что герундий на *-ant* существует (в речи) самостоятельно или же подразумевая частицу *en*, в то время как герундий на *-é, -i, -u* выступает в сопровождении вспомогательного глагола *avoir* (или же глагола *être*, который в некоторых случаях занимает место глагола *avoir*, о чем мы скажем ниже): *j'ai aimé Dieu* и т. д.

Но это последнее причастие, помимо употребления в качестве активного герундия, имеет и другое употребление — страдательного причастия. В этом случае у него два рода и два числа, в соответствии с которыми оно согласуется с существительным, но не имеет глагольного управления. Благодаря этому все страдательные времена образуются при помощи глагола *être*: *il est aimé, elle est aimée, ils sont aimés, elles sont aimées*.

Таким образом, для того чтобы разрешить вышеуказанную трудность употребления, я утверждаю, что в следующих оборотах речи: *j'ai aimé la chasse* 'я любил охоту', *j'ai aimé*

les livres 'я любил книги', *j'ai aimé les sciences* 'я любил науки' причина того, что мы не говорим: *j'ai aimée la chasse*, кроется в том, что слово *aimé*, обладая способностью к управлению на манер глагольного, является герундием и не имеет ни рода, ни числа.

Но в других оборотах речи: *la chasse qu'il a aimée* 'охота, которую он любил', *les ennemis qu'il a vaincus* 'враги, которых он победил' или *il a défait les ennemis, il les a vaincus* 'он разделался со своими врагами, он их победил' слова *aimée, vaincus* рассматриваются не как управляющие чем-либо, но как управляемые сами глаголом *avoir*, как в случаях *quam habeo amatam* *букв.* 'которого имею любимым', *quos habeo victos* *букв.* 'которого имею побежденным'. Поэтому, выступая в этих случаях в качестве страдательных причастий, имеющих род и число, они должны согласовываться в роде и числе с именами существительными и с местоимениями, к которым они относятся.

Подтверждением данного рассуждения является то, что даже в тех случаях, когда релятив или местоимение, которым управляет глагол в прошедшем времени, предшествуют глаголу, а этот глагол в прошедшем времени управляет еще какими-нибудь словами, следующими за ним, он становится герундием и не может склоняться. Так, хотя и следует говорить: *cette ville que le commerce a enrichie* 'этот город, который торговля обогатила', необходимо употреблять несклоняемую форму герундия во фразе *cette ville que le commerce a rendu puissante* 'этот город, который торговля сделала могуществен-

ным', но не *rendue puissante*, ибо *rendu* управляет словом *puissante* (а следовательно, является герундием). Что же касается исключения из этого правила, о котором мы писали на стр. 192 (например, *la reine que m'a donné cette affaire* и т. п.), то нам кажется, что подобные случаи употребления объясняются следующим: мы привыкли к тому, что причастие становится герундием и не может вследствие этого склоняться тогда, когда оно управляет другими словами, а так как обычно это имена, за ним следующие, то слово *affaire* стоит в предложении на том месте, где обычно во французском языке находится аккузатив глагола. Поскольку же язык превыше всего ценит чистоту речи, то привычка к естественному расположению слов в предложении берет здесь верх. Сказанное подтверждается и в тех случаях, когда вспомогательный глагол *être* употребляется вместо глагола *avoir*, о чем мы и собираемся сейчас говорить.

*Два случая,
когда вспомогательный глагол être
употребляется вместо глагола avoir*

Во-первых, это происходит в случае употребления действительных глаголов с возвратной частицей *se*, обозначающей, что действие имеет субъектом или объектом того, кто действует: *se tuer*, *se voir*, *se connaître*. Прошедшее и другие времена, связанные с ним, образуются в этом случае не при помощи глагола *avoir*, но при помощи глагола *être*: *il s'est tué* 'он себя убил', но не *il s'a tué*,

il s'est vu 'он себя увидел'; *il s'est connu* 'он себя познал'. Довольно трудно определить, откуда происходит подобное употребление, ибо немцы не имеют его вовсе, используя в этом случае глагол *avoir*, хотя, по-видимому, обычай пользоваться вспомогательными глаголами при образовании прошедшего времени действительного глагола восходит именно к ним. Тем не менее можно сказать, что действие и претерпевание, заключенные, таким образом, в едином субъекте, побудили нас употреблять глагол *être*, указывающий на пассивное состояние более отчетливо, нежели глагол *avoir*, который обозначал лишь действие, т.е. поступать так, как если бы было сказано: *il s'est tué par soi-même* 'он убил себя сам'.

Но следует заметить, что в тех случаях, когда причастие, например *tué*, *vu*, *connu*, относится лишь к возвратному местоимению *se*, даже тогда, когда это местоимение встречается дважды (в предложении. — Н. Б.), предшествуя причастию и следуя за ним, как, например, во фразе: *Caton s'est tué soi-même* *буке*. 'Катон себя убил сам', это причастие согласуется в роде и числе с лицами и вещами, о которых идет речь. Например: *Caton s'est tué soi-même*; *Lucrece s'est tuée soi-même*, *les Saguntins se sont tués eux-mêmes*.

Но если это причастие управляет каким-либо словом, отличным от возвратного местоимения, как в случае: *Œdipe s'est crevé les yeux* 'Эдип выколол себе глаза', то это причастие, имея управление, становится действительным герундием и в силу этого уже не имеет ни рода, ни числа. Таким образом,

следует говорить: *cette femme s'est crevé les yeux* 'эта женщина выколола себе глаза'; *elles s'est fait peindre* 'она заказала свой портрет'; *elle s'est rendu la maîtresse букв.* 'она сделала себя хозяйкой'; *elle s'est rendu catholique* 'она приняла католичество'.

Известно, что два последних примера оспаривались господином де Вожла*, а еще больше Малербом**, который, правда, не отрицал того, что его мнение отнюдь не является общепринятым. Но доводы этих авторов позволяют предположить, что в данном случае они ошибаются и рекомендуют к употреблению обороты речи, представляющие большую сложность в обиходе.

Указанные авторы считают, что необходимо отличать случаи с действительными причастиями от случаев, когда они являются страдательными, что, безусловно, верно. Далее, они утверждают, что когда причастие является страдательным, оно склоняется, а когда действительным, не склоняется, что также верно. Но я не вижу оснований для того, чтобы о примерах: *elle s'est rendu* или *rendue la maîtresse; nous nous sommes rendu* или *rendus maîtres* можно было сказать, что причастие является здесь страдательным. Напротив, очевидно, что здесь перед нами действительное причастие. Наверное, причиной ошибки наших авторов послужило то, что в случае сочетания с глаголом *être*, причастие обычно является страдательным, как, например, когда говорят: *il a été rendu maître*. Но одно дело, когда глагол *être* употребляется в своем собственном значении, а другое — когда он употребляется вместо гла-

гола *avoir*. Это происходит, как мы уже показали на примерах, в случае сочетания с возвратным местоимением *se*.

Итак, наблюдение Малерба может быть верным лишь в других оборотах речи, а именно в тех, когда причастие, хотя и употребляется с возвратным местоимением *se*, имеет значение страдательности. Например, когда говорят *elle s'est trouvé* (или *trouvée*) *morte* 'она оказалась мертвой'. Здесь кажется вполне разумным довод в пользу того, что причастие становится склоняемым, если, конечно, не придираться к следующему далее размышлению Малерба о том, что все зависит от того, следует ли за причастием имя или же другое причастие. Согласно Малербу, должно быть так, что причастие будет несклоняемым в том случае, когда за ним следует другое причастие, и поэтому следует говорить: *elle s'est trouvé morte*, но причастие должно склоняться, когда за ним следует имя. Для подобного суждения я все-таки не вижу достаточных оснований.

Но важно отметить, что в подобных оборотах речи с возвратностью часто неясно, является ли причастие действительным или страдательным, как, например, когда говорят: *elle s'est trouvé* (или *trouvée*) *malade* 'она оказалась (или почувствовала) себя больной'; *elle s'est trouvé* (или *trouvée*) *guérie* 'она оказалась (или почувствовала) себя выздоравливающей'. Ведь подобные обороты речи могут быть истолкованы двояко: во-первых, таким образом, что ее нашли больной или выздоравливающей другие, во-вторых, что она сама нашла, что она больна или же вы-

здоровливает. В первом случае причастие является страдательным и, соответственно, склоняемым, а во втором случае оно является действительным и, соответственно, — несклоняемым. Думается, что не следует подвергать сомнению последнее замечание, ибо как скоро фраза приобретает определенный смысл, она приобретает и определенную конструкцию (*la construction*). Например, говорят: *quand le medecin est venu, cette femme s'est trouvée morte* (но не *trouvé*), поскольку мы имеем в виду, что именно пришедший врач или присутствующие обнаружили, что она мертва, но никак не она сама. Напротив, если я говорю: *Madame s'est trouvé mal ce matin*, следует говорить *trouvé*, а не *trouvée*, поскольку ясно, что имеется в виду следующее: она сама почувствовала себя больной, и фраза приобретает смысл действительного оборота. Это согласуется с общим правилом, которое было дано нами выше и заключалось в том, что причастие может стать несклоняемым герундием (*gérondif*) лишь в том случае, если оно управляет другими словами, а в тех случаях, когда оно не управляет, оно склоняется.

Я отдаю себе отчет в том, что до сих пор относительно подобных оборотов речи в нашем языке нет твердо установившихся правил, но я не вижу иной возможности для их установления, кроме обращения к описанной выше процедуре (рассмотрение способности к управлению). По крайней мере это необходимо в тех случаях, когда обиход недостаточно определен и допускает колебания.

Другим случаем, когда глагол *être* служит для образования форм прошедшего времени (вместо глагола *avoir*), является образование форм прошедшего времени от некоторых непереходных глаголов, т.е. от таких глаголов, действие которых не распространяется за пределы того, кто действует (не переходит на другие объекты), например: *aller, partir, sortir, monter, descendre, arriver, retourner*. Говорят: *il est allé, il est parti, il est sorti, il est monté, il est descendu, il est arrivé, il est retourné*, но не *il a allé, il a parti* и т. д. Отсюда следует, что причастие согласуется в числе и роде с номинативом глагола (*le nominatif du verbe*): *cette femme est allée à Paris* 'эта женщина уехала в Париж', *elle sont allées* 'они (ж.р.) уехали', *ils sont allés* 'они (м.р.) уехали' и т. д.

Но как скоро эти глаголы из непереходных становятся переходными и в полном смысле активными, что происходит в случае присоединения к ним слова, которым они должны управлять, они начинают использоваться в качестве вспомогательного глагол *avoir*. Причастие же, становясь герундием, не изменяется ни в роде, ни в числе. Так, следует говорить: *cette femme a monté la montagne* 'эта женщина поднялась на гору', но не *est monté*, или *est montée*, или же *a montée*. А если иногда и говорят: *il est sorti le royaume* 'он выехал из королевства', то это не что иное, как эллипсис, употребляемый вместо *hors le royaume*.

Вторым видом слов, которые обозначают форму наших мыслей, а не собственно объекты мысли, являются союзы (*les conjonctions*), как, например, *et* 'и', *non* 'нет', *vel* 'или', *si* 'если', *ergo* 'итак'. Присмотревшись к ним внимательнее, нетрудно убедиться, что эти частицы (*particules*) означают не что иное, как операции нашего рассудка, посредством которых мы соединяем или разделяем вещи, отрицаем нечто, рассматриваем что-либо абсолютно или же относительно некоторого условия. Например, нет такого природного объекта, существующего вне нашего сознания, который соответствовал бы частице *non*. Но ясно, что она обозначает лишь суждение о том, что некоторая вещь не может отождествляться с другой.

То же можно сказать и о частице *ne* в латыни, которая является вопросительной частицей *aïs-ne?* *dites-vous?* 'в самом деле?' Она также не означает никакого объекта вне нашего сознания, но единственно движение нашей души (*le mouvement de notre âme*), направленное на то, чтобы узнать нечто.

Этим объясняется, почему я до сих пор не упоминал о вопросительном местоимении: *quis, quæ, quid?* Действительно, оно является не чем иным, как местоимением, к которому присоединено значение вопросительной частицы *ne*. Иными словами, помимо того, что это местоимение замещает имя, как и все прочие местоимения, оно указывает еще и на желание души узнать нечто, получить

ответ. Итак, мы видим, что используются весьма разнообразные приемы для выражения упомянутого движения нашей души. Иногда оно узнается лишь по модуляции голоса, о чем на письме нас уведомляет небольшой значок, который называется вопросительным знаком и который мы изображаем знаком (?).

Во французском языке мы обозначаем то же самое при помощи постановки местоимений *je, vous, il, ce* после личных форм глагола, в то время как обычно они стоят перед глаголом. Когда я говорю: *j'aime, vous aimez, il aime, c'est*, то выражаю утверждение, но если говорю: *aimé-je? aimez-vous? aime-t-il? est-ce?*, то выражаю вопрос. Поэтому попутно необходимо заметить, что в связи с этим следует говорить: *sens-je? lis-je?*, но никак не *senté-je? lisé-je?*, ибо всегда должно брать форму того лица глагола, о котором вы говорите. В данном случае это, несомненно, первое лицо: *je sens, je lis*. Для того чтобы из этих оборотов сделать вопросительные, следует лишь соответствующим образом переменить местоимения.

Но не нужно забывать о том, что если первое лицо глагола оканчивается на *e*-женское (*e-féminin*), например *j'aime, je pense*, то *e*-женское заменяется на *e*-мужское в вопросительных оборотах, ибо в местоимении *je* также содержится *e*-женское, а наш язык не допускает стечения двух *e*-женских на конце слов. Таким образом, следует говорить: *aimé-je, pensé-je, manqué-je, no aimes-tu, pense-t-il, manque-t-il?* и т. п.

Междометия также представляют собой слова, которые не обозначают ничего вне нашего сознания. Но они являются звуками скорее естественными, нежели искусственными, и показывают душевные движения, как, например, ah! 'ах!', ô! 'о!', heul! 'гм!', hélas! 'увы!' и т. д.

ГЛАВА XXIV

О синтаксисе,

или конструкциях при сочетании слов

Нам остается лишь сказать несколько слов о синтаксисе, или о сочетании слов в речи. Дать общие понятия об этом будет не столь трудно, если следовать тем принципам, которые мы уже установили.

Конструкции при сочетании слов (*les constructions des mots*) можно в самом общем плане подразделить на согласовательные (*de convenance*), в которых слова должны согласовываться друг с другом, и конструкции управления (*de régime*), в которых одно слово обуславливает определенные изменения в другом.

Первый тип являет нам во всех языках почти единообразную сущность, ибо последняя выступает естественным следствием того, что почти повсеместно встречается в обиходе и способствует лучшему пониманию речей.

Так, различие двух чисел, единственного и множественного, привело к необходи-

мости согласовывать существительное с прилагательным в числе, то есть употреблять одно из них в единственном или множественном числе, когда другое употреблено соответственно в единственном или множественном числе. Объяснить это можно тем, что поскольку существительное подлжит неясному, но непосредственному обозначению в прилагательном¹, то как скоро существительное обозначает несколько объектов, у прилагательного их появляется также несколько, и оно должно быть поставлено в форму множественного числа: *homines docti, hommes doctes* 'ученые мужи'.

Различение женского и мужского рода привело также к необходимости употреблять существительное и прилагательное, образующие словосочетательную конструкцию, в одном роде, что относится и к среднему роду в тех языках, где есть средний род. Это несомненно, ибо лишь для такого согласования был придуман род.

Глаголы также должны согласовываться в числе и лице с именами и местоимениями.

Если же мы встречаемся с употреблением, которые на первый взгляд противоречат этим правилам, то это фигуральные выражения, в которых либо подразумеваются некоторые слова, либо на смысл целого обращается больше внимания, чем на отдельные слова, о чем мы скажем немного ниже.

Синтаксис управления (*la syntaxe de régime*), напротив, практически чисто произволен, а поэтому весьма различен в раз-

¹ См. гл. II. — *Прим. перев.*

ных языках. Так, в одних языках управление осуществляется за счет падежей, в других — вместо падежей используются частицы, фактически заменяющие падежи и способные к обозначению некоторых падежей. Так, во французском и испанском имеются *de* и *à*, обозначающие генитив и датив; итальянцы используют еще и *da* для обозначения аблатива. Другие падежи вовсе не имеют своих частичек, а лишь артикль, который, кстати, тоже не всегда употребляется.

Предмет наших рассуждений может быть дополнен тем, что уже было сказано о предлогах и падежах.

А теперь нам кажется полезным обратить внимание на несколько общих положений (*maximes*), касающихся сочетания слов, которые в силу своей распространенности представляют особую важность для всех языков.

Первое положение состоит в том, что никогда не встречается номинатива, который не был бы связан с некоторым глаголом, выраженным или подразумеваемым, ибо речь содержит не только исходные понятия, но выражает и то, что мыслится относительно этих понятий. Последнее же передается посредством глагола.

Второе положение гласит, что в свою очередь не встречается глагола, который не имел бы своего номинатива, выраженного или подразумеваемого. Поскольку основным признаком глагола является способность к утверждению, то необходимо, чтобы было нечто, подлежащее утверждению, а это не что иное, как субъект глагола, который обыч-

но и является номинативом, относящимся к данному глаголу. Следует отметить, что в этой роли может выступать и аккузатив, что встречается в позиции перед инфинитивом: *scio Petrum esse doctum* 'Я знаю, что Петр — ученый'.

Третье положение состоит в том, что не может быть прилагательного, которое не носилось бы к какому-либо существительному, потому что прилагательное уже само по себе неявно указывает на имя существительное, являющееся субстанцией формы, ясно обозначенной этим прилагательным: *doctus* 'ученый' относится к любому лицу, отмеченному ученостью.

Четвертое положение заключается в утверждении того, что в речи не встречается генитива, который не управлялся бы другим именем. Объяснение этому заключается в том, что поскольку падеж этот обозначает нечто, выступающее в качестве обладателя, то ему следует быть управляемым тем, чем он обладает. Этим объясняется и то, что ни в греческом, ни в латыни ни один глагол не управляет собственно генитивом, что и было показано в „*Nouvelles Méthodes ...*“ этих языков. Гораздо труднее это правило приложимо к новым языкам, ибо частица *de*, являющаяся показателем генитива, ставится в них часто вместо латинских предлогов *ex* или *de*.

Пятое положение состоит в том, что в качестве глагольного дополнения (*le régime des verbes*) выступают подчас различные падежные формы, что связано с разного рода отношениями, выражаемыми этими падежами

в соответствии с причудами обихода. Заметим, что это не может изменить характера падежных отношений в целом, но дает нам возможность убедиться в том, что в обиходе в каждом случае то или иное отношение выбирается совершенно произвольно.

Так, в латыни встречается такое сочетание слов: *juvare aliquem* [аккузатив] 'помогать кому-либо, поддерживать кого-либо', *opitulari alicui* [датель] 'оказывать поддержку кому-либо', хотя оба глагола (*juvare* и *opitulari*) имеют значение 'помогать, поддерживать'. Объяснить это можно лишь тем, что латиняне были склонны рассматривать дополнение первого глагола как тот член данного словосочетания, на который переходит действие глагола, в то время как дополнение второго глагола они рассматривали как атрибутивный падеж (*un cas d'attribution*), описывающий глагольное действие.

Так, по-французски говорят: *servir quelqu'un* 'служить кому-либо' и *servir à quelque chose* 'служить для чего-либо'.

Заметим, что в испанском языке большинство действительных глаголов равно управляет дательным и аккузативом¹.

Наконец, один и тот же глагол может управлять различными дополнениями, используя при этом различные предлоги. Например: *praestare alicui* или *aliquem* 'превосходить кого-либо'.

Так, говорят, например, *eripere morti ali-*

¹ Имеется в виду испанское прямое дополнение с предлогом *a* (например, *amar a la patria* 'любить отчизну'), по форме соответствующее французскому дательному. — *Прим. перев.*

quem 'спасать кого-либо от смерти', или *mortem alicui*, или же *aliquem a morte* и т. п.

Иногда, правда, эти различные дополнения могут в корне менять смысл оборота, если это разрешено обиходом. Так, к примеру, в латыни *cavere alicui* — это 'заботиться о сохранности кого-либо', а *cavere aliquem* — это 'остерегаться кого-либо'. Отсюда следует, что необходимо всегда ориентироваться на обиход, и это распространяется на все языки.

О фигурах конструкций

То, что было нами сказано о синтаксисе, вполне достаточно для того, чтобы понять естественный порядок слов во фразе в том случае, когда все части предложения находят свое натуральное выражение, и нет ни лишних слов, ни недостающих, короче, когда наша мысль выражена вполне естественным образом.

Но поскольку люди гораздо чаще следуют смыслу, т. е. внимательнее следят за смыслом и содержанием своей мысли, нежели за словами, служащими для ее выражения, то зачастую для сокращения речей они опускают некоторые слова или же, напротив, полагая это изящным, добавляют какое-либо слово, кажущееся на первый взгляд излишним. Они могут также изменять естественный порядок слов. Отсюда происходит четыре основных типа речи, называемых фигурами речи (*figurées*) или просто фигурами речи. По отношению к грамматике они, безусловно, представляют собой

ее нарушения, но в отношении языка они выступают его украшением и подчас открывают нам его совершенство.

Одной из таких фигур, отвечающей более ходу нашей мысли, чем сочетанию слов в речи, является так называемый с и л л е п с и с (syllapse), или п о н я т и й н а я ф и г у р а. Например, я говорю: *il est six heures* 'сейчас — шесть часов'. Но, следуя правилам сочетания слов, следовало бы сказать *elles sont six heures*, как и говорили, кстати, прежде. Ведь обычно говорят: *ils sont six, huit, dix, quinze hommes* 'их шесть, восемь, десять, пятнадцать человек' и т. п. Но поскольку единственной нашей целью во фразе *il est six heures* является обозначение точного времени, т. е. одного из этих часов, а именно шестого, моя мысль, которую я обращаю только на этот час, столь сосредоточена на нем, что я не обращаю внимания на форму слов, а говорю то, что ближе мне по смыслу: *il est six heures*, но не *elles sont six heures*.

Эта фигура иногда состоит в несогласованности по родам, например: *ubi est scelus qui me perdidit? букв.* 'где злодей, который меня погубил?' в несогласованности по числам, например: *turba tuunt букв.* 'множество обрушиваются', а зачастую — в погрешности против них обоих, например: *pars mersi tenuerge tatem, букв.* 'часть утопающих достигли плота', и подобных случаях.

Фигура, предполагающая опущение слов в речи, называется э л л и п с и с о м (ellipse), или н е х в а т к о й (défaut). Иногда можно подразумевать пропущенный глагол, что весьма обычно в древнееврейском, где

субстантивный глагол *быть* почти всегда подразумевается. Иногда фактически опущен номинатив, например: *pluit* — опущено *Deus* или же *natura pluit* 'Бог (природа) дождит'. Иногда же можно подразумевать существительное, при том, что эксплицитно выражено относящееся к нему прилагательное: *paucis te volo* 'короче, тебе желаю [все-го самого доброго]', предполагает *verbis alloqui* 'слова ободрения'. Иной раз опущенным бывает управляющее слово: *est Romæ* вместо *est in ubre Romæ*; иногда — управляемое, например: *facilius reperias* (предполагается *homines*) *qui Roman proficiscantur quam qui Athenas* (Cicero) 'легче найдешь (людей), которые направляются в Рим, нежели в Афины' (Цицерон).

Обороты речи, в которых употребляются излишние с точки зрения смысла слова, называются п л е о н а з м о м (pléonasme), или и з о б и л и е м (adondance). Например: *vivere vitam* 'жить жизнь', *magis major* 'больше большего' и т. п.

Фигура, в которой слова переставлены по отношению к естественному порядку, называется г и п е р б а т о м (hyperbate), или п е р е с т а н о в к о й (renversement).

Примеры всех этих фигур можно найти в грамматиках конкретных языков, и особенно — в „Nouvelles Méthodes ...“, посвященных греческому и латыни*, где о фигурах речи говорится весьма пространно.

Стоит лишь добавить, что, наверное, не существует языка, который использовал бы фигуры меньше, чем наш французский язык, ибо он особенно чтит ясность в выражении

мыслей, предпочитая обороты наиболее естественные и лишенные излишеств, хотя в то же время нисколько не уступает другим языкам в красоте и изяществе.

ПРИБАВЛЕНИЕ ОТ АВТОРОВ¹

В нашей Грамматике ничего не было сказано ни о производных, ни о сложных словах, хотя эта тема очень любопытна. Впрочем, она является более предметом Общего Словаря, нежели Общей Грамматики. Однако мы с удовлетворением уведомляем наших читателей, что за время, прошедшее после первого издания² Грамматики, вышла книга, озаглавленная „Логика, или искусство мыслить“ (*Logique, ou l'art de penser*. [P., 1662]), которая, будучи основана на тех же принципах, может наилучшим образом послужить для прояснения и доказательства многих вопросов, являющихся предметом нашей Грамматики.

¹ Впервые напечатано во втором издании „Грамматики Пор-Рояля“ (1664). — *Прим. перев.*

² Т. е. после 1660 (и до 1664 г.). — *Прим. перев.*

ЗАМЕЧАНИЯ ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСПОДИНА ДЮКЛО К ГРАММАТИКЕ ОБЩЕЙ И РАЦИОНАЛЬНОЙ „ПОР-РОЯЛЯ“ (ИЗВЛЕЧЕНИЯ)

К главе V (часть I)

⟨...⟩ Говорят, что властелином языка является обиход, или языковой обычай. При этом подразумевается, что подобное утверждение относится равно как к устной речи, так и к письменной. Я же собираюсь различать роль обихода по отношению к двум указанным видам речи. Когда речь идет о вещах чисто произвольных, необходимо следовать сложившемуся обычаю, что эквивалентно в данном случае — следовать разуму. С этой точки зрения языковой обычай является властелином *разговорного* языка (*la langue parlée*). Вполне может сложиться так, что нечто, называющееся сегодня книгой, впоследствии будет названо деревом; что зеленый в один прекрасный день будет обозначать красный цвет, а красный — зеленый, ибо нет ничего ни в природе, ни в разуме, что определяло бы необходимость обозначения некоего объекта именно таким звуком, а не другим. Подобные вариации обычая отнюдь не являются ошибочными, ибо они не страдают непоследовательностью, хотя и

отличаются непостоянством. Иное дело — письменная речь, ибо как скоро соглашение существует, с ним нельзя не считаться. Обычай должен быть последовательным в использовании знака, учреждение которого было произвольным. И наоборот, обычай не последователен и вступает в противоречие [с самим собой], когда сочетаниям звуков придается значение, отличное от уже данного им и сохраняемого в их названиях, если только это не необходимое буквосочетание, представляющее недостающий знак. Например, *e* и *i* объединяются для выражения звука *ei* как в [слове] *feu*; *o* и *u* — для передачи звука *ou* как в [слове] *soit*.

Эти гласные *ei* и *ou* не имеют соответствующих им знаков письма, а потому указанные сочетания двух букв образуют один знак. Но можно сказать, что обычай является порочным в том случае, когда для выражения звуков, имеющих собственные знаки письма, используются бесполезные комбинации букв, теряющие при этом связь с их звуковым выражением. Например, для выражения звука *è* используются сочетания *ai*, *ei*, *oi*, *oient*, как в словах: *vrai*, *j'ai*, *reine*, *conpoître*, *faisoient*. В последнем слове *ai* обозначает не что иное, как *e-немое*, а последние пять букв *oient* — *e-открытое низкое* (*e-ouvert grave*). Между тем, у нас уже есть возможность обозначить все необходимые *e* с помощью специальных надстрочных значков-акцентов (*des accents*), не прибегая к ложным комбинациям. Следовательно, можно предпринять попытку к исправлению обихода, по крайней мере, делать это следу-

ет постепенно, а не лобовой атакой, хотя бы разум давал нам на это право. Но, кстати, именно разум предостерегает нас от яростных атак, ибо в самой природе языкового обычая заложена постепенность; лишь он и может привести к успеху. Необходимо больше наблюдательности, нежели презрения к предрассудкам, от которых мы хотим избавиться.

Основная часть нации является полноправным хозяином разговорного языка, тогда как писатели имеют право на *письменный язык*.

В самом деле, писатели имеют право, более того — обязаны, исправлять то, что ими было испорчено. <...>

...В этой области истинными законодателями являются грамматисты и литераторы. <...>

К главе V (часть II)

Установление и различие родов (*genres*) является чисто произвольным (*purement arbitraire*) и не имеет каких-либо рациональных оснований. Более того, наличие родов не имеет сколько-нибудь заметных преимуществ и, напротив, создает немалые неудобства при изучении языков.

В греческом и латыни было три рода, у нас во французском языке их лишь два, а в английском вовсе нет родовых различий в именах, что является несомненным преимуществом этого языка в смысле доступности его для изучения. Но все же в английском

языке есть три рода в местоимении третьего лица: *he* 'он' — для обозначения мужского, *she* 'она' — для обозначения женского рода одушевленных существительных и *it* 'он, она, оно' — местоимение среднего рода для обозначения всех неодушевленных. Согласно широко распространенному взгляду, род в грамматике нужен лишь для того, чтобы различать пол предмета нашей речи, а поэтому родовые различия следовало бы ограничить классом людей и животных, для чего было бы вполне достаточно какой-либо различительной частицы (*un particule distinctive*).

Применение же родовых различий без исключения ко всем сущностям является по меньшей мере неразумным, и мы не восстаем против него лишь потому, что этому препятствует привычка.

⟨...⟩ Но гораздо большее неудобство представляет род с той точки зрения что наличие родовых различий делает язык исключительно трудным для овладения. Это источник постоянных ошибок не только для иностранцев, но даже и для многих коренных жителей страны. Ведь в употреблении родов можно руководствоваться лишь памятью, размышление здесь не поможет. ⟨...⟩

К главе VI (часть II)

Падежи были придуманы лишь для того, чтобы обозначать различные видения вещей сознанием или различные отношения предметов между собой. Для того чтобы язык был в состоянии выразить все эти отношения

при помощи падежей, необходимо, чтобы слова могли иметь столько же различных окончаний, сколько существует различных отношений. Однако вряд ли существует или когда-либо существовал хоть один язык, который имел бы необходимое количество таких окончаний. Впрочем, это и было бы не чем иным, как излишней и даже непомерной нагрузкой на память, и не имело бы никаких преимуществ перед более простым решением. ⟨...⟩

Многие грамматисты не совсем верно пользовались термином „падеж“. Поскольку первые грамматики были созданы для латыни и греческого, наши грамматики французского языка во многом копировали правила греческого и латинского синтаксиса. Так, часто встречается утверждение, что, например, *de* обозначает генитив, хотя этот предлог выражает лишь отношения, которые предписаны ему обиходом и зачастую значительно различаются между собой. Так что нельзя сказать, будто они соответствуют латинским падежам, ибо в целом ряде случаев латиняне для передачи смысла того же, к примеру, *de* французского языка использовали *н о м и н а т и в ы*, *а к к у з а т и в ы*, *а б л а т и в ы* или же соответствующие прилагательные. Например: *la ville de Rome, urbs Roma* 'город Рим'; *l'amour de Dieu* в смысле той любви, которую мы должны испытывать к Богу; *amor erga Deum* 'любовь к Богу'; *un temple de marbre, templum de marmore* 'мраморный храм'; *un vase d'or, vas aureum* 'золотая ваза'.

Падежи необходимы в транспози-

тивных языках, каковыми являются греческий и латынь, где инверсии встречаются очень часто.

При этом совершенно необходимо, чтобы в случае инверсий имена, выражающие одни и те же понятия, как, например, λόγος, λόγους, λόγῳ, λόγῳ, λόγῳ, λόγῳ; sermo, sermonis, sermoni, sermonem, sermone 'слово, речь', имели бы различные окончания. Ведь без этого ни читатель, ни слушатель не смогут понять, в каком отношении берется объект. Французский же язык, равно как и языки, следующие в конструкциях фраз аналитическому порядку, не нуждаются в падежах. <...>

Во французском падежи существуют лишь в личных местоимениях; *je, me, moi, tu te, toi, il, elle, nous, vous, eux* и релятивах *qui, que*. <...>

К главе VII (часть II)

Первые грамматисты даже не подозревали о том, что могут быть какие-то сомнения и трудности в природе артикля. Они просто полагали, будто артикль служит для обозначения родовых различий. Авторы же более поздних грамматик, образующие следующее, более просвещенное поколение грамматистов, во главе которого я помещаю авторов Пор-Рояля* (по крайней мере по времени появления их грамматики) ограничились лишь указанием на трудности, возникающие в вопросе об артикле, но не разрешили их. <...>

Для того чтобы изложить проблему в соот-

ветствии более с объемом комментируемой грамматики, нежели с фактической широтой этой проблемы, я подвергну анализу традиционное деление артиклей на определенные и неопределенные, которое способствовало лишь затемнению истинного смысла артикля.

Я отнюдь не собираюсь утверждать, что слово не может быть употреблено в неопределенном смысле, т. е. в значении расплывчатом и общем (*signification vague et générale*). Но в этом случае при слове не только не нужен какой-либо специальный артикль, но артикль вовсе опускается. Так, говорится, например, что некто был принят с почестями (*qu'un homme a été traité avec honneur*). Поскольку речь идет не о том, чтобы указать, какие именно почести были оказаны человеку, слово *honneur* употребляется без артикля, т. е. в неопределенном значении (*indéfiniment*). *Avec honneur* означает лишь 'с почетом, почтительно' (*honorablement*), *honneur* является дополнением к *avec* в то время как *avec honneur* — дополнением к *traité*. То же можно сказать и обо всех наречиях, которые модифицируют глагол.

Существует лишь один артикль — *le* для мужского рода, который по отношению к существительным женского рода выглядит как *la*, а во множественном числе обоих родов — как *les*. Например: *le bien, la vertu, l'injustice, les biens, les vertus, les injustices*. Этот артикль лишает имя неопределенного значения, придавая ему точный и определенный смысл как в единственном, так и во множественном числе.

Можно назвать артикль предименным словом (*prénom*), поскольку он, не обозначая ничего сам по себе, ставится перед именами, употребляемыми в субстантивном значении, по крайней мере в тех случаях, когда нет другого препозитивного слова, определяющего предмет речи и тем самым выполняющего функцию артикля. Такими являются *tout, chaque, nul, quelque, certain, ce, mon, ton, son, un, deux, trois* и все прочие количественные числительные. Все эти метафизические прилагательные определяют имена нарицательные, которые могут быть рассмотрены в общем, частном, единичном, собирательном и разделительном смыслах. *Tout homme* означает всеобщность людей в разделительном смысле, т. е. охватывает всех по одному. *Les hommes* обозначает всеобщность людей собирательно: то, что можно сказать о людях вообще, подразумевается присущим каждому в отдельности. Такое суждение (*proposition*) по своему смыслу всегда универсально. *Quelques hommes* обозначает отдельных индивидов и является субъектом частного суждения. *Le roi* 'король' представляет субъект предложения, трактуемого о единственном в своем роде предмете. *Le peuple* 'народ', *l'armée* 'армия', *la nation* 'нация' — с артиклем эти собирательные существительные рассматриваются как определенные собирательные совокупности (*collections*) индивидов.

Таким образом, назначение артикля состоит в том, чтобы определять и конкретизировать общее, или нарицательное, имя, препозитивом которого он является, а также

субстантивировать прилагательные, как, например, *le vrai* 'правда', *le juste* 'справедливость', *le beau* 'красивое' и т. п., которые становятся существительными в силу того, что употребляются с артиклем. Поэтому, если имя существительное требуется употребить адъективно (*adjectivement*), то артикль опускается. Пример: *le grammairien doit être philosophe, sans quoi il n'est pas grammairien* 'грамматист должен быть философом, иначе он не может быть грамматистом'. Как субъект предложения *grammairien* в первом случае — существительное, но как атрибут (во втором случае) оно становится прилагательным, равно как и слово *philosophe*, которое, будучи существительным по природе, употреблено в данном случае в роли прилагательного.

Перед именами собственными, по крайней мере во французском языке, артикль не употребляется, ибо имя собственное само по себе обозначает одного-единственного индивида: Сократ, Людовик, Шарль и т. д.

В отношении же того, что грамматисты пишут об артиклях неопределенных (*indéfinis*), неограниченных (*indéterminés*), частичных, средних (*moyens*) и др., то нетрудно убедиться, что это вовсе не артикли в полном смысле слова либо же артикли типа препозитивных слов, о которых мы только что говорили. *Un homme m'a dit* — здесь *un* — отнюдь не артикль, это или показатель количества объектов, или же синоним слова *certain, quidam* 'некий', 'один (человек)'. Справедливость этого суждения может быть подтверждена тем, что латиняне, вовсе не имея

шие в своем языке артикля, использовали подобные слова в сходных оборотах: *forte unam aspicio adolescentulam* (Terence) 'случайно замечаю некую молоденькую девушку' (Теренций). Здесь *unam* употреблено в значении *quamdam* 'некую'. *Un* во французском языке играет ту же роль, что и в латыни, где так же употребляли слова *uni* и *unæ*, как мы употребляем *les uns*.

Des отнюдь не является неопределенным артиклем множественного числа от *un*. Это предлог *de*, объединенный посредством стяжения с артиклем *les* для обозначения частного индивидуального смысла (*un sens partitif individuel*). Итак, *des savants m'ont dit* означает *certain* 'некоторые', *quelques* 'несколько' или же 'некоторые из них', т. е. 'из ученых говорили мне', и имеет тот смысл, что среди ученых были такие (т. е. определенная группа или же часть ученых), кто говорил мне нечто. Таким образом, *des* отнюдь не является номинативом множественного числа от *un*, как утверждают авторы Пор-Рояля; подлинный номинатив при этом лишь подразумевается.

Когда говорят *la justice de Dieu* 'справедливость Бога', *de* отнюдь не является артиклем. Это предлог, служащий для обозначения отношения принадлежности и соответствующий латинскому генитиву *justitia Dei*. Таким образом, *de* является здесь таким же предлогом, как и прочие предлоги, призванные обозначать различные отношения. <...>

На примерах, которые были нами приведены, можно убедиться, что существует лишь

один артикль (в собственном смысле этого слова), а те частицы, которые часто называют в грамматиках артиклями, имеют совершенно иную природу. Но вместе с тем имеется ряд слов, исполняющих функцию артикля, таких, как количественные числительные, притяжательные прилагательные и т. п., т. е. в конечном итоге все слова, достаточно определяющие объект мысли.

Многие грамматисты имели неосторожность предупреждать, что пользуются в подобных случаях словом „артикль“ для того, чтобы не противоречить традиционному языку грамматики. Но нам представляется, что в тех случаях, когда речь идет о вопросах, достаточно тонких и сложных, необходимо избегать двусмысленных терминов, а пользоваться лишь вполне точными, хотя бы их и приходилось создавать. Ведь люди сами по себе находятся под властью и м е н, и, когда их слуха достигает имя, которое им знакомо, они считают, что поняли его смысл, хотя зачастую не поняли ничего. <...>

К главе VIII (часть II)

Авторы грамматик до сих пор недостаточно четко определили природу местоимений, придуманных для того, чтобы замещать в речи имена, вызывать в памяти смысл этих имен, при этом избегая их слишком частого повторения. Отсюда *mon, ton, son* не являются местоимениями, ибо они не замещают в речи имена, но употребляются вместе с именами. Это не что иное, как прила-

гательные, которые можно было бы назвать притяжательными (possessifs) по их значению и местоименными (pronominiaux) — по происхождению. Напротив, *le mien, le tien, le sien* представляют нам истинными местоимениями. Например: *je défends son ami, qu'il défend le mien* 'я защищаю его друга, так пусть же он защитит моего'; здесь слово *ami* 'друг' подразумевается в слове *mien*. Если бы имя существительное было выражено эксплицитно, слово *mien* стало бы притяжательным прилагательным, как и было когда-то во французском языке — *un mien ami*, в то время как в случае опущения имени существительного *ami*, слово *mien*, предваряемое артиклем, употреблено субстантивно и может рассматриваться как местоимение. Если мы будем следовать этому принципу, *notre* и *votre* могут быть либо прилагательными, либо местоимениями в зависимости от их употребления. <...>

Заметим, что вообще научить употреблять слова может только обиход (l'usage), но грамматисты должны входить и в более тонкие детали*. Следует проникать в суть слов, определять и классифицировать их согласно значению, а не по одному лишь их звуковому материалу. И если необходимо избегать ненужных различий в классификации слов, лишь обременяющих память, но несколько не помогающих разуму, то не следует и смешивать различные виды слов. Важно различать в словах каждого языка слова, обозначающие реальные или абстрактные субстанции, истинные местоимения, квали-

фикативы (qualificatifs), прилагательные, обозначающие физические или же метафизические свойства, и слова, которые, не давая какого-либо ясного представления о субстанции или о модусе, являются не чем иным, как указателем, индикатором, и вызывают в сознании лишь идею существования, как, например, *celui, celle, ceci, cela* и т. п. Подобные указательные слова имеют определенный смысл лишь в определенных обстоятельствах. Это не что иное, как метафизические термины, служащие только для обозначения простых понятий, а также различных видений вещей сознанием.

Грамматисты могут выдвигать различные концепции, касающиеся природы и числа местоимений. Вполне возможно, что с философской точки зрения не существует собственно местоимений, кроме местоимений третьего лица *il* 'он', *elle* 'она', *eux* 'они' (мн. число, мужской род), *elles* 'они' (мн. число, женский род), ибо то, что называют местоимением первого лица, обозначает единственно самого говорящего, а то, что называют местоимением второго лица, — слушающего. В целом эти указатели довольно избыточны, ибо здесь и без них невозможно ошибиться. В латыни и греческом эти слова употреблялись весьма редко, что несколько не мешало пониманию речи, тогда как местоимение третьего лица совершенно необходимо во всех языках. Без него мы будем обречены на раздражающе бесконечное повторение имени. Но сегодня речь даже и не идет об изменении номенклатуры терминов. Предприятие сие представляется нам совершен-

но бесполезным, может быть, даже и невозможным вообще, хотя бы потому, что самый успех его несколько не будет способствовать прогрессу искусства речи и письма.

К главе XI (часть II)

Заметим, что один и тот же предлог может обозначать не только различные отношения, что всегда казалось недостатком языка, в котором встречается подобное, но он может обозначать даже прямо противоположные отношения, что считалось всегда серьезным изъяном. Но ведь в этом есть и определенное преимущество! Если бы каждое из отношений между словами должно было выражаться отдельным, специально для этого предназначенным предлогом, то количество предлогов в языке стало бы непомерно большим, от чего этот язык несколько бы не выиграл в смысле ясности и точности. Разве столь важно само по себе, рождается ли ясность и определенность значения из отдельно взятого предлога или же она создается за счет взаимодействия его с другими словами, входящими в предложение? Все равно рассудок наш в итоге воспринимает все части предложения вкупе, чтобы постичь его смысл. Если одного только предлога недостаточно для определения отношения между словами, то он лишь объединяет два слова во фразе, а отношение между ними определяются уже его общим смыслом.

Например, в следующих двух фразах, смысл которых прямо противоположен: Louis

a donné à Charles 'Людовик дал Шарлю' и Louis a ôté à Charles 'Людовик отнял у Шарля', предлог à связывает два члена предложения (*termes de la proposition*). Но подлинный смысл фразы вытекает отнюдь не из предлога à, но из общего ее смысла (*le sens total*).

Что же касается отношений не противоположных, а просто различных, то обладание ими можно проиллюстрировать на примере предлога *de*.

1° Он служит для образования качественных прилагательных: *une étoffe d'écarlate* 'материя пунцовой окраски'.

2° Предлог *de* является экстрактивной частицей (*particule extractive*): *du pain, pars alicqua panis* 'некоторое количество хлеба'.

3° *De* обозначает отношение принадлежности: *le livre de Charles* 'книга Шарля'.

4° *De* используется в смысле *в течение, в продолжение*: *de jour* 'дня', *de nuit* 'ночи'.

5° Этот предлог используется в значении *по отношению к, относительно чего-либо*: *parlons de cette affaire* 'поговорим об этом деле'.

6° В значении *по причине, из-за*: *je suis charmé de sa fortune* букв. 'я очарован [кем-то] из-за его везения'.

7° *De* служит для образования наречий: *de dessein prémédité* 'преднамеренно, умышленно'.

Думается, что бесполезно далее продолжать рассуждения о пользе подобного употребления предлогов, ибо читатель наш может весьма легко это сделать сам.

Не следует говорить „большинство этих частиц“. Наречия вовсе нельзя отнести к частицам, хотя возможны частицы, выступающие в роли наречий, поэтому сказать, „большинство“ — значит выразиться неточно. Любое слово, которое может быть передано сочетанием предлога с именем, является наречием, и каждое наречие восходит к подобному сочетанию, например: *constamment* 'постоянно' = *avec constance* 'с постоянством'; *on y va* = *on va dans ce lieu-là* 'идут туда'.

Вообще частица (*particule*) — весьма неопределенный термин, чрезмерно часто используемый в грамматиках. При этом утверждается, что к разряду частиц относятся наиболее трудно определяемое в языках. Вероятно, это так и есть для тех, кто не желает или не может определять разряды слов, следуя их природе, а довольствуется лишь объединением под одним общим названием слов, имеющих зачастую весьма различную природу. Вообще, частица — это просто-напросто маленькая часть, скорее всего, односложное слово, и нет такой части речи, которая бы не включала хотя бы нескольких подобных слов. Авторы Пор-Рояля более чем кто-либо из грамматистов пытались провести все возможные разграничения, но в ряде случаев они поддавались влиянию заблуждений грамматистов своей эпохи. Заметим, что это возможно и в наше время, и избежать этого можно лишь в случае внимательного и рассудительного обращения с фактами.

Поскольку различные времена и наклонения в глаголах столь умножились только из-за необходимости большей точности и ясности речи, я позволю себе высказать одно соображение, которого не встречал ни в одной грамматике. Оно касается разграничения, которое следовало бы делать, но которое весьма редко делают даже писатели, относительно употребления продолженного и преходящего времени, в случае если действие непосредственно связано с другим временем и от него зависит. В ряде случаев настоящее время было бы более подходящим, нежели прошедшее несовершенное время (*imparfait*), которое обычно в этих случаях употребляется. Поясню на примерах: *on m'a dit que le roi était parti pour Fontainebleau* 'мне сказали, что король отбыл в Фонтенбло'. Фраза правильна и точна, поскольку *partir* относится к прошедшему времени, но мне кажется, что, говоря о вечных истинах, о непреходящих вещах, мы уже не можем столь уверенно употреблять прошедшее несовершенное время. Отнюдь не столь безупречны будут, к примеру, фразы: *j'ai fait voir que Dieu était bon* *букв.* 'я заставил увидеть, что бог был добр'; *que les trois angles d'un triangle étaient égaux à deux droits* *букв.* 'что три угла треугольника в сумме были равны двум прямым углам'. В данном случае следует говорить: *que Dieu est* и т. д., *que les trois angles sont* и т. п., ибо эти предложения содержат в себе вечные, не зависящие от времени истины.

В речи зачастую также используется плюсквамперфект (*plus-que-parfait*), хотя прошедшее несовершенное время в ряде случаев и представляется более уместным, особенно после союза *si*. Например: *je vous aurais salué, si je vous avais vu* 'я бы вас приветствовал, если бы увидел'. Фраза является вполне правильной, ибо речь идет о совершившемся в прошлом действии. Но допустим, что некто со слабым зрением смотрит на прохожих и не может их опознать. Для этого человека гораздо естественнее сказать *si je voyais*, а не *si j'avais vu*, ведь не видеть тех, кто проходит мимо него, в данном случае — его обычное состояние. Точно так же не следует говорить: *il n'aurait pas souffert cet affront, s'il avait été sensible* 'Он не стал бы сносить этого оскорбления, если бы был более чувствительным'. Более уместно сказать *s'il était*, учитывая, что *sensibilité* 'чувствительность' является для человека постоянным качеством, которым он либо обладает, либо нет.

К главе XVII (часть II)

Авторы латинских грамматик сами себе добавили трудностей в случае передачи так называемого *que retranché* (устраненного *que*). Между тем следовало бы просто-напросто провести более четкие границы между идиоматическими оборотами двух языков, различая латинизмы и галлицизмы.

В латыни вовсе не было так называемого устраненного *que*, а отсюда не могло

быть и каких-либо правил его употребления. Но так же, как номинатив использовали в случае употребления определенных наклонений, пользовались аккузативом при неопределенных наклонениях. В тех же случаях, когда с инфинитивом употребляли номинатив, это делалось в подражание грекам, в языке которых при этом не различались по употреблению названные два падежа.

Помимо способности инфинитива присоединять одно предложение к другому, инфинитив в сочетании с аккузативом может быть субъектом или же выразителем действия главного предложения. Во фразе *magna ars non apparere artem* 'большое искусство не обнаружить искусства' инфинитив в сочетании с аккузативом является субъектом предложения: *empêcher l'art de paraître est un grand art* 'препятствовать искусству обнаружить себя — большое искусство'.

В другой же фразе сочетанием аккузатива с инфинитивом выражен смысл, который можно приравнять к смыслу глагольного действия действительного залога: *credo tuos ad te scripsisse*, что буквально означает: 'верю, твои тебе написали'. Если это выразить по-французски, это зазвучит как *je crois que vos amis vous ont écrit* 'верю, что...'

Заметим, что употребление инфинитива вместо оборота с *que* нередко встречается и во французском языке, более того, подобный оборот зачастую более изящен. Мы скажем скорее: *il prétend réussir dans son entreprise* 'он предполагает преуспеть в своем начинании', нежели *il prétend qu'il réussira* 'он воображает, что будет иметь успех'.

Пожалуй, трудно найти в грамматике другое правило синтаксиса, которое приводило бы грамматистов в большее замешательство, вызывало бы у них столько разногласий, как правило о склоняемых причастиях во французском языке. Более того, если бы они хотя бы сошлись на чем-то одном, пусть даже на одной и той же ошибке, то эта ошибка перестала бы быть таковой и стала бы не чем иным, как языковым обычаем, а следовательно, правилом. Но поскольку в отношении упомянутого предмета обиход все-таки не обнаруживает постоянства, мы считаем себя вправе обратиться за помощью к разуму, то есть прибегнуть к аналогии. Чем последовательнее правила, тем легче нам их усвоить и понять; чем более ясными являются исходные принципы, тем меньше требуется нам правил для описания и тем заметнее уменьшается количество исключений.

Возможно, удобнее было бы договориться о том, чтобы сделать причастия неизменяемыми вообще, независимо от того, предшествуют ли они дополнению или же следуют за ним. В этом случае противоречия, касающиеся употребления причастий, были менее вероятны.

Но поскольку все писатели сходятся на том, что в ряде случаев причастия должны все же изменяться по родам, следует попытаться раскрыть принцип изменения причастий. Я собираюсь изложить здесь свою точку зрения.

Итак, причастие является склоняемым в том случае, если оно следует за вспомогательным глаголом и предворяется при этом местоимением в аккумулятиве, управляемым этим вспомогательным глаголом и причастием.

Хотя во французском языке нет падежей в собственном смысле, я использую слово „аккумулятив“, чтобы избежать перефразирования в случае толкования примеров. Но понимаю я под аккумулятивом не что иное, как простое дополнение (*le régime simple*), обозначающее непосредственный объект действия, выраженного глаголом. При этом я противопоставляю его сложному дополнению (*régime composé*), для которого используется предлог. Например, *j'ai donné un livre à Pierre* 'я дал книгу Пьеру', *livre* — это простое, или прямое, дополнение, в то время как *à Pierre* — сложное дополнение, соответствующее дативу.

Далее, я хочу отметить, что местоимение, о котором идет речь, управляется вспомогательным глаголом и причастием вместе, ибо последние в совокупности выражают какое-либо время глагола в действительном залоге. Отдельно взятое причастие изменяется при этом потому, что выступает в роли прилагательного, определяющего это местоимение.

Перейдем к примерам, развивающим и подтверждающим сформулированный выше принцип.

Итак, примеры: *les lettres que j'ai reçues* 'письма, которые я получил'; *les entreprises qui se sont faites* 'начинания, которые во-

плотились'; la justice que vos juges vous ont *rendue* 'справедливость, которую вам воздали ваши судьи'.

С точки зрения смысловой и синтаксической вполне можно сказать: que vous *ont rendue* vos juges. Эти фразы совершенно равнозначны, независимо от того, предшествует ли номинатив глаголу или же следует за ним. Если же вторая фраза покажется недостаточно хорошо звучащей, то ее можно сохранить в первоначальном виде, который является для нашего языка куда более естественным. Но если даже необходимо, чтобы предложение заканчивалось номинативом, или же нам этого хочется, все равно на изменимость причастия это не повлияет: оно останется склоняемым.

Разного рода надуманные исключения, которые обычно делались даже очень опытными грамматистами для случаев, когда субъект действия, выраженного сочетанием вспомогательного глагола и причастия, стоит перед глаголом, являясь чистыми химерами. Если бы они попытались открыть ясный и постоянный механизм действия изменемости причастий, то избежали бы заблуждений, заставляющих их видеть исключения там, где их вовсе нет. Более того, они смогли бы убедиться в том, что нет примеров, противоречащих принципу, сформулированному мною выше.

Примеры: *imites les vertus que vous avez entendu louer* букв. 'подражайте добродетелям, о которых вы слышали похвальные слова'. Следует употреблять форму *entendu*, а не *entendues*, ибо местоимение управляет-

ся не глаголом *entendre*, но глаголом *louer*.

Terminez les affaires que vous avez prévu que vous auriez букв. 'заканчивайте те дела, которых, как вы предполагали, вам не избежать'. Здесь также не следует употреблять формы *prévoir*, так как местоимение управляется не глаголом *prévoir*, но словосочетанием *vous auriez*.

Elle s'est fait peindre 'она заказала свой портрет', но не *faite*, ибо местоимение управляется глаголом *peindre*, т. е. *elle a fait peindre elle*.

Elle s'est crevé les yeux 'она выколола себе глаза', но не *crevée*, так как здесь именно слово *les yeux* является прямым дополнением глагола *crever*, а вовсе не местоимение, которое фактически выступает в роли косвенного дополнения и стоит по смыслу в дативе, а не в аккузативе. Действительно, сказанное означает: *elle a crevé les yeux à elle*.

Elle s'est tuée 'она сама себя убила', но не *tué*, ибо местоимение управляется глаголом *tuer*.

Elle s'est laissée mourir 'она дала себе умереть', а не *laissé*, ибо местоимение является дополнением глагола *laisser*, а не *mourir*, стоящего в неопределенной форме и не управляющего другими словами.

Elle s'est laissé séduire 'она дала себя обольстить', а не *laissée*, ибо местоимение управляется глаголом *séduire*, но не *laisser*, т. е. смысл таков: *elle a laissé séduire elle*. (<...>)

Следует также говорить и писать: *elle s'est rendue la maîtresse*; *elle s'est trouvée guérie*; *elle s'est rendue catholique*.

Имя существительное в данном правиле ничего не меняет. Ведь в первом случае оно употребляется адъективно и выступает атрибутом другого субстантива, а именно выраженного местоимением. В следующих двух примерах склоняемое причастие представляет собой не что иное, как первое прилагательное, с которым другое должно согласовываться так же, как причастие само согласуется, вследствие отношения тождества, с местоимением, являющимся его субстантивом. Здесь вполне уместна аналогия грамматики с геометрией: мы утверждаем, что два члена связаны между собою отношением тождества, когда каждый из них порознь связан отношением тождества с третьим.

Таким образом, из пяти примеров, приведенных в „Грамматике Пор-Рояля“, два первых совершенно верны, но не точны пояснения, даваемые к ним, три же остальных примера следует признать неправильными оборотами.

Что же касается частицы *en*, употребляемой в местоименном или же относительном смысле, то поскольку она всегда предполагает предлог *de*, эта частица не может никогда служить прямым дополнением, являясь всегда косвенным. В силу сказанного выше она не должна влиять на относящееся к ней причастие.

Примеры: *De deux filles qu'elle avait, elle en a fait (no ne faite) une religieuse* 'из двух дочерей, которые были у нее, одну она сделала монахиней'. Прямым дополнением, или же аккузативом, здесь является *une*: *elle a fait une d'elles*. Но при этом

следует говорить: *elle n'avait que deux filles, elle les a faites religieuses* 'у нее было лишь две дочери, и их обеих она сделала монахинями', ибо местоимение *les* является прямым дополнением глагола *faire*.

Некоторые полагают, что это вполне закономерно — обладать речевой манерой, несколько отличающейся от грамматической нормы, и в силу этого допускают исключения.

Но ведь само по себе понятие обихода, речевой манеры столь же расплывчато, как и понятие публики.

Мы предложили здесь принцип, представляющийся вполне надежным в применении, и думается, что легче и естественнее следовать этому принципу, нежели изобретать сложные и запутанные исключения. Затруднения, которые зачастую вызывало употребление различных форм причастий в описанных случаях, проистекали оттого, что различные случаи рассматривались как сходные, а случаи абсолютно идентичные — как различные.

Например, два сходных случая: *les hommes que Dieu a créés* 'люди, которых Бог сотворил'; *les hommes que Dieu a créés innocents* 'люди, которых Бог создал безгрешными' являются абсолютно идентичными, ибо *créés* и *innocents* связаны порознь отношением тождества с *hommes*.

А вот два различных случая, в отношении которых часто заблуждались, полагая их сходными. Здесь для большей наглядности я использую один и тот же глагол в противоположных по контексту примерах:

la maison que j'ai faite 'дом, который я построил'; la maison que j'ai fait faire 'дом, который я распорядился построить'.

В первом случае вспомогательный глагол и местоимение управляют местоимением que должным образом, и местоимение это предшествует причастию. Во втором же примере местоимением управляет инфинитив faire; а, как было установлено нами, для того, чтобы причастие стало склоняемым, необходимо, чтобы местоимение не только предшествовало причастию, но и управлялось при этом вспомогательными глаголом и причастием. В первом случае я употребляю форму j'ai fait, поскольку причастие является переходным (transitif): j'ai faite elle, а поэтому и que j'ai faite, так как местоимение стоит в препозиции. Во втором случае я говорю fait faire, ибо глагол fait здесь не переходный (intransitif), а переходным является инфинитив faire. Трудности, возникающие в подобных ситуациях, проистекают от неразличения случаев с переходным глаголом и случаев, когда глагол таковым не является.

Добавим еще несколько примеров: Avez-vous entendu chanter la nouvelle actrice? 'Слышали ли вы, как поет эта новая актриса?' Je l'ai entendue chanter, то есть j'ai entendu elle chanter (или chantant).

Avez-vous entendu la nouvelle ariette? Je l'ai entendu chanter 'Слышали ли вы новую ариетту? Я слышал, как ее пели', то есть j'ai entendu chanter l'ariette. В первом примере переходным является entendu, а во втором — chanter.

Еще примеры: Une personne s'est présentée à la porte, je l'ai laissée passer 'Какая-то особа появилась на пороге, я пропустил ее', то есть: j'ai laissé elle passer. Но при этом следует говорить: je l'ai fait passer, а не faite; ибо здесь смысл таков: j'ai fait passer elle.

Или же, например: Avec des soins on aurait sauvé cette personne, on l'a laissée mourir 'При хорошем уходе ее могли бы спасти, но ей дали умереть', то есть on a laissé elle mourir, но при этом следует говорить: le remède l'a fait mourir 'это лекарство ее убило', ибо смысл здесь: a fait mourir elle.

Есть целый ряд контекстов, где fait представляет собой непереходный глагол: это происходит в тех случаях, когда он образует сложную форму слова в сочетании со следующим за ним инфинитивом. Эти контексты нетрудно распознать с большой долей точности и уверенности.

Я думаю, что поставленная проблема достаточно подробно мною здесь разработана, т. е. достаточно ясно сформулированы и развиты начала, лежащие в основе действия правила. И все же, если при посредстве большинства известных писателей установился иной обычай, противоречащий данному правилу, я сочту необходимым рассматривать в качестве правила именно этот обиход, даже если он и противоречит моему чувству языка.

Я представил свои соображения на рассмотрение Академии и ряду заинтересованных лиц. Они, как мне кажется, привели все возможные возражения, на которых мой

принцип склонения причастия мог бы быть проверен. И ныне я вправе полагать, что устранил все возражения. Если же мы обратимся к анализу мнений авторитетов на этот счет, то увидим, что Малерб, Вожла, Ренье* и другие отнюдь не обнаруживают здесь единства.

Они представляют нам скорее свои сомнения, нежели законченные решения, что объясняется, по всей видимости, отсутствием стремления к нахождению единого неизменного принципа в этом вопросе. Кроме того, каким бы уважаемым ни был авторитет в области науки и искусства, мы всегда имеем право подвергнуть его мнение анализу и проверке. Ведь если бы авторитет ценился выше, чем разум, люди никогда не смогли бы сделать очередного шага к истине.

К главе XXIV (часть II)

Грамматика любого языка имеет два начала: словарь и синтаксис.

Все слова языка являются не чем иным, как знаками понятий, и образуют в совокупности лексикон, или словарь языка. Но нам недостаточно лишь того, чтобы каждое понятие имело для обозначения соответствующий знак, ведь понятия не рассматриваются изолированно друг от друга и каждое в отдельности; их следует соположить друг с другом, чтобы образовать из них суждения. С этой целью и были придуманы средства для обозначения различных отношений подоб-

ного рода. Это и составляет предмет синтаксиса и правил сочетания слов друг с другом. Все законы синтаксиса, все типы связей между словами можно свести к двум: отношению тождества (*le rapport d'identité*) и отношению детерминации (*le rapport de détermination*).

Каждое прилагательное, будучи лишь выразителем качества существительного, и каждый глагол, будучи лишь выразителем способа бытия [субстанции], связаны с существительным отношением тождества.

Прилагательное должно согласовываться с существительным в роде, числе и падеже (в языках, где есть падежи). Глагол же должен согласовываться в числе и лице, ибо прилагательное и глагол являются не чем иным, как модификациями субстантива, или существительного, к которому они относятся.

Примеры: *une belle maison* 'красивый дом', *de beaux jardins* 'красивые сады'. Говорится *belle*, ибо это слово относится к *maison*, существительному единственного числа, женского рода, но *beaux*, ибо слово *jardins* является существительным множественного числа, мужского рода.

Un bon roi aime le peuple 'хороший король любит свой народ'. *Un, bon, roi, aime* являются представлениями одного и того же объекта. Между всеми этими четырьмя словами существует отношение тождества.

Таким образом, как бы ни разделялись во фразе прилагательное с существительным, к которому оно относится, как бы далеко ни отстоял от своего существитель-

ного глагол, какие бы, наконец, ни допускались инверсии, подобные тем, которые позволяют греческий и латынь в оформлении фразы, рассудок наш все равно объединяет по смыслу все слова, связанные отношением тождества.

В приведенной выше фразе слово *peuple* уже не связано с *un bon roi aime* отношением тождества, но связано отношением детерминации со словом *aime*. Это отношение определяет для нас, кого — в данном утверждении — любит хороший король.

Необходимо отметить, что отношение тождества объединяется с отношением детерминации, когда мы говорим *bon roi* 'хороший король'. *Bon* связано отношением тождества с *roi*, но вместе с тем *bon* 'хороший' и определяет *roi* 'короля'. Но слово *peuple* 'народ' связано со словом *roi* 'король' только отношением детерминации.

Отношение тождества — основа для согласования в роде, числе и т. д. Отношение детерминации — основа управления. Иными словами, оно требует, чтобы управляемое слово имело то или иное окончание, в соответствии с требуемым падежом для языков, где есть падежи, или же занимало определенное фиксированное место во фразе для языков, где собственно падежей нет, как, например, во французском. Так, для латыни безразлично, скажем ли мы *rex amat populum* или *populum amat rex*. Смысл фразы будет одним и тем же. Но для того, чтобы передать этот смысл на французском, необходимо сказать: *le roi aime le peuple* 'Король любит свой народ', ибо если мы изменим

порядок слов и поставим слово *roi* на место слова *peuple*, а слово *peuple* — на место слова *roi*, смысл фразы станет иным: 'народ любит короля', ибо во французском языке расположение слов во фразе определяет их синтаксические отношения.

Таким образом, синтаксис сводится к двум описанным видам отношений, и под них могут быть подведены также все фигуры конструкций. {...}

ТРАДИЦИЯ ИЗДАНИЯ
И КОММЕНТИРОВАНИЯ
„ГРАММАТИКИ ПОР-РОЯЛЯ“
ВО ФРАНЦИИ

О „Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля“ написаны целые тома исследований; без упоминания о ней не обходится ни один учебник истории языкознания, о ней говорится в истории логики и философии. Гораздо менее известна дальнейшая судьба этой грамматики: как, когда и где она издавалась и переиздавалась, какие вносились в нее при этом изменения. Подобные историографические вопросы не могут не быть предметом нашего внимания, ибо настоящее издание — первый перевод „Грамматики Пор-Рояля“ на русский язык¹.

Необходимость подобного издания очевидна. Без него сейчас не может обойтись не только историк языкознания, но и любой

¹ В 1810 г. преподаватель Петербургской гимназии Николай Язвицкий издал „Всеобщую философическую грамматику“ (СПБ, 1810). Как пишет акад. В. В. Виноградов, «это был отчасти перевод, отчасти искаженная переделка» „Грамматики Пор-Рояля“. — См.: Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1958, с. 124.

филолог, историк философии, логик и т. д. Представление о развитии словесных наук без чтения этого текста будет далеко не полным, ибо „Грамматика Пор-Рояля“ — замечательный памятник филологической мысли. На основные европейские языки эта „Грамматика“ была переведена еще в XVIII — XIX вв., что сделало ее „освоенной“ в странах, говорящих на английском, испанском, итальянском и немецком языках, органичным и естественным процессом. В России идеи „общих и рациональных грамматик“ или, как их называли в начале XIX в., „всеобщих философических“ грамматик, усваивались в основном через труды последователей авторов Пор-Рояля — французских грамматистов конца XVIII — начала XIX вв. Это было вызвано целым рядом причин, среди которых можно назвать и отсутствие удовлетворительного перевода „Грамматики Пор-Рояля“ на русский язык¹.

О судьбе изданий „Грамматики“ А. Арно и Кл. Лансло в мире можно написать целую увлекательную книгу, но нас преимущественно интересует собственно французская традиция „общих“ грамматик в XVIII — начале XIX в., важнейшей ветвью которой было непосредственное развитие идей авторов Пор-Рояля в комментариях, которыми снабжались издания „Грамматики“ с середины XVIII в.

Первое издание „Общей и рациональной

¹ См.: Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII — начала XIX века. Структура знания о языке. М.: Наука, 1987.

грамматики“ появилось в 1660 г. (2-е — в 1664 г.). Авторы ни на титуле, ни на обложке не указаны; грамматика подписана инициалами издателя D.T. (De Trigny). Первое издание грамматики содержало все 6 глав первой части и 23 главы второй части. Если ориентироваться на дополненные издания грамматики, начиная с третьего, вышедшего в свет в 1676 г., то можно сказать, что ко второй части была добавлена еще глава о безличных глаголах, и таким образом во второй части стало 24 главы. Изменилась и нумерация глав, начиная с XIX, так как была добавлена именно эта глава. Оказалась дополнена в этом издании и IX глава; она вышла с „продолжением“, не вошедшим в текст русского перевода по причине слишком частного характера замечаний и грамматических комментариев, снабженных в качестве иллюстрации общих теоретических положений материалом латыни. Авторами этого текста являются, вероятно, Кл. Лансло и Б. Лами (B. Lamy), автор одной из самых популярных во Франции XVII в. риторик*.

Четвертое издание грамматики появилось в 1679 г. (изд. Ле Пети), пятое — в 1709 г. (изд. Жана де Нюлли). Они полностью повторяли третье издание.

Шло время. „Грамматика Пор-Рояля“ стала библиографической редкостью. Отсутствие в библиотеках филологов этой книги начало особенно сильно ощущаться к концу 40-х гг. XVIII в. Это было время наивысшего расцвета во Франции традиции „общих и рациональных“ грамматик, время выхода

в свет работ таких выдающихся грамматистов Франции XVIII в., как Г. Жирар*, д'Оливье**, дю Марсэ***. Для укрепления позиций „общей грамматики“, по отношению к которой все „частные грамматики“ занимают „подчиненное положение“¹, необходимо было вернуться к истоку общеграмматической теории во Франции. К середине XVIII в. уже были отчетливо сформулированы определения „грамматической науки“ (la science grammaticale) и „грамматического искусства“ (l'art grammatical). Дю Марсэ приравнивал „общую грамматику“ к „грамматической науке“, а „частную“ — к „грамматическому искусству“. Все эти противопоставления науки искусству в области грамматики, общей грамматики — частной окончательно оформились только в XVIII в. Это было связано с общей тенденцией середины XVIII в. к четкому разграничению областей науки и искусства в человеческом знании и умении вообще². Но фактически предмет общей грамматики как „рациональной“ грамматики, основанной „на разуме“, на „законах логического рассуждения“, был определен именно в „Грамматике Пор-Рояля“. Поэтому к середине XVIII в. необходимость в комментариях к прославленному сочинению Арно и Лансло стала очевидной.

Во-первых, необходимо было разъяснить ряд положений „Грамматики Пор-Рояля“

¹ Fromant. Réflexions sur les fondements de l'art de parler. — В кн.: Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Éd. A. Bailly. Genève, 1968, p. 236.

² См.: Бокадорова Н. Ю. Указ. соч.

с точки зрения современных для середины XVIII в. взглядов, а также с учетом изменений, происшедших во французском языке за тот век, что прошел со времени выхода в свет „Грамматики“.

Во-вторых, необходимо было проследить, как развивались идеи авторов Пор-Рояля в трудах наиболее известных грамматистов Франции, т. е. постичь фактический путь этих идей во французской грамматической мысли с момента выхода в свет „Грамматики Пор-Рояля“.

Эти задачи были поставлены и выполнены в двух наиболее широко известных и полных комментариях к „Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля“ — в „Замечаниях“ (Remarques), написанных королевским историографом, академиком Ш. Пино Дюкло (Duclos)¹, и в «Размышлениях о началах искусства речи, служащих толкованию и дополнению „Общей и рациональной грамматики“ с извлечениями из авторов, наиболее способствовавших углубленному изучению грамматической науки, составленных аббатом Фроманом, каноником собора Нотр-Дам и принципалом Вернонского коллежа» (Réflexions sur les fondements de l'art de parler, pour servir d'éclaircissements et de supplément a la Grammaire Générale et Raisonnée, recueillies des auteurs qui ont le mieux approfondi la science grammaticale, par M. l'abbé Fromant, Chanoine de Notre-Dame et Principal du Collège de Vernon).

¹ Grammaire générale et raisonnée... P., 1754.

Ш. Пино Дюкло как постоянный секретарь Французской академии должен был разработать каждую главу грамматики Арно и Лансло в соответствии с теми требованиями, которые в середине XVIII в. предъявлялись к академическому нормативу грамматического описания. Как известно, за сто лет, прошедших со времени выхода в свет „Грамматики Пор-Рояля“, Французская академия так и не признала ни одной грамматики французского языка достойной звания академической¹. „Грамматика Пор-Рояля“ в связи с таким положением дел продолжала оставаться методологическим образцом в области грамматики, и общество как бы ожидало такого автора, который сумеет достойно применить ее идеи и методологию в целом к описанию французского языка. Сама же грамматика Арно и Лансло академическим нормативом французского языка служить не могла, так как была „общей“, а не „частной“ грамматикой. Метод „рационального“ анализа речи, предложенный авторами Пор-Рояля, должен был быть применен к описанию французского языка, и тем самым была бы создана „частная и рациональная“ грамматика, занимающая по отношению к „общей и рациональной“ грамматике подчиненное положение. Но так как эта задача к середине XVIII в. оказалась невыполненной, то Французская академия должна была снова поставить этот вопрос на повестку дня. Одновре-

¹ См. об этом: Baudry de Saunier. Gaités et tristesses de la grammaire de l'Académie Française. P., 1932.

менно необходимо было определить методологические позиции Академии в связи с теми изменениями, которые произошли в грамматической мысли. Самым кратким и эффективным путем решения этой задачи был путь тщательного комментирования каждой главы „Грамматики Пор-Рояля“ в соответствии с достижениями грамматической мысли и новыми идеями в области методов грамматических исследований. Необходимо было дать грамматистам и читателю середины XVIII в. авторитетный образец в области грамматического описания, „идуший в ногу со временем“, прочитанный глазами ученого-современника.

Комментарий Дюкло напоминает замечания на полях; недаром он помещается обычно не отдельным текстом, а печатается петитом в конце каждой главы¹. Основной методологической посылкой комментария служит отношение к языковому материалу в грамматическом описании.

Как известно, авторы Пор-Рояля формулировали позицию грамматиста как позицию человека, вооруженного в отличие от обычного носителя языка „рациональными“, или „разумными“, основаниями анализа речи. В конце X главы Арно и Лансло подчеркивают, что „рациональность“ грамматики не означает, что грамматист стре-

мится перекроить язык в соответствии с „законами разума“: „обороты речи, принятые в общем обиходе, следует оценивать как хорошую речь, даже если они противоречат правилам и принципу аналогии“ (наст. изд., с. 141).

Дюкло поддерживает авторов Пор-Рояля. В примечаниях к XXII главе о правилах „склонения причастий во французском языке“ ему удается установить, как он полагает, подлинную причину склонения причастий. При этом он анализирует наиболее трудный случай для грамматиста, т. е. такой, когда „обиход не обнаруживает постоянства“. Здесь-то грамматист и должен „обратиться за советом к разуму, то есть прибегнуть к аналогии“, здесь он и должен активно вмешаться в развитие языка, должен направить обиход, дать четкое правило, так как „чем последовательнее правила, тем легче нам их усвоить и понять... тем меньше требуется нам правил для описания“ (наст. изд., с. 232).

Как поступить, например, в данном случае? „Возможно, — пишет Дюкло, — удобнее было бы договориться о том, чтобы сделать причастия неизменяемыми вообще“, но это невозможно, так как „все авторитетные писатели“ сходятся на том, что в ряде случаев причастия должны все же изменяться по родам“. Итак, с одной стороны грамматика подчинена законам разума, с другой — накладывающимся на законы разума авторитетным употреблением. Это употребление может противоречить „разумным“, логическим началам, но из языка

¹ Так он печатается практически во всех изданиях „Грамматики Пор-Рояля“ с 1754 г. В настоящем томе мы даем текст комментария Дюкло отдельно, так как не имели возможности дать полный перевод текста Дюкло, в чем, впрочем, в настоящее время, быть может, и нет необходимости.

грамматист исключать его не должен.

„...Если при посредстве большинства известных писателей установился иной обычай, противоречащий данному правилу, я сочту необходимым рассматривать в качестве правила именно этот обиход“ (наст. изд., с. 239). Но там, где и между авторитетными писателями есть противоречия, должен активно и своевременно включаться грамматист. Он не должен при этом оглядываться на своих предшественников — грамматистов, не должен идти у них на поводу; он должен искать истину, опираясь на „законы разума“: „каким бы уважаемым ни был авторитет в области науки и искусства, мы всегда имеем право подвергнуть его мнение анализу и проверке. Ведь если бы авторитет ценился выше, чем разум, люди никогда не смогли бы сделать очередного шага к истине“ (наст. изд., с. 240).

Таким образом, по сравнению с позицией авторов Пор-Рояля позиция Дюкло по отношению к „обиходу“ и „разуму“ („аналогии“) более строго определена. Позиция же авторов Пор-Рояля была гораздо более умеренной. Они лишь рекомендовали не приводить „образцы речи“, „противоречащие правилам и принципу аналогии“, в „доказательство опровержения правил“, подавая первые „как исключения“.

Большая определенность позиции Дюкло в отношении обихода и разума в грамматическом описании объясняется тем, что к середине XVIII в. французский литературный язык уже прошел стадию „классического языка“, приобретя черты зрелого

национального языка¹. Он с равным успехом применялся во всех сферах общения, в том числе и в науке, тогда как ещё в конце XVII — начале XVIII в. Ш. Роллен² жаловался на то, что по-французски писать научные сочинения весьма трудно³. Дюкло опирался на богатую литературную традицию и культуру „нового стиля“, т. е. французского языка, начиная с Расина до середины XVIII в. Этот язык был уже хорошо обработан и практически полностью отшлифован мастерами слова. Оставались лишь как бы отдельные лакуны, сферы разногласий в употреблении. Вот здесь, согласно Дюкло, и обязан был сказать свое слово грамматист, чтобы не задерживать развития языка. А перед авторами Пор-Рояля еще лежало необработанное поле, давшее лишь первые ростки нового стиля. Везде еще встречались остатки старого стиля, и, для того чтобы культивировать новый стиль, необходимо было концентрировать внимание на „разумных“ началах языка, искать в первую очередь аналогические образования, так как, „если описываемый язык сосредоточит внимание лишь на причудах и капризах обихода, не учитывая нашей максимы, то язык может навсегда остаться неупорядоченным и, не имея твердых начал, никогда не сможет установиться“ (наст. изд., с. 141).

¹ См. Бокадорова Н. Ю. Указ. соч., гл. VI.

² Шарль Роллен (1661—1741) — известный филолог, историк и педагог, одно время ректор Парижского университета; подвергался преследованиям отцов-иезуитов.

³ См.: Rollin Ch. Manières d'enseigner et d'étudier les belles-lettres. P., 1751, t. 1, p. 19.

Таким образом, Дюкло своим комментарием постарался изменить соотношение текста „Грамматики Пор-Рояля“ и исходных принципов грамматического описания.

„Замечания“ Дюкло коснулись почти всех глав, всех идей „Грамматики Пор-Рояля“. Он подробно комментирует все 6 глав первой части, смело полемизирует с Арно и Лансло. Так, вместо 10 гласных он предлагает выделять во французском языке 17, полагая, что к 10 гласным, отмеченным во французском языке авторами Пор-Рояля, необходимо прибавить 4 носовых, различать не 3 *e*, а 4, выделять не одно *a* и *eu*, а два; он предлагает реформировать таблицу согласных во французском языке, различать „реальный, физический слог“ и „обиходный слог“; интересны его суждения о различных видах интонации и ударения. В комментарии к V главе первой части Дюкло высказывает ряд интересных мыслей о различии между разговорным и письменным языком, о различной роли народа и писателей в каждом из этих стилей языка. Здесь же он дает краткий очерк истории орфографии, обсуждает проблемы орфографической реформы во французском языке.

В фонетической части комментарий Дюкло представляет для современного читателя в основном лишь исторический интерес, так как XIX и XX вв. дали столь многое в области изучения фонетического строя языков, письма и орфографии, что тексты Дюкло, написанные на эту тему весьма новаторски более 230 лет назад, кажутся

сейчас просто лингвистическими древностями.

Гораздо менее устарели замечания ко второй части „Грамматики Пор-Рояля“. Здесь мы находим интересные соображения о природе грамматического рода (замечания к V главе) и падежа, об отсутствии падежей во французском языке и о связи типа языка („транспозитивный“ и „аналогический“) с наличием в нем категории падежа. Весьма зрелыми, даже с современных позиций, представляются суждения Дюкло о семантике артикля и его природе, о местоимениях, о семантике предлогов.

Принимая в целом философский подход авторов Пор-Рояля к классификации слов, к интерпретации их роли в речи и принципам соединения в конструкции, Дюкло пытается „исправить“ некоторые „ошибки“ Арно и Лансло. Так, в замечаниях к I главе второй части „Грамматики Пор-Рояля“ Дюкло, соглашаясь в принципе с тем, что необходимо различать „слова, обозначающие объекты мыслей“, и слова, „описывающие форму и способ мысли“, комментирует распределение частей речи по этим классам следующим образом: „авторы Пор-Рояля не должны были относить к первому классу артикль и предлог, равно как и наречие. Артикль и предлог принадлежат ко второму классу слов; наречие же, включая предлог и имя, может в зависимости от различных обстоятельств относиться то к первому, то ко второму классам¹.“

¹ Duclos. Remarques. — В кн.: Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Éd. A. Bailly. Gen., 1968, p. 48.

В соответствии с достижениями „грамматической науки“ в области синтаксиса Дюкло комментирует XXIV главу второй части. Он вслед за дю Марсе считает необходимым свести все отношения слов во фразе к двум видам отношений — „отношениям тождества“ (*le rapport d'identité*) и „отношениям детерминации“ (*le rapport de détermination*) (наст. изд., с. 241).

Заканчивая свой комментарий, Дюкло пишет: „Поскольку все частные грамматики подчинены общей грамматике, сделанные здесь замечания можно было бы умножить и расширить как угодно“¹. Но поскольку в задачу Дюкло входила лишь иллюстрация возможных приложений принципов „общей грамматики“ к материалу французского языка, он полагал свою задачу выполненной.

Комментарий Дюкло, лаконичный и несколько категоричный по манере изложения, резко отличается от несколько более позднего комментария Фромана. Да и задачи, которые они решали в своих комментариях, были различны. В отличие от Дюкло Фроман не пытался дать методологический норматив описания французского (или любого другого языка); он стремился проследить пути развития отдельных идей авторов Пор-Рояля во французской грамматической традиции конца XVII — первой половины XVIII в. При этом он пытается везде и во всем устанавливать истину и моменты ее искажения. Фроман — дилетант,

и размышления его над судьбами идей Арно и Лансло — это размышления любителя, столь популярные в XVIII в., когда энциклопедически образованные дилетанты зачастую являли примеры подлинно научных подвигов в области целого ряда научных дисциплин и синтеза результатов и достижений различных наук.

Широта научных интересов Просветителей XVIII в. была поистине удивительной для нас, современников узких научных специализаций, но эта широта и была вызвана необходимостью синтезирования знаний в различных областях.

Большинство ученых, в частности грамматистов, были людьми духовного сословия, аббатами. Это не случайно, так как светское образование в ту эпоху значительно уступало духовному. Но бурное развитие науки требовало пересмотра отношений к традиционным догматам церкви, к пониманию бытия Бога. Многие просвещенные аббаты в XVIII в. становились деистами, пантеистами и т. д., критиковали „антропоморфизм“ Священного писания. Каждый искал „своего Бога“, выдвигая все новые доказательства бытия Бога, а иногда и вовсе отвергая возможность его существования.

Фроман как клерикальный деятель, как принципал Вернонского коллежа пытается разобраться в основных положениях учения авторов Пор-Рояля еще и таким образом, чтобы согласовать эти положения с основными теологическими категориями. Так, природу глагола Фроман пытается объяснить, исходя из идеи бытия Бога, которая

¹ Duclos. Op. cit., p. 164.

„является чистым актом, лишенным действия, в противоположность бытию тварей божьих, являющемуся и действием, и могуществом“¹. Он пытается восстановить утерянную в XVIII в. связь грамматических и богословских категорий, которая, как он утверждает, лежала в основе „Грамматики Пор-Рояля“ и за которой стояла „Теология“, созданная авторами Пор-Рояля. Сочинение более древнее, исходное для течения, направления или метода, всегда имеет для церковного канона преимущественное значение. Фроман, канонизируя „Грамматику Пор-Рояля“, относится к ней как к сочинению более ценному, нежели грамматика позднего периода. Он скрупулезно разбирает каждую „новацию“ Бюфье, Жирара, дю Марсе и других авторов грамматик и, как правило, отрицает необходимость этих „новаций“. Он как бы призывает грамматистов „вернуться к истокам“, научиться глубже понимать и верно толковать текст „Грамматики Пор-Рояля“ — своеобразного грамматического канона, который не должен искажаться различного рода грамматическими ересями. Таким образом, Фроман подходит к решению этой же задачи, которая стояла перед Дюкло как членом Французской Академии, — к задаче стабилизации норматива грамматического описания, но подходит с иных позиций. Недаром Дюкло одобрил текст Фромана (тексты комментариев были созданы практически одновременно и независимо)² и предложил напеча-

¹ Fromant. Op. cit., p. 339.

² См. об этом: Fromant. Op. cit., p. 235 ss.

тать его в качестве „дополнения“ к „Общей и рациональной грамматике Пор-Рояля“. С 1769 г. „Грамматика Пор-Рояля“ начинает выходить с „Дополнением“ Фромана, которое печатается после текста самой „Грамматики...“, снабженной поглавно комментариями Дюкло. Текст комментария Фромана по объему превышает текст „Грамматики Пор-Рояля“ и комментария Дюкло, вместе взятых.

После выхода в свет „Грамматики Пор-Рояля“ с комментариями Дюкло и Фромана необходимость в непосредственном комментировании текста фактически отпала. Зато к концу XVIII — началу XIX в. появилась необходимость в „выявлении духа (génie) французского языка, общие правила которого установлены Арно и Лансло“¹. В издании 1803 г. тексту „Грамматики Пор-Рояля“ предпослан „Очерк происхождения и развития французского языка“, написанный Петито, который полагает, что настало время дополнить сочинение Арно и Лансло кратким очерком „развития французской словесности“, ибо „дух языка проявляется прежде всего в изящной словесности“. Необходимость строго очертить границы „нового“ французского языка в хронологическом плане требовала указать на нормирующий канон и писателей, положивших начало „современному“ (в широком смысле) литературному языку. Петито назы-

¹ См.: Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal, par Arnauld et Lancelot. Précédé d'un Essai sur l'origine et le progrès de la langue française. Par M. Petitot. P., 1803.

вает в качестве такого писателя Расина, полемизируя с рядом грамматистов XVIII в., в частности с д'Оливе. А в отношении „нормирующего“ канона у Петито, как и у всех его современников, нет ни малейшего сомнения. Это — „Грамматика Пор-Рояля“.

Позднее широкой известностью пользовалось парижское издание 1846 г. (изд. А. Байи), снабженное второй частью „Логика Пор-Рояля“, где излагается теория предложений; замечаниями Дюкло, члена Французской академии; дополнением к общей грамматике Пор-Рояля, составленным аббатом Фроманом. Это издание оказалось наиболее полным источником, содержащим важнейшие тексты, связанные с грамматикой Пор-Рояля, что послужило причиной его воспроизведения в Женеве в 1968 г. (в „Slatkine reprints“).

При подготовке русского перевода наряду со вторым изданием „Грамматики“ широко использовалось издание А. Байи.

Н. Ю. Бокадорова

73. ... а или і не различаются по долготе и краткости. — Авторы Пор-Рояля в ряде случаев без каких-либо оговорок переходят от суждений о языках вообще к суждениям лишь о французском языке, латыни, греческом и о языках близкого им романского ареала. В данном случае они не учитывают фактов противопоставления а и і по долготе и краткости в таком языке, как английский. Вместе с тем, этот языковой ареал, включенный ими в „языки севера“ (см. комм. к с. 78), в ряде случаев ими рассматривается.

74. ... новые языки — в оригинале „Langues Vulgaires“, букв. 'вульгарные языки'. В романистике наших дней употребляется термин „вульгарные языки“, т. е. языки на народной основе в отличие от классических языков древности. Мы выбрали для перевода термин „новые языки“, т. к. термин „вульгарные языки“ вызывает побочные ассоциации, да и сами авторы Пор-Рояля в ряде случаев пишут о „новых языках Европы“, см. также комм. к с. 187, т. е. о литературных языках на народной основе, постепенно возникших в Европе после крушения Римской империи (см. комм. к с. 75).

... е-немое во французском языке само может зачастую образовать слог, или полуслог... — Речь идет о французском языке XVII в.

75. ... в основных языках. — Картина языков, рассматриваемых авторами Пор-Рояля — ойкуменическая. В редуцированных рамках классической европейской языковой ойкумены XVII в., ориентированной, несмотря на Великие географические открытия, на античную ойкумену в ее ренессансном предомлении, А. Арно и Кл. Лансло видят выражение духа всех языков мира. В качестве основных фигурируют латынь и новые евро-

нейские языки, греческий и древнееврейский. Это своеобразный центр европейской языковой ойкумены до конца XVIII — нач. XIX в. Европейская лингвистическая традиция возникла и развивалась преимущественно на материале указанных языков.

78. ... северных языков... — Под северными языками, или языками Севера (*langues du Nord*), авторы Пор-Рояля понимали, в первую очередь, английский, а также — скандинавские языки.

81. ... „*Nouvelles Méthodes*“... — „*Nouvelles Méthodes pour apprendre la langue grecque*“. Р., 1655 („Новые методы изучения греческого“) и „*Nouvelles Méthodes pour apprendre la langue latine*“. Р., 1644 (или Р., 1656) („Новые методы изучения латыни“) — сочинения Клода Лансло, одного из авторов „Грамматики Пор-Рояля“ (Cl. Lancelot).

... *атнах и силлук* — так называемые „разделительные акценты“ в еврейском языке, отвечающие нашим точке и точке с запятой: „силлук (конец), только в конце стиха...“, *атнах* (отдых) — „встречается большей частью в середине стиха, который он разделяет на две половины“ (см.: Гезе и ус В. Еврейская грамматика. Перевод проф. К. Коссовича. Спб., 1874, с. 70).

84. ... *порчей языков*... — Теория порчи языков (*corruption des langues*) была распространена в XVII—XVIII вв. „Порча“ касалась преимущественно классических языков, особенно латыни, происходила, по мнению авторов XVII—XVIII вв., от небрежного употребления или незнания грамматики и превращала классические языки в „вульгарные“.

85. ... *Рамус в своей грамматике французского языка*... — Пьер де ла Раме, или Рамус (Рамюс) (*Ramus Petrus, 1515—1572*) — известный французский ученый. Занимался философией, математикой, филологией, теорией искусства и т. д. Отличался дерзостью и независимостью мышления. Одним из первых выступил с критикой гносеологии Аристотеля, боролся за права разума и свободу человеческого духа. Его реформаторские идеи в области грамматики соответствовали духу его проектов в области изменения системы обучения и преобразования методологии науки. Автор грамматик ла-

тинского (1559), греческого (1560) и французского языков (1562).

... пример императора Клавдия... — Светоний рассказывает (Claud., 43), что Клавдий добавил к латинскому алфавиту три буквы, которые он полагал необходимыми: это d (F перевернутое) = v консонантному; F (левая часть H) — для обозначения звука, среднего между i и u; O — антисигма = bs или ps. В надписях встречается лишь антисигма. Этому предмету он посвятил целый трактат. Но даже при жизни Клавдия его реформа не удалась; по крайней мере, после его смерти введенные им буквы не употреблялись. См.: Тацит. *Анналы*, XI—XII; Светоний. *Claudius*, 43 Fr. Büchler. De Ti. Claudio Coesare grammatico. Elberfeld, 1856.

97. ... *Смотрите об этом в книге „Nouvelle Méthode de latine“*... — имеется в виду сочинение Кл. Лансло (см. комм. к с. 81).

115. ... „*Основы латинского языка*“... — сочинение Юлиана Цезаря Скалигера: *Scaliger Julius Caesar (Guilio Bordone). De Causis Linguae latinae libri tredecim*. Lyon, 1540. Скалигер (1484—1558) был известным врачом, филологом и критиком. Обладал обширнейшими познаниями в области классической древности.

123. ... *Вот чего не учел, как нам кажется, господин де Вожла*... — Кл.-Ф. де Вожла, или Вожела (Cl. de Vaugelas, 1585—1650), французский грамматист, сын президента Фабра. Славился блестящим знанием французского языка, что послужило поводом к его избранию во Французскую Академию в год ее основания (1634). Автор знаменитого труда „*Remarques sur la langue française*“ (1647). Эта книга сыграла огромную роль в истории становления норм французского языка; она много раз переиздавалась, в том числе и в XX в. В полемике с Вожла формировались взгляды многих французских грамматистов, включая и авторов Пор-Рояля; см.: Vaugelas. *Remarques...*, Р., 1880 (éd. A. Chassang), т. 1, р. 178 или же: Vaugelas. *Remarques...* (Facsimilé de l'édition de 1647 (éd. J. Streicher). P.: Droz, 1934, р. 95.

127. ... *Господин де Вожла ... обращал внимание на аналогичное правило*... — Относительно употребле-

ния *qui* см.: Vaugelas. Remarques..., P., 1880 (éd. A. Chassang), v. 1, p. 125 или же: Vaugelas. Remarques... (Fac-similé de l'édition de 1647 (éd. J. Streicher). P.: Droz, 1934, p. 55.

151. ... *Буксторф Иоганн* (J. Buxtorf, 1564—1629) Один из основателей еврейского и халдейского языкознания в Германии. В течение почти 30 лет был профессором еврейского языка в Базеле. Известны его „Lexicon chaldaicum talmudicum et rabbinicum“, Bazel, 1640; „Grammaticae Chaldaicae et Syriacae liber“, Bazel, 1650; „Thesaurus grammaticus linguae Sance Hebraicae“, Bazel, 1620. Все эти книги многократно переиздавались в XVII в.

152. ... *имена призваны обозначать то, что существует постоянно, а глаголы — то, что преходяще...* — см.: Scaliger, ук. соч. (комм. к с. 115.).

158. *В восточных языках...* — под „восточными языками“ авторы Пор-Рояля подразумевали языки восточной части ойкумены (см. комм. к с. 75), т. е. в основном семитские языки бывших азиатских провинций Римской империи, в первую очередь, конечно, древнееврейский и арамейский.

161. ... *форма je vas* рассматривалась грамматистами XVII—XVIII вв. как конкурирующая и равноправная с формой *je vais*. Проблема выбора между *je vas* и *je vais* уделяли большое внимание П. Буур, Тома Корнель, Аббат Жирар, Н. Боле и др. филологи. См.: Encyclopédie Méthodique. Grammaire et littérature, t. III, P., 1789, p. 603—605.

170. ... *когда иудеи говорили на другом языке, как, например, евангелисты...* — Новозаветные книги написаны на греческом языке, за исключением, может быть, Евангелия от Матфея, которое, по мнению ряда исследователей, первоначально было написано по-арамейски в поучение единоплеменикам Матфея. особенно книжникам, а потом уже переведено на греческий язык. Относительно характера языка Новозаветных книг тянулся долгий спор в XVII и XVIII вв. между так называемыми пуристами, с одной стороны, и гебраистами, с другой. Пуристы утверждали, что язык новозаветных писаний есть чистый греческий язык, не уступающий по чистоте языку классиков, свободный от

селецизмов и варваризмов, в частности, от гебраизмов. Гебраисты же находили в языке Нового Завета очень много гебраизмов и вообще не признавали его чистым. Победа в споре осталась за гебраистами. Авторы Пор-Рояля по-видимому принадлежали к „гебраистам“.

176. ... *некоторые весьма искусные грамматисты...* — авторы Пор-Рояля имеют в виду прежде всего Санкция (Sanctius) и Скалигера (Scaliger). См. Вступительную статью и комм. к с. 115.

178. ... *глава 5...* — имеется в виду сочинение Кл. Лансло, см. комм. к с. 81.

185. ... *состоящий из глагольного имени, управляющего в этом случае падежом, которого требует соответствующий глагол.* — Поскольку инфинитив в собственном смысле слова в латинском языке не склонялся, то для описания такого явления, как изменение инфинитива, по сути соответствующее его склонению, авторы Пор-Рояля прибегают к помощи форм греческого языка, где склонение инфинитива осуществляется посредством изменения артикля. В данном примере к латинскому инфинитиву *legere* 'читать' они прибавляют греческий артикль в родительном падеже, что фактически означает родительный падеж инфинитива *legere*. При этом нужно иметь в виду, что герундий в латинской грамматике часто описывается как набор форм косвенных падежей инфинитива.

187. ... *для всех новых языков Европы ...* — см. комм. к с. 74.

... *образчик французской грамматики ...* — авторы Пор-Рояля неоднократно подчеркивают, что их грамматика является „общей и рациональной“ и не может использоваться в качестве грамматики французского языка. Но в ней есть отдельные фрагменты, или „образчики французской грамматики“. Это замечание Арно и Лансло представляет особенно важным в свете отношения римско-католической церкви к янсенистским переводам Библии на французский язык. Папа Климент IX в 1667—68 гг. осудил и запретил перевод Библии на французский язык, сделанный братьями Исааком и Луи Леметр де Саси, отшельниками-янсенистами из монастыря Пор-Рояль. Создание французской грамматики в монастыре Пор-Рояль могло в кон-

це 50-х — начале 60-х гг. XVII в. рассматриваться как часть деятельности по подготовке полного французского перевода Библии в редакции янсенистов, поэтому атмосфера для её написания была крайне неблагоприятной.

190. ... *валлоны, говорящие на плохом французском...* — В XVII в. французы воспринимали валлонов как народ, усвоивший французский язык в его „испорченном“ варианте. „Порча“ эта объяснялась влиянием германоязычных соседей и удаленностью от Парижа как центра нормализации французского языка. См. комм. к с. 84.

192. ... *заботы, которые мне доставил этот процесс...* — см.: Vaugelas Cl., ук. соч. P., 1880, т. II, p. 270. См. также: Vaugelas Cl. Remarques... Extraits, P., 1969, p. 113.

198. ... *оспаривались господином де Вожла...* — см.: Vaugelas Cl. Remarques ... P., 1969, p. 109—113 (есть указания на предшествующие издания).

Малерб... — (François de Malherbe, 1555—1628), известный французский поэт и нормализатор языка. Был постоянным гостем известного литературного салона Рамбулье, где горячо участвовал в спорах о правильности французского языка, переводил латинских авторов. Малерб предложил реформу французского стиха; был убежденным пуристом. Вожла в рассмотрении указанного правила (см. комм. к с. 192) уделяет значительное внимание соображениям и примерам Малерба.

214. ... *„Nouvelles Méthodes ...“, посвященных греческому и латыни...* — см. комм. к с. 81.

218. ... *более просвещенное поколение грамматистов, во главе которого я помещаю авторов Пор-Рояля ...* — Во французской лингвистической традиции XVIII в. „Грамматика Пор-Рояля“ рассматривалась как важный рубеж развития грамматической мысли. С нее начиналась „грамматическая наука“, поэтому и считалось, что именно авторы Пор-Рояля произвели подлинный переворот в грамматическом знании. Традиции авторов Пор-Рояля продолжили в первой половине XVIII в. П.-Клод Бюффе, П. Ресто, П.-Ж. Д’Оливье, Г. Жирар, С. Шено дю Марсэ и ряд других известных грамматистов. Дюкло в данном случае говорит именно об этих, широко извест-

ных к середине XVIII в., авторах грамматик. См.: Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII — начала XIX века. М., 1987.

224. ... *грамматисты должны входить и в более точкие детали...* — Дюкло по своим убеждениям — сторонник просветительского рационализма. Полемизуя, как и авторы Пор-Рояля, с Вожла, он одновременно отстаивает права грамматической традиции. Проникновение грамматиста в „тонкости“ языкового обычая должно быть ограничено „разумными основаниями“ и не приводить к разрыву с установившейся номенклатурой понятий и терминов. Именно в этом ключе можно интерпретировать дальнейшие, внешне противоречивые, замечания Дюкло к гл. VIII.

240. *Ренье...* — имеется в виду Ренье-Демарэ, член Французской Академии, автор „Французской грамматики“ (P., 1706). (См.: Бокадорова Н. Ю. Ук. соч., гл. II, III).

246. *Б. Лами, автор одной из самых популярных во Франции XVII в. риторик...* — (Bernard Lamy, 1640 — 1715). Преподаватель риторики и философии в Анжере, был близок к картезианству, сотрудничал с Кя. Лансло, изучал труды А. Арно. Его „Rhétorique, ou L’art de parler“ (Lyon, 1688), многократно переиздавалась и цитировалась в XVIII в.

247. *Жирар Г.* — (Girard G. (l’abbé), 1677—1748). Известный французский грамматист, член Французской Академии (1744), секретарь-переводчик короля. Автор „Vrais principes de langue française“ (P., 1747).

д’Оливье ... — (d’Olivet, P.-J. (l’abbé), 1682—1768). Французский грамматист, член Французской Академии (1723), автор многочисленных филологических сочинений, в том числе „Essais de grammaire“ (1732) — см.: Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция...

дю Марсэ — (Du Marsais, César Chesneau (sieur), 1676—1756). Наиболее выдающийся грамматист-филолог, автор известных работ по методике изучения языков и грамматике. Подробнее о нем см.: Бокадорова Н. Ю. Ук. соч.

СОДЕРЖАНИЕ

—5—

Пор-Рояль в европейской культуре
Вступительная статья Ю. С. Степанова

—68—

Предисловие

—71—

Грамматика общая и рациональная

—72—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

в которой говорится о буквах и знаках письма

—72—

Глава I

О буквах как звуках, и в первую очередь о гласных

—75—

Глава II

О согласных

—79—

Глава III

О слогах

—80—

Глава IV

*О словах как звуках,
где говорится об ударении и акцентуации*

—82—

Глава V

О буквах как знаках письма

268

—86—

Глава VI

*О новом способе
облегчающем обучение чтению на разных языках*

—89—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

*в которой говорится о началах и причинах,
лежащих в основании разнообразных видов
значения слов*

—89—

Глава I

*О том, что знание происходящего в нашем рассудке
необходимо для понимания основ грамматики:
а также о том, от чего зависит разнообразие слов,
составляющих речь*

—93—

Глава II

*Об именах, и в первую очередь
о существительных и прилагательных*

—97—

Глава III

*Об именах собственных и апеллятивах,
или нарицательных*

—99—

Глава IV

Об единственном и множественном числах

—101—

Глава V

О роде

269

—105—

Глава VI

*О надежах и предлогах, в той мере,
в какой необходимо говорить о последних,
чтобы изъяснить природу некоторых надежей*

—115—

Глава VII

Об артиклях

—121—

Глава VIII

О местоимениях

—128—

Глава IX

*О местоимении, называемом относительным,
или релятивом*

—133—

Глава X

*Анализ правила французского языка,
закрывающегося в том,
что нельзя употреблять релятив
после имени без артикля*

—142—

Глава XI

О предлогах

—146—

Глава XII

О наречиях

—147—

Глава XIII

О глаголах и об их неотъемлемых свойствах

270

—157—

Глава XIV

О разнообразии лиц и чисел в глаголах

—160—

Глава XV

О различных временах глагола

—164—

Глава XVI

О различных модусах, или наклонениях глаголов

—168—

Глава XVII

Об инфинитиве

—172—

Глава XVIII

*О глаголах, которые можно назвать адъективными,
и об их различных залогах —
действительном, страдательном и среднем*

—177—

Глава XIX

О безличных глаголах

—181—

Глава XX

О причастиях

—184—

Глава XXI

О герундиях и сутинах

271

—187—

Глава XXII

О вспомогательных глаголах новых языков

—202—

Глава XXIII

О союзах и междометиях

—204—

Глава XXIV

О синтаксисе, или конструкциях при сочетании слов

—212—

Прибавление от авторов

—213—

Замечания члена Французской академии господина
Дюкло к „Грамматике общей и рациональной Пор-

Рояля“

(извлечения)

—244—

Традиция издания и комментирования
„Грамматики Пор-Рояля“ во Франции
Послесловие Н. Ю. Бокадоровой

—261—

Комментарий

Составила Н. Ю. Бокадорова

А. Арно, Кл. Ланело

**ГРАММАТИКА
ОБЩАЯ И РАЦИОНАЛЬНАЯ ПОР-РОЯЛЯ**

Редактор *В. Д. Мазо*
Младший редактор *Р. И. Алимова*
Художник *А. Е. Смирнов*
Художественный редактор *С. В. Красовский*
Технический редактор *Д. Я. Белювская*
Корректор *О. С. Косова*

ИБ № 17507. Сдано в набор 01.03.89. Подписано в печать 21.02.90.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Обычн. новая».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,94. Усл. кр.-отт. 10,26. Уч.-изд. л. 9,39.
Тираж 3800 экз. Заказ № 0859. Цена 1 р. 90 к. Изд. № 46037.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21,
Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7
«Искра революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного коми-
тета СССР по печати. 103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.